

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В.В. ВИНОГРАДОВА РАН

На правах рукописи

Муратов Юрий Михайлович

**Генетическая и мотивационная характеристики лексико-семантического
поля ‘присвоение чужого’ в русском языке**

Специальность 10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель -
доктор филологических наук,
профессор Ж.Ж. Варбот

Москва

2015

Содержание

Введение.....6—47

Глава I. Генетическая характеристика лексем поля.....48 — 209

1.1. Русская лексика славянского происхождения.....52 — 160

(**krasti*...52 – 59; **хътѣти* / **хот-је-* / **xvat*...59 – 67; **verti*, **вѣрѣ*...67 – 75; **гьнати*, **женѣ*...75 – 83; **grebti*...74-81; **бьрати* / **берѣ*...83 – 86; **јѣти* / **јьтѣ*...86 – 90; **biti*.....90 – 91; **tatъ*.....92 – 96; **blęsti*.....96 – 99; **тъкнѣти*.....99 – 100 ; **хопити*.....100 – 101; **derti*, **дьрати*.....101 – 102; **дьрати*.....102 – 104; **turiti* / **tyriti*.....104 – 106; **svojъ*.....106 — 107; **taskati*.....107 – 108; **voldęti*.....108 – 109; **vesti*.....109; **svistęti*.....110; **гьвати*.....110 – 111; **nyriti*.....111; **pelnъ*.....112; **srstъ*.....112 — 113; **paxati*.....113; **stradati*.....114; **buriti*.....114 – 115; **žęgti*.....115 – 116; **vorgъ*.....116; **lęsъ*.....116 — 117; **stebati*.....117; **lupiti*.....117 – 118; **lubъ*.....119; **vorobъjъ*.....120; **carapati*.....120; **skrebtі*.....121; **blaz-*.....121 – 122; **myzгati*.....122; **sila*.....123 – 125; **vojъ*.....125 — 126; **тъгати*.....125; **pakostъ*.....126 — 127; **velkti*.....126 – 127; **tvoriti*.....127 – 128; **tęg-* / **tęz-*.....128; **vezti*.....129; **gręzъ*.....129; **čistъ*.....130; **ševeliti*.....130; **luskati*.....130 — 131; **ščekotati*.....131 — 132; **ščelkati*.....132; **žul-*.....132 — 133; **domъ*.....133; *(*x*)*lomъ* / *(*x*)*lamъ*.....134 — 135; **oriti*.....135; **gromъ*.....136; **gludъ*.....136 — 137; **vortiti*.....137; **viti*.....137 — 138; **rogъ*.....138 — 139; **bogъ*.....140-141; **kudъ*.....140; **širъ*.....141; **perti*.....141; **duti*.....141 — 142; **duriti*.....142; **sęditi*.....142; **gop-*.....143 — 144; **loviti*.....144; **bag(ъ)гъ*.....144 — 145; **tęšiti*.....145; **lęzti* / **lazati*.....145 — 146; **klepati*.....146; **lizati*.....146; **libiti*.....146 — 147; **brestiti*.....147; **dugъ*.....147; **capati*.....148; **korbъ*.....148; **zъljъ*.....148 — 149; **porti*.....149; **gordъ*..... 149; **dybati*.....150; **medvędъ*.....150; **mošъna*.....150; *Гайдар*.....151; **kolti*.....151; **križati*.....151; **dojiti*.....151 — 152; **kolęno*.....152; **uti*.....152 — 153; **ryba*.....153; **skokati*.....153 — 154; **kury*, **kurъve*...154; **slina*.....154 — 155; **srpati*..... 155; **ščъp-*.....155; **kydati*.....155 — 156; **gryzti*.....156; **pustiti*.....156; **вълснѣти*.....157; **šaraxati*.....157; **čersti*..... 158; **qda*.....158; **peiti*.....158 — 159; **ter'ati*.....159; **dręg/къ*.....159; **tepti*.....160).

1.2. Заимствования лексика.....160 — 179

1.2.1. Заимствования, имевшие значение ‘красть’ в языке-источнике.....161—167

(*гробокопатель*.....161; *бандит*.....162 — 163; *пират*.....163 — 164; *плагиат*.....164 —165; *компиляция*.....165; *клептомания*.....166; *глиссануть*.....166; *карабча*.....167).

1.2.2. Заимствования, развившие значение ‘красть’ на русской почве.....167—180

(*карманник*.....167; *барыш*.....168; *аманат*.....168 — 169; *баклажничать*.....169; *схимостить*....169 — 170; *сбулить*.....170; *чужить*.....170 — 171; *ляпнуть*.....171; *штукарь*.....171; *замытарить*.....171 — 172; *каймашник*.....172; *шабашка*.....172 — 173; *пошкодить*.....173; *позычить*.....173; *ошкуй*.....174; *кустарник*.....174; *отгасовать*.....175; *фараонить*.....175; *сбарчить*.....175; *бомбануть*.....176; *натараканить*....176; *спионерить*, *скоммуниздить*, *скомсомолить*.....176; *пациент*.....177; *отработать*....177; *приватизировать*.....177; *ремонтник*.....178; *свинтить*.....178; *фитиль*.....178; *шакалить*.....179; *слимонить*.....179).

1.3. Темные лексемы.....180 — 198

(*счалить*.....181 — 182; *гундерить*.....182 — 183; *поддеюлить*....183 — 184; *разбутыскать*.....184; *баянить*, *баклать*, *бачить*.....184 — 185; *сбукчить*.....185; *убахтить*....185; *слебрить*.....165 — 166; *спулить*...186; *сбентерить*....186 — 187; *охахалить*.....188; *лямзить*.....188 — 189; *сбусать*.....189; *стигостить*.....189; *сбуздать*.....190; *смамырить*....190; *хабить*....191; *чиграш*....191 — 192; *шпана*....192; *шиш-*.....192 — 193; *зашиморить*.....193; *лох*....193-194; *усякрить*, *усяприть*.....194 — 195 ; *варнак*....195; *вороп*....166; *тибрить*....197; *спорить*....197 — 197; *юхтить*.....198; *скеросинить*.....198).

Выводы к Главе I199 — 209

Глава II. Мотивационные модели.....210–240

1. 'векторное перемещение предмета в пространстве'.....214 — 216
2. 'отдираание, отделение'.....216 — 217
3. 'хватание'.....218 — 219
4. 'применение силы'.....219 — 221
5. 'быстрое, неожиданное совершения действия'.....221 — 222
6. 'перемещение преступника'.....222 — 223
7. 'отклонение от нормального поведения (аморальное поведение)'.....223—225
8. 'уподобление другому лицу / животному по сходству в поведении'.....225—226
9. 'место промышления'.....226 — 228
10. 'специализация по предмету кражи'.....228
11. 'причинение зла'.....229 — 230
12. 'исчезновение (заставлять исчезать)'.....230
13. 'собственно присвоение'.....231 — 232
14. 'накопление'.....232 — 233
15. 'отклонение от законного состояния'.....233 — 234
16. '(низкий) социальный статус жертвы'.....234 — 235
17. 'извлечение'.....235
18. 'получение прибыли'.....235 — 236

Выводы к Главе II236 — 240

Глава III. Хронологическое распределение мотивационных моделей и их лексического наполнения241 — 270

1. 'перемещение преступника'.....243 — 246
2. 'векторное перемещение предмета в пространстве'.....246 — 250
3. 'отдираание, отделение'.....251 — 254
4. 'хватание'.....254 — 256
5. 'применение силы'.....257 — 258
6. 'причинение зла'.....258 — 259

7. 'отклонение от нормального поведения (аморальное поведение)'260 — 261
8. 'собственно присвоение'261 — 262
9. 'быстрое, неожиданное совершения действия'262 — 263
10. 'уподобление другому лицу / животному по сходству в поведении'263
11. 'место промысла'263 — 264
12. 'специализация по предмету кражи'264
13. 'исчезновение (заставлять исчезать)'264
14. 'накопление'265
15. '(низкий) социальный статус жертвы'265
16. 'извлечение'265
17. 'получение прибыли'266
18. 'отклонение от законного состояния'266
Выводы к Главе III267 — 270
Заключение271 — 276
Алфавитный указатель лексем277 — 284
Библиография285 — 304
Источники285 — 288
Литература289 — 304

Введение

На основе исследования генетической и мотивационной характеристик лексико-семантического поля ‘присвоение чужого’ в русском языке в данной работе восстанавливается один из фрагментов русской языковой картины мира.

Обилие слов в русском языке со значением ‘кража, воровство и т.п.’, различных по происхождению и времени образования, отражающих значительное количество мотивационных моделей, свидетельствует о существенности данного лексико-семантического поля для носителей языка.

Присвоение чужого как социальное явление имеет длительную историю, связанную с развитием общества, представлений о собственности, социальных отношений. Древнейший фонд лексики рассматриваемого поля унаследован русским языком от праиндоевропейского и праславянского языков. Бóльшая часть лексики поля – продукт истории русского языка.

Актуальность работы состоит в анализе лексики, отражающей существенный фрагмент языковой картины мира русского этноса, путем исследования лексико-семантического поля, что соответствует современным представлениям о системном анализе лексики и его применении к анализу лексики русского языка во всех сферах его функционирования. Изучение лексико-семантических полей признается одним из наиболее эффективных способов исследования лексики и, как следствие, восстановления фрагментов языковой картины мира этноса.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые целиком анализируется лексико-семантическое поле ‘присвоение чужого’, что позволяет осуществить реконструкцию соответствующего фрагмента языковой картины мира.

Степень изученности темы и теоретическая значимость диссертации.

Лексико-семантическое поле ‘присвоение чужого’ до сих пор не было рассмотрено в своей целостности, анализировалось только происхождение отдельно взятых корней и лексем (см о слав. **krasti* в [Топоров, 1997, с. 150-161], о рус. *вор* [Варбот, 1976, с. 32-43], анализ отдельных слов в этимологических словарях). В данной работе впервые выявлен наиболее полный лексический состав поля, определен набор этимологический гнезд, порождающих лексемы поля, выявлены мотивационные модели, организующие его. На этой основе определяются характеристики существенного фрагмента языковой картины мира русского этноса – представления о присвоении чужого. Впервые реконструирована история данного поля в русском языке, его заполнение на различных исторических этапах языка и в диалектах.

Целями данного диссертационного исследования являются: 1) выявление как можно более полного лексического состава поля ‘присвоение чужого’ на основе исторического, диалектного, литературного и отчасти жаргонного материала; 2) определение генетических характеристик лексики поля (определение набора этимологических гнезд, порождающих лексику поля); 3) определение мотивационных моделей, организующих лексику поля; 4) реконструкция соответствующего фрагмента русской языковой картины мира в его истории; 5) основанная на проделанной работе оценка (подтверждение / критика) существующих этимологических решений и поиск новых этимологических решений для темных лексем.

Поставленным целям отвечают следующие задачи:

- 1) распределение выявленной лексики поля по ее принадлежности к определенным этимологическим гнездам русского языка; определение набора гнезд, в которых развивается значение присвоения чужого; 2) определение мотивационных моделей и типов мотивации, отраженных в лексике поля; 3) хронологическое описание мотивационных моделей поля; 4) предложение

новых аргументов для уже существующих этимологических решений, включение в этимологические гнезда лексем, не имеющих надежных этимологических толкований, и предложение этимологический решений для ряда темных слов.

Основными методами работы являются синхронно-описательный и сравнительно-исторический (словообразовательно-этимологический и семантический анализ).

Исследование основано на следующем материале:

- 1) лексика современного русского литературного языка (СРЛЯ), собранная по «Словарю русского языка» А.П. Евгеньевой (МАС) в 4-х томах 1981 г., которая дается без ссылок;
- 2) лексика русских диалектов, собранная по словарям русских диалектов (по возможности, полным), отражающим словарный фонд диалектов различных регионов: «Словарь говоров Подмосковья», «Селигер. Материалы по русской диалектологии», «Словарь русских донских говоров», «Большой толковый словарь донского казачества», «Словарь русских говоров одесщины», «Словарь говоров уральских (яицких) казаков», «Русские говоры Среднего Поволжья (Чувашская Республика и Республика Марий Эл)», «Словарь русских донских говоров», «Словарь говоров Русского Севера», «Новгородский областной словарь», «Архангельский областной словарь», «Русские говоры Беломорья», «Словарь вологодских говоров», «Вологодское словечко», «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении», «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей», «Поморска говоря. Краткий словарь поморского языка», «Словарь русских говоров Низовой Печоры», «Псковский областной словарь», «Ярославский областной словарь», «Народные говоры Западной Брянщины», «Смоленский областной словарь», «Словарь русских говоров Среднего Урала», «Словарь пермских говоров», «Словарь русских говоров Южного Прикамья», «Словарь русских говоров

Сибири», «Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая», «Словарь региональной лексики крайнего Северо-Востока России», «Словарь русских говоров Прибайкалья», «Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья»;

3) исторический материал, собранный по следующим словарям: «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского, «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.», «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII в.»;

4) жаргонная лексика, отобранная по «Словарю тюремно-лагерно-блатного жаргона», «Толковому словарю русского сленга», «Большому словарю русского жаргона», «Собранию русских воровских словарей в четырех томах».

Кроме того, частично использованы толковые словари под ред. Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова для более полного описания лексики современного русского литературного языка; «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля и «Словарь русских народных говоров» для пополнения диалектной лексики; «Старославянский словарь» для помощи в исторических исследованиях.

При отборе материала использовался метод сплошной выборки. Лексико-семантическое поле ‘присвоить чужое’ понимается как группировка всех лексем русского языка с этой семантикой, независимо от их частеречной принадлежности, учитывая тот факт, что совокупность слов, входящих в одно поле, связывают парадигматические отношения трех типов: семантические, словообразовательные и ассоциативные [Долгих, с. 90]. В качестве объектов исследования выбраны лексемы, значения которых в словарных дефинициях определяются через принятый в работе синонимичный ряд: 1) для существительных: *кража, грабеж, присвоение, захват; вор, грабитель, похититель; ворюга*; 2) для глаголов: *красть, воровать, грабить, присваивать,*

отнимать, захватывать; 3) для прилагательных: краденный, ворованный, ограбленный; вороватый, крадучий.

Практическое значение работы состоит в том, что результаты исследования и применяемая методика могут быть использованы при этимологизации лексики русского и других славянских языков, в исследованиях по реконструкции этимологических гнезд, в исследованиях по лексикологии, семантике и по языковой картине мира русского язык, в лекционных курсах и семинарах по этимологии и этнолингвистике в вузах.

Положения, выносимые на защиту:

1) Лексико-семантическое поле ‘присвоение чужого’ образуется производными из 110 этимологических гнезд праславянского происхождения преимущественно с исходной глагольной семантикой.

2) В состав лексико-семантического поля ‘присвоение чужого’ входит значительное количество заимствованной лексики двух типов: а) имеющие значение поля в языках-источниках (преимущественно интернациональные греческие и латинские корни и образованные на их основе лексемы французского и немецкого языков); б) приобретшие семантику поля на русской почве по мотивационным моделям, присущим русскому языку (преимущественно языки народов, когда-либо проживавших на территории России: татар., саамск., коми, фин., тюрк. яз.)

3) Лексемы, сформировавшие лексико-семантическое поле ‘присвоение чужого’, созданы в соответствие с 18 мотивационными моделями, которые могут быть обобщены в четыре типа мотиваций: 1) движение самого преступника или перемещение предмета хищения (‘векторное перемещение предмета в пространстве’, ‘отдираание, отделение’, ‘хватание’, ‘быстрое, неожиданное совершение действия’ (уподобление свисту, прыжку и под.),

‘перемещение преступника’ (ловкое, тихое, осторожное), ‘поворачивать’); 2) сущность присвоения с точки зрения жертвы (‘применение силы’, ‘причинение зла’, ‘исчезновение (заставлять исчезать)’); 3) сущность присвоения с точки зрения преступника (‘место промышления’ (жилое помещения или неохраняемая местность), ‘специализация по предмету кражи’, ‘собственно присвоение’, ‘накопление’, ‘извлечение’, ‘получение прибыли’); 4) характеристика преступника (‘отклонение от нормы поведения (аморальное поведение)’ (лукавое, низкое, подлое), ‘уподобление другому лицу (врагу), /животному’.

4) Выделенные мотивационные модели лексико-семантического поля ‘присвоение чужого’ с их обобщением в четыре типа мотиваций, отражающие принципы осмысления этносом явления в целом, являются отражением существенного фрагмента языковой картины мира русского этноса.

5) В работе предложены авторские этимологические толкования для ряда темных лексем, из которых для 33 лексем предполагается заимствованное происхождение, а для 37 — исконно русское.

Апробация работы проводилась на заседании Отдела этимологии и ономастики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, на международных конференциях «Ломоносов-2013», «Ломоносов-2014». По теме работы опубликовано пять статей.

Структура работы: 1) Введение; 2) Три главы: I «Генетическая характеристика лексем поля»: распределение слов по этимологическим гнездам, словообразовательный комментарий; II «Мотивационные модели»; III «Хронологическое распределение мотивационных моделей и их лексического наполнения»; 3) Заключение, где подводятся результаты

исследования и делаются некоторые обобщения; 4) Алфавитный указатель лексем; 5) Библиография: Источники (в количестве 56). Научная литература (в количестве 220).

Существенные положения диссертации отражены в публикациях
(в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ)

1. **Как *тать* дошел до *святотатства* // Русская речь. М., 2014. № 1. С. 114-118.**
2. ***Красться, украдкой, красть* // Русская речь. М., 2014. № 2. С. 119-123.**
3. **Языковые свидетельства о месте совершения краж // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 4, часть III. С. 140-143.**
4. **Раннесоветская демистификация концепта ‘присвоение чужого’ // Вопросы литературы. М., 2014. № 4. С. 360-368.**
5. **‘Неправильное поведение вора’ как одна из мотиваций в лексико-семантическом поле ‘присвоение чужого (силой или тайно)’ в русском языке // Этимология 2009-2011. М., 2012. С. 202-208.**
6. **Об этимологии рус. жарг. *лох* // [Электронный ресурс] Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014».- Секция «Филология» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2014.**

Некоторые вводные пояснения к исследуемым понятиям и используемым терминам

О системности семантики и лексико-семантическом поле

В полной мере научный и систематический семантический анализ под влиянием пересматриваемых античных этимологических учений Платона («не у имен нужно искать и исследовать вещи, но гораздо скорее из них самих» [Платон, с. 488]) и Варрона начинает зарождаться в середине XVIII в. в работах итальянского ученого Джамбаттисты Вико, разработывавшего принципы так называемой «универсальной этимологии» [Vico, 1977, p. 44]: «Я исследую причины потускнения и потери первичных смыслов человеческих понятий», «я предлагаю исследование, посвященное тому, как и почему то или иное слово имеет то или иное значение» [Vico, 1712, p. 336]. «Этимология обязана Вико пониманием этимона как первоначальной интуиции, запечатленной в слове, как *человеческой* правдивости слова» [Coseriu, p. 97]. Тем не менее семантика Вико все равно была направлена более на поиск божественных, поэтических смыслов, похороненных в современных языках [Mancini, p. 224-225]. Далее семантика в трудах немецких лингвистов выделяется в особую область языкознания под названием «семасиология», которая позднее была названа французским лингвистом М. Бреалем «семантикой».

В XX в. основой теории и методики исследований в языкознании становится понимание языка как системы на всех уровнях и во всех его состояниях — в противоположность принципу несистемности диахронии Ф. де Соссюра, в чем важную роль сыграла пражская лингвистическая школа, настаивавшая на системном подходе к эволюции языка [ЛЭС, с. 453]. На этом

основании делаются не совсем оправданные попытки доказательства изоморфности всех уровней языка: Е. Курилович разработал идею структурного параллелизма между звуковыми и семантическими комплексами [Курилович, с. 21, 25-26], хотя в дальнейшем избегал подобных прямолинейных высказываний [Kuryłowicz, 1968, p. 34, 60], чего нельзя в полной мере сказать о последователях Куриловича. Для сторонников классического структурализма фонологизация всех уровней, включая семантический, оставалась описанием «снизу вверх», от низшего уровня к высшему [Benveniste, 1954].

Против засилия фонетики и против пренебрежительного отношения к анализу смысловых связей в XX в. активно выступал Шухардт [Шухардт, с. 210 и сл.], во многом сходных взглядов придерживался Есперсен в своей книге «Язык». Наиболее пострадала теория изоморфизма вследствие вскрытия связи семантики и словообразования (открытой самим Куриловичем), имеющей характер межуровневой компенсации и описанной Трубачевым следующим образом: «довольно часто семантическое новообразование если и сопутствует формально-фонетическому новообразованию, то отнюдь не обязательно совпадает с ним в одном слове» [Трубачев, 1966, с. 220]. Это напрямую связано с системным принципом анализа лексики по лексико-семантическим полям, которые признаются основными системообразующими единицами лексического уровня [Варбот, 2008, с. 84-92].

Для семантического поля постулируется наличие общего семантического признака, объединяющего все лексемы поля и обычно выражаемого лексемой с обобщенным значением, и наличие частных признаков, по которым единицы поля отличаются друг от друга [ЛЭС, с. 381]. Для семантического поля характерны следующие основные свойства: 1) семантическое поле интуитивно понятно носителю языка и обладает для него психологической реальностью; 2) семантическое поле может быть выделено как *относительно* самостоятельная подсистема языка; 3) единицы семантического поля связаны теми или иными

системными семантическими отношениями; 4) каждое семантическое поле связано с другими семантическими полями языка и в совокупности с ними образует языковую систему, но в то же время оно характеризуется и незамкнутостью [Щур, с. 32].

Лексико-семантические поля формируются исторически из лексем, образованных на базе, в составе различных этимологических гнезд. Этимологические гнезда являются, в свою очередь, исторически словообразовательными, они отражают потребность этноса в языковом выражении определенных представлений о реалиях или понятиях. Поэтому исторически именно этимологические гнезда являются основой генетической организации лексики. Этимологические гнезда и семантические поля представляют собой объединения, частично встроенные друг в друга, но не тождественные. Поэтому при их анализе нужно учитывать набор полей, порождаемых одним гнездом, и набор гнезд, порождающих одно поле (в данном случае исследуется второе). При этом еще необходимо учитывать 1) влияние отношений лексем внутри полей на моделирование гнезд и влияние преобразований лексем в гнездах и самих гнезд на мотивационные модели полей 2) и то, что преобразования некоторой части словообразовательных связей в гнезде могут привести к тому, что эти части могут разойтись и войти в разные лексико-семантические поля, что, в свою очередь, может служить отражением представлений этноса об окружающем мире, но может иметь и чисто языковую природу [Варбот, 2008, с. 84-92]. Именно поэтому анализ лексико-семантического поля неразрывно связан с анализом соответствующих этимологических гнезд в их истории.

Помимо термина «(лексико-)семантическое поле» на протяжении долгой истории его выделения как единицы семантического анализа лексики предлагались и другие. Так, В.Г. Гак предлагал термин «этимолого-семантическое поле», под которым он подразумевал группировку,

охватывающую все слова языка, произошедшие от слов, этимон которых связан с определенным понятием. Под анализом таких полей Гак понимал «выявление путей семантической и структурной деривации слов с общим этимоном» [Гак, с. 107-108]. Но этот подход не учитывает анализ собственно семантического поля. О.Н. Трубачев использовал термин П. Гиро «морфосемантическое поле» для обозначения наличия ряда общих характерных черт семантики и словообразования при мозаичном принципе примыкания и взаимосвязи слов, образующих незамкнутое целое, без четкой противопоставленности элементов [Трубачев, с. 4]. Но, по утверждению Ж.Ж. Варбот, морфосемантическое поле «гораздо сложнее и более исторично, чем семантическое поле, которое является системной основой для семантической реконструкции» [Варбот, 2001, с. 19].

Преимущества полевого подхода к исследованию лексики очевидны: «без полного описания всех полей невозможно охарактеризовать *системность* лексики, выявить особенности системной организации материала» [Тихонов, с. 3]. Так как за всеми словами одного лексико-семантического поля стоит одно и то же понятие, выраженное по-разному, системообразующий характер ЛСП в лексике скрыт в самом сознании носителей языка. «Не существует языков, которые не были бы склонны к систематизации своей лексики <...> именно этому свойству любого языка обязаны говорящие на нем уже своей способности к группировке слов по их мотивациям» [Belardi, p. 27]. Хотя семантические поля могут пересекаться или полностью входить одно в другое, а многозначная языковая единица может одновременно входить в разные семантические поля, элементы любого ЛСП связаны регулярными и системными отношениями [Толстая, с. 113]. Особая филологическая ценность в полевом подходе заключается в том, что значение слова наиболее полно определяется только в том случае, если известны значения других слов из того же поля, что особенно важно при этимологизации темных слов: «для раскрытия семантического

состава лексики очень важно семантическое соседство слов в языке» [Novak, p. 168].

В основе семантической связи слова с его производящей основой (и через нее – с этимологическим гнездом) лежит мотивация, которая отражает тот признак обозначаемого предмета, явления, понятия, который сочтен носителями языка наиболее существенным, ярким, отличительным на данном этапе истории общества. Только при исследовании лексико-семантического поля возможно обнаружить степень регулярности мотивационных отношений, проявляющихся в существовании *мотивационных* моделей, которые охватывают не единичные пары слов, но целые классы – семантические поля [Толстая, с. 114], тогда как наполнение этих мотиваций – единица изменчивая от периода к периоду, что свидетельствует об укорененности в сознании человека данного фрагмента картины мира. Исследование мотивационной характеристики лексико-семантического поля является, таким образом, средством реконструкции соответствующего фрагмента языковой картины мира этноса. Именно о таком типе этимологического исследования писал В.Н. Топоров, назвав его транс-семантикой, имеющая «дело с полями, на которых она собирает урожай с языковыми конструкциями, с контекстами, с внеязыковыми и внетекстовыми реальными денотатными ситуациями» [Топоров, 1994, с. 127-128]. Именно полевой подход к описанию лексики помогает «определить место значения, куда идут его типичные связи» [Трубачев, 1988, с. 216]. «Определение константных представлений русского этноса о мире по их языковым отражениям и тем более особенностей национального характера возможно только в итоге массового диахронического исследования языкового материала средствами исторической лексикологии и этимологии, с его стратификацией по различным хронологическим уровням» [Варбот, 2002, с. 90].

Исследование лексического состава поля как системы и неразрывная связь генетических характеристик (словообразовательно-этимологических) слов

и их мотивационных характеристик определяют методы исследования: синхронно-описательный и сравнительно-исторический. Синхронно-описательный дает возможность определить место каждой лексемы в составе поля, ее семантические соотношения с другими лексемами. Сравнительно-исторический включает в себя словообразовательно-этимологический и семантический анализ: определение словообразовательных моделей, производящих основ слов и словообразовательных формантов, а также сопутствующих словообразованию семантических изменений (для морфологически производных слов) и анализ семантических изменений, которые создают значение поля в лексемах без изменения их структур при семантическом словообразовании.

Научной опорой применения сравнительно-исторического метода при анализе производных слов являются этимологические словари и исследования по этимологии и словообразованию. Применение этого метода в семантическом анализе не имеет подобной разработанной базы семантических изменений / переходов. В этимологических исследованиях как средство аргументации используются известные исследователям аналогичные, повторяющиеся семантические переходы (так называемые семантические параллели). Поэтому так ценны словари, обобщающие мотивации синонимов из различных языков – см. словарь К. Бака — и семантических параллелей – см. словарь И. Шрепфера (последний остановился на начальной стадии создания). К сожалению, они не могут претендовать на полноту и семантическую и лексическую емкость. Крупнейшие этимологи считают эту лауну восполнимой опытом этимологической работы каждого исследователя [Трубачев, 1988, с. 216], [Топоров, 1994, с. 128]. Бесспорно важной поддержкой является разработка теории метафор и их видов (см. ниже).

Этимология как наука, вскрывающая первичные мотивации на базе анализа форм слов, должна считаться и с чисто языковыми явлениями,

преобразующими эти формы: аналогией, морфологическим переразложением, народной этимологией, затемняющими первичные связи [Варбот, 2008, с. 92].

О языковой картине мира

Основа данного исследования ЛСП 'присвоение чужого' в русском языке — описание основного инвентаря типов мотиваций, т.е. ответ на вопрос, какой признак выбран в качестве основы номинации и почему [Толстая, с. 119]. Структура языка может быть приравнена к структуре действительности или взята как более или менее деформированное ее отражение [Hjelmslev, 1975]. Таким образом, анализ мотивационных моделей связан с восстановлением конкретного фрагмента языковой картины мира, т.е. ментального оттиска, «полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств» [Винер, с. 31]. «Задача этимологии состоит в восстановлении связи формы, созданной теми, кто впервые использовал данное слово, с выраженным ею концептом» [Piani, p. 81]. «Этимологизация во многом состоит в культурной реконструкции, т.е. не в простом отнесении слова к какому-то индоевропейскому корню, а в нахождении мотивации данного слова, созданного конкретным социумом» [Sani, p. 61]. Таким образом, задача этимологии не ограничивается историческим описанием компонентов слова, но заключается в восстановлении через форму слова осколка древнего мировидения народа. Б.А. Серебренников так описывает свое видение языка: 1) любой язык в своем генезисе — результат отражения человеком окружающего мира, а не самодовлеющая сила, творящая мир; 2) все особенности языка возникли в результате длительного приспособления человека к окружающему миру; 3) неодинаковость ассоциаций является следствием неодинакового членения внеязыкового континуума в период первичной номинации [Серебренников, с. 20 и сл.]. В связи с этим можно

привести не потерявшие актуальности основные тезисы языковой теории В. Гумбольдта, в дальнейшем разработанной в трудах А.А. Потебни, Ш. Балли, Ж. Вандриеса, А.А. Бодуэна де Куртэне, Р.О. Якобсона и др.: 1) материальная и духовная культура воплощаются в языке; 2) всякая культура национальна, что выражается в языке посредством особого видения мира — языку присуща характерная только ему внутренняя форма; 3) внутренняя форма — это выражение «духа народа»; 4) язык есть опосредованное звено между человеком и окружающим миром [Гумбольдт, 1985, с. 40 и сл.]. Г.О. Винокур отмечал, что изучение языка напрямую связано с изучением той культуры, к продуктам которой принадлежит данный язык [Винокур, с. 23]. Австрийская школы начала конца XIX – начала XX вв. «Wörter und Sachen» акцентировала важность культурологического подхода при лексическом и этимологическом анализе, ибо язык есть не что иное, как отражение культурных кодов, а реальный мир во многом познан лишь постольку, поскольку он отражается в языке.

С другой стороны, каждый конкретный язык представляет собой самобытную систему, которая накладывает свой отпечаток на сознание его носителей и формирует их картину мира [Фрумкина, с. 6]. «Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» [Маслова, с. 8], что, в свою очередь, отсылает нас к идее языка как «дома духа» (М. Хайдеггер), ибо язык не только отражает, но и создает ту реальность, в которой живет человек [Heidegger, s. 65], и идее культурного фактора в языке В.Н. Телии [Телия, с. 102]. Теория «власти языка» Сепира-Уорфа постулирует значительную зависимость мышления от языка [Уорф, с. 58-91].

Будучи единым биологическим видом, человечество не является единым социальным коллективом. Мироззрение человека сильнейшим образом подвержено видоизменениям, порождаемых средой обитания и историей различных народов. «Существуя в мире природы, человек автоматически

формирует свои собственные горизонты, преследуя свои собственные интересы» [Belardi, p. 9]. Вопрос, насколько мир природы и мир человека совпадают, остается за рамками данной работы как нерелевантный для этимологического анализа, для которого существенно отражение представлений конкретного этноса в созданном им языке. «Национально-культурное «присвоение» мира происходит под воздействием родного языка, так как мы можем подумать о мире только в единицах своего языка, пользуясь его концептуальной сетью, то есть оставаясь в круге, описанным вокруг нас языком» [Гумбольдт, 1985, с. 47]. Разные нации формируют различные картины мира, являющиеся основанием национальных культур; таким образом язык — некоторый «промежуточный мир», стоящий между объективной действительностью и сознанием [Weisgerber, p. 93]. Язык выступает именно как средство закрепления *этнического* мировоззрения (в рамках данной работы — русского): «различия в языках рождаются, главным образом, из различной природы и обычаев народов» [Vico, 1744, p. 445], — исследованию которого посвящены работы Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа, Д.К. Зеленина, Е.Ф. Карского, А.А. Шахматова, А.А. Потебни, А.Н. Афанасьева, А.И. Соболевского. Реконструкции этнической территории по языку посвящены работы Р.А. Агеевой, С.Я. Бернштейна, В.В. Иванова, Т.В. Гамкрелидзе, а реконструкции материальной и духовной культуры этноса по данным языка — В.В. Иванова, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян, Т.М. Судник, Н.И. Толстого и его школы. Сходными проблемами занимается и когнитивная антропология, в основе которой лежит представление о культуре как системе символов, специфически человеческих организаций и ментального структурирования мира, находящих свое отражение в языке. Разработке вопроса концептуальной картины мира посвящены работы Ю.Д. Апресяна, Е.С. Яковлева, О.А. Корнилова. В конце XX в. интерес к проблеме картины мира возрождается в работах Г.А. Брутяна, С.А. Васильева, Г.В. Колшанского, Н.И. Сукаленко, М. Блэка, Д. Хаймса, а также в

коллективной монографии «Человеческий фактор в языке. Язык и картина мира» (Москва, 1987 г.). Подобный возросший интерес к проблеме картины мира связан, главным образом, с попытками связать теорию языковых гештальтов с теорией фреймов как структур значения. Согласно теории гештальтов Дж. Лакоффа, восприятие человеком окружающего мира, его познавательные процессы определяются особыми глубинными содержательными единицами — гештальтами как универсальными представлениями, присущими глубинам человеческой психики, не принадлежащими какому-либо отдельно взятому естественному языку. Они располагаются за гранью высказываемого и могут быть реконструированы на основе реальных языковых данных [Lakoff, p. 60 — 61].

Однако не всеми лингвистами признается существование языковой картины мира. Так, А.Я. Шайкевич настаивает на «эпидемическом распространении термина» в современной науке и пытается доказать его бессодержательность, беря за основу своих рассуждений утверждение об отсутствии единой картины мира у носителей конкретного языка. Шайкевич критически и скептически настроен к исследованиям и построениям картины мира в работах А. Вежбицкой, А.Д. Шмелева, Ю.С. Степанова, находя в них стереотипизацию. Однако все из рассмотренного Шайкевичем более относится к понятию различий в менталитете и уровне научных знаний и очень косвенно — к картине мира (в этом случае большинство из выявленных им неточностей у сторонников теории картины мира вполне справедливы), но совершенно неприменимо к *языковой* картине мира: «язык и культуру нужно исследовать крайне осторожно, помня, что это разные семантические системы» [Маслова, с. 59].

На разницу в понятиях «картина мира» и «языковая картина мира» указывали Хайдеггер: картина мира может быть представлена с помощью пространственных, временных и других параметров [Heidegger, s. 65];

Ю.Д. Апресян: языковая картина мира как бы дополняет объективные знания о реальности, часто искажая их [Апресян, с. 36] и Ж.Ж. Варбот: «Диахроническая сложность языковой картины мира приводит к выводу о необходимости дифференцировать понятия «языковая картина мира» (=схронное соединение одновременных восприятий и толкований, отраженных в языке) и «картина мира» (=представление о мире, духовная культура этноса в определенный хронологический период)» [Варбот, 2003, с. 343]. Таким образом, картина мира в своей основе научна и постоянно пересматривается, меняется с учетом новых открытий, тогда как языковая картина мира донаучна и является в значительной степени наследием веков, храня множество ошибок и заблуждений (ср. *край мира*). В.Б. Касевич отмечает, что языковая картина мира оказывается со временем устаревшей, реликтовой, но весь освоенный языком материал не исчезает бесследно, он становится строительным материалом для создания новых смыслов [Касевич, с. 45]. Языковая картина мира формирует тип взаимоотношения человека и окружающего мира путем создания некоего «пространства значения» [Леонтьев, с. 67] в виде закрепления в языке знаний о мире в его национально-культурном варианте отдельного этноса. «Картина мира находит свое отражение уже в самом факте именовании того или иного объекта действительности отдельным языковым знаком» [Толстая, с. 4]. Но при этом языковая картина мира «не создает для носителей этого языка какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а создает лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, процессов, избирательным отношением к ним» [Маслова, с. 66] (*курсив мой* — Ю.М.). Языковая картина мира явно находится на стыке индивидуального и общественного знания, что проявляется в варьировании картины мира в зависимости не только от национальной, но и от социальной, возрастной и др. принадлежности, на что указывает в своей статье и Шайкевич. Только социально-типичные позиции,

отношения и оценки находят свое знаковое отражение в системе национального языка и, как следствие, в языковой картине мира этноса. Языковая картина мира, таким образом, — это особое преломление увиденного и познанного в общественном сознании. Так, частью языковой картины мира эскимосов являются многочисленные названия видов снега, для жителей донормандской Великобритании оказалась существенной семантическая дробность понятия 'болото', тогда как в русской (славянской) картине мира нет сходства с эскимосской ситуацией, но есть некоторая аналогия с ситуацией древней Британии. Примером обратного может служить рус. *степь*, заимствованная практически всеми западноевропейскими языками из русского. В языке отражается *наивная* картина мира, которая складывается как ответ на практические потребности этноса, как необходимая когнитивная основа его адаптации к миру. «Прагматический эгоцентризм структурирует деятельность таким образом, чтобы она оптимально выстраивалась в когнитивном поле человека, была максимально удобной» [Маслова, с. 68-69]. Все наивные картины мира отличаются значительной прагматичностью, общей чертой их является то, что данная картина мира не претендуют на абсолютную истину — она может сколько угодно отходить от логического и научного представления. Ярким примером может служить отсутствие понятия солнца как такового у многих народов Австралии при наличии отдельных слов для обозначения восходящего, заходящего и т. п. солнца, отмеченное А. Вежбицкой, и различная номинация для рассеянного света (**дѣнь* < **di-/deĭ-*) и солнечного (**sъlnьse* < **sul-/sauəl-*), имевшая фундаментальный характер в индоевропейской (далее — славянской) картине мира: «представление о боге ясного неба у индоевропейцев развивалось в представление о боге солнца» [Polomé, p. 7] (ср. отсутствие подобной дробности в финно-угорских языках: венг. *nap*, фин. *päivä* 'солнце, день' [Трубачев, 1991, с. 173]). Таким образом, главный критерий при создании

языковой картины мира — не ее формально-логическая непротиворечивость, а целостность и универсальность модели, ее способность служить квазиобъясняющей матрицей для структурирования опыта [Касевич I, с. 65]. «Мир, отраженный сквозь призму механизма вторичных ощущений — это главный фактор, который определяет специфику и универсальность любой конкретной национальной картины мира» [Маслова, с. 70].

Необходимо разграничивать национальное и индивидуальное в ЯКМ. Для данной работы критерием подобного разграничения выбрана лексика русского языка в его историческом и территориальном и функциональном разнообразии, отражающая ЯКМ *всего* этноса или его значительных групп / слоев в отличие от текстовых материалов, отражающих ее индивидуальное варьирование. Несомненно, значительная историческая и пространственная протяженность русского языка накладывает определенный отпечаток на его семантическую структуру, но анализ мотивационных моделей в рамках исследуемого фрагмента языковой картины мира русского человека, равно как и в рамках прочих ее фрагментов, исследованных другими лингвистами, дает все основания говорить об устойчивой русской картине мира, скрепленной и объединенной повторяющимися моделями семантических трансформаций в четырех срезах национальной культуры, согласно классификации Н.И. Толстого: литературного (элитарного), диалектного (народного), просторечного (городского народного) (в данном случае имеется в виду «литературное просторечие» [Сорокин, с. 43 и сл.], т. е. нижнего пласта языка, частично состоящего из нелитературного просторечия, частично из диалектов и жаргонов) и жаргонного (субкультурного) [Толстой, с. 16]. Факт языковой преемственности доказывает существование языковой картины мира: наиболее древние семантические модели свойственны не только русскому и славянским языкам, но — шире — всем индоевропейским языкам, что подтверждается многочисленными межъязыковыми соответствиями.

Любой фрагмент языковой картины мира может быть построен только на основе определенного лексико-семантического поля, сложившегося из многих этимологических гнезд. В данной работе «мы <не> выбираем некоторые слова, <не> подбираем для них некоторые удачные контексты и затем радуемся, когда полученные результаты подтверждают известные стереотипы» [Шайкевич, с. 11], хотя в результате исследования будет получен некий концептуальный стереотип представления о краже в рамках русской языковой картины мира, понимаемый в рамках теории Е. Бартминского. В работах Бартминского и его школы стереотип и языковая картина мира соотносятся как часть и целое: под стереотипом понимается слово с «этимологически правильной» внутренней формой, с построенным по определенной модели значением как результатом осмысления реальности [Бартминский, с. 8]. Т.е. стереотип — это некий стабилизирующий фактор языка, позволяющий сохранять и передавать доминантные составляющие культуры данного этноса и отличать его от других, а не нечто навязываемое и подавляющее человека: «Человеческому существу, чтобы жить, необходима система координат» [Maslow, p. 250], именно такой системой координат и являются национально-обусловленные стереотипы, отраженные в языке. Слово воспринимается (и в сущности и является) лишь сигналом, функция которого — пробудить человеческое сознание, затронуть в нем определенные концепты, готовые откликнуться на этот сигнал (А.А. Потебня, Л.В. Щерба, А.Р. Лурия, А.А. Леонтьев). Картина мира, тем самым, выстраивается сама собою, на основе наличия у слов той или иной мотивации и первичного значения, что не может стать объектом спекуляции и фальсификации. Т.е. воссоздается некий «культурный фон», в терминологии О.Н. Трубачева, раскрывается «дух древней культуры»: «именно этимология уполномочена дописывать историю лексических значений и реконструировать дописьменный период этой истории» [Трубачев, 1988, с. 198]. «анализ и комментирование связей между историей языка и историей общества — это

весьма поучительное занятие» [Нерман, р. 5]. Так, существование у глагола *красть(ся)* первичного значения тихого передвижения с дальнейшей трансформацией в незаметное перемещение преступника с украденным предметом является лингвистическим фактом («следом, оставленным взглядом на вещи» (И. Бродский), «ближайшим этимологическим значением» (А.А. Потебня)), на основе которого и делается предположение о зарождении понятия кражи для славян на славянской почве именно как незаметного передвижения вора. Этот процесс связан с возникновением культурно-национальной коннотации, вербализацией опредмечивания некоего этнического невербального опыта. Этот факт, в свою очередь, является не только языковым, но и существенным для данного фрагмента славянской картины мира — именно так понимали кражу древние славяне, это часть воссозданной славянской ментальности в ее исторической ретроспективе, так как язык есть «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт, 1985, с. 65]. «Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей этого языка» [Уорф, с. 174]. Мотивационные связи характеризуют структуру ментального мира, то, как человек категоризирует мир [Толстая, с. 118]. Таким образом, человек — единственное животное, живущее одновременно в реальном мире и мире сверхсимволичном: «человек как микрокосм создает образ, картину, символ микрокосма — мира» [Маслова, с. 95].

О понятиях собственности и кражи

Понятие присвоения чужой собственности, кражи социально и исторически связано с понятием собственности. Сам концепт 'собственность' является одним из индоевропейских архетипов, устанавливающих субъектно-объектные отношения, в центре которого располагается предмет собственности. Отправной точкой в теоретических обоснованиях появления собственности становится XVIII в., выводом размышлений философов на эту тему становится утверждение Дж. Локка, что «основа собственности находится в самом человеке». Именно в защите частной собственности от посягательств видит Локк основную задачу и цель объединения в сообщества [Locke, p. 123, 137]. Таким образом, человек подчинил даже внешние сферы своей личностной свободе [Grundbegriffe, s. 82], что превратило кражу в гегелевский волевой акт, направленный изнутри вовне.

«При взгляде на культуру как на «свой» комплекс представлений, отношений, навыков применительно к себе и к окружающему миру становится доступнее мысль о важности не только эксплицитной, но и имплицитной, всепроникающей культурной дихотомии «свое» / «не свое» [Трубачев, 1991, с. 157]. Само понятие 'свой' является очень древним для славянской культуры, унаследовавшей его из индоевропейской, что поддерживается и формально — крайне архаичной формой слова **svojь* как ключевого понятия двух культур: «мы имеем здесь дело со словом огромной не только языковой, но и социально-культурной значимости» [Трубачев, 1991, с. 163]. Пр.-сл. **svojь* представляет собой семантический архаизм славянских языков и культуры: русскому *свой* до сих чуждо противопоставление коллективного и индивидуального, что связано с происхождением пр.-сл. **svoj-* от и.-е. **su-* 'род, рожать, родной' [Szemerényi, s. 42-44], что дает основания Бенвенисту утверждать, что славянское *свой* «лежит вне категории лица» [Бенвенист, с. 361], а это, в свою очередь, дает

право говорить о примате коллективности на ранней стадии зарождения понятия собственности, подчиненной идеологии рода [Рыбаков, с. 102]. Понятие же 'чужой' было исторически более размытым, оно всегда вербализовалось в терминах врага, дикаря, гостя и т. п. [Бенвенист, с. 368]: чужой — «поздний продукт ума» [Дюмезиль, с. 178]. Вопрос о существовании концептов 'свой/чужой' и 'присвоение' до их вербализации в языке является нерелевантным для данной работы, и, таким образом, спор о принципе номинации: *nomina ante res* или *nomina post res* [Knobloch, s. 23] остается вне исследования, т. к. априори принята точка зрения О.Н. Трубачева об «отставании» терминологии культуры от развития реалий [Трубачев, 1966, с. 156], в связи с чем оба из вышеуказанных принципов оказываются отчасти верными.

Основываясь на лингвистическом материале, а именно на глубинном семантическом различии древнейших глаголов **vǝdati* 'знать (вещь)' < **void-* 'воспринимать зрением, знать' и **znati* 'знать (человека)' < **ǵnō* – 'знать' (родств. **ǵnō-*, *ǵen-* 'родить, быть в родстве') [Трубачев, 1991, с. 163], можно с большой долей уверенности утверждать, что само понятие 'свой-чужой' было знакомо всем индоевропейцам с древнейших времен, но было более широким, менее собственническим. В дальнейшем — по экстралингвистическим причинам — собственность начала материализоваться, 'свое' превратилось из познанного из родного в обладаемое, имение. «Вряд ли отсутствие общего, родового термина свидетельствует об отсутствии соответствующей реалии во внеязыковом плане культуры; перед нами один из случаев недостаточности терминологии в целом — непрямолинейного языкового отражения действительности. Так, индоевропейцы отмечают, что нет индоевропейского названия врага вообще, но мы сейчас можем более или менее удовлетворительно истолковать эту пестроту и нестабильность обозначений

врага в духе положений о маркированности, экспрессивности и известной неустойчивости этих частных импликаций базового значения 'не свой, чужой', знаменующий негативное самосознание» [Трубачев, 1991, с. 190]. Кроме того, согласно последним данным археологии, индоевропейское общество, в отличие от древневосточных обществ «библейского» региона, было бесклассовым [Rowlett, p. 193-...], что и отражено в архаичном славянском *свой* и, косвенно, находит свое отражение в отсутствии у индоевропейцев, в отличие от ближневосточных цивилизаций, дома бога (но только дома людей) и культа жреца-вождя, что опять же является свидетельством глубинной коллективности индоевропейского и затем праславянского общества [там же]. «Ремесленное производство, берущее свое начало в неолите, культурный обмен с его сетью дорог — вот, что было главным <для индоевропейцев>, а не военные походы и даже не миграция» [Трубачев, 1991, с. 188]. Понятие собственности как «всеобъемлющего, исключительного, абсолютного обладания вещами, иными благами» [Алексеев, с. 66], как отношения к вещам «как к своим» [Венедиктов, с. 34] — сравнительно новый концепт, отсутствовавший в обществах охотников и собирателей палеолита и мезолита и возникший в неолите вместе с производящим хозяйством, частной собственностью на орудия труда, домашние вещи, жильё, скот, с позднейшим включением и земли. Только начиная с этого периода можно говорить о формировании понятия 'свой' применительно к объектам собственности, которым может быть не любой предмет и/или объект окружающей действительности, но только личное имущество [Grundbegriffe, s. 85]. Каждый человек объявлялся — постепенно и законодательно — хозяином своего имущества, могущим распоряжаться им по своему усмотрению. Собственность есть практически «идеальное» вещное право, описывающее определенное отношение лица к вещи, хотя само понятие собственности до сих пор не является стабильным — даже в римском праве, на протяжении веков являющимся *ratio scripta*, не было определения собственности [Дождев, с. 377].

К этому же времени можно отнести и зарождение понятия воровства как «лишения лица вещи путем ее изъятия из чужого владения и унесения, которое зародилось уже в примитивном правосознании» [Бойцов, с. 111].

Наиболее аутентичным пониманием собственности остается представление о ней как о наличном бытии свободной воли во внешних вещах [Гегель, с. 60, 101, 108, 111]. Гегель дал толкование понятию собственности как позитивному и бесконечному определению вещи волей, но «границы этой свободы <воли> полагаются таковой же свободой других» [Чичерин, с. 129]. При этом выделяются два момента в «воле» собственника в отношении вещи: объективный (возможность совершать любые, с известными ограничениями, действия по отношению к имуществу) и субъективный (возможность совершать их по собственному усмотрению). Подчинение вещного мира воле в результате «эффекта права собственности» происходило ступенчато: 1) сначала сами по себе вещи как частицы материального мира; 2) потом объективированные «свершения разума» — так или иначе опредмеченные результаты авторства, изобретательства, профессиональные навыки и умения (предметы и формы интеллектуальной собственности); 3) а затем и символы таких предметов и «свершений разума» (ценные бумаги, иные внешне выраженные знаки в электронно-информационном мире). Первоначально число объектов собственности было невелико, т. к. на ранних этапах развития человеческого общества основой жизнедеятельности остается не продукт труда, а само вещество, пока находящееся за рамками сугубо материального мира, освоенного и присвоенного человеком. «Если предмет материального мира не способен удовлетворять те или иные человеческие потребности, то он и не будет предметом преступного посягательства ввиду его ненужности, невостребованности» [Козаченко, с. 194]. Именно аккумуляция определенного количества общественного труда, придающее предмету определенную стоимость и общественное значение, служит решающим фактором

разграничения хищения частной собственности и посягательств на материальные объекты окружающей природной среды, не обладающие меновой стоимостью ввиду отсутствия трудового опосредования [Маркс, с. 189-190].

С юридической стороны, предмет хищения должен быть 1) объектом вещного права, 2) не изъятым из свободного гражданского оборота, 3) чужим для виновного. Из этого вытекает невозможность хищения предметов, лишенных исключительного права собственности, как-то: воздух, вода в природных водоемах и др. На ранних этапах развития индоевропейского общества все предметы обладали качеством «бесхозности», и лишь развитие цивилизации существенно сокращает их число. Подобное сужение внешнего мира продолжается поныне как часть общего процесса вещного отношения к внешнему миру, крайней его материализации. Постепенно все в мире начинает обладать основным свойством предмета хищения — его пространственно-временными характеристиками, что исторически было связано с легкостью физического господства над пространственно-ограниченными предметами. И именно с физического обладания вещью (что доказывают и данные языка) начало зарождаться понятие собственности и далее — ее присвоения.

Обращаясь к славянским представлениям о собственности и краже, следует учитывать их культово-мифологический аспект. Кража всегда считалось славянами аморальным, греховным деянием, наказуемым как обществом, так и потусторонними силами. В то же время она была существенной составляющей некоторых славянских ритуальных обрядов как охранительного, так и продуцирующего характера. В обрядовой практике кража — магический прием, ритуальное действие, придающее добытым таким способом предметам особую сакральность и магическую силу. Она является способом «отстранения» предмета, выведения его из привычного ряда, придания ему черт чужого, случайного, найденного, «нездешнего», посланного из иного мира. На огромной славянской территории представлены кража и семян для посева, и хлебной

закваски ради увеличения удоев коровы, с чужого поля предписывалось брать и солому для пола, и многое другое. Кроме того, воровство было основным действием во многих языческих праздниках славян, как-то: кража предметов для устройства костра на День Купалы, на Новый год крали калитки, телеги, сани, во время колядок ряженые крали вообще всё, что удавалось. Сербь верили, что для того, чтобы обеспечить хороший урожай, надо украсть кусок баранины у попа в Юрьев день и обойти с ним по угодью. Во время засухи в колодцы бросали горшки, украденные у евреев. Кроме того, кража занимала важное место в обрядах, связанных с основными этапами человеческой жизни, как-то: рождение, смерть, брак. Умыкание невесты, которое носило более игровой характер и устраивалось с целью получения выкупа, не было лишено и магического характера; такова же и сущность кражи ребенка из семьи, где до этого часто умирали дети. Но в то же время славяне отличали этот тип воровства от неритуального, который, правда, тоже окружен в народных поверьях сакральностью и суевериями. Именно поэтому воровство считалось прерогативой нечистой силы. Известны были и способы магического приобретения удачи в воровстве, способы распознавания вора, отыскания краденого. Огромную силу имели украденные предметы в ворожбе и обрядах. Да и само воровство понималось как вид черной магии [Славянские древности, т. 2, с. 640-643]. Лексика поля отразила утрату этих древних представлений и возобладавшую социальную оценку кражи.

О юридическом толковании и различении типов хищения

Одной из древнейших классификаций преступлений в отношении частной собственности является их деление на *crimen publica* и *delictum privata* в римском праве, наиболее полно воплощенном в Уголовном кодексе Франции от

1791 г. (= 1810 г.): crimes et delits contre la chose publique et contre les particuliers. Далее на рубеже XX-XXI вв. Ф. Лист предлагал подразделять преступления на деликты, направленные против правовых благ отдельного лица, и направленные против правовых благ общества [Liszt, s. 454]. Затем двучленное деление сменилось трехчленным: на преступления против государства, против общества и против личности, что находит свое отражение в работах крупнейших теоретиков права на Западе и в России [Беккария, с. 233-241], [Ortolan, p. 33], [Белогриц-Котряловский, с. 107], [Фойницкий, с. 7]. В дальнейшем такая трехчастная структура послужила основой для более совершенной, принятой в большинстве западных стран и сегодня — линейной, которая во многом схожа с генеалогическим деревом. В России к подобному типу систематизации присвоения чужой собственности принадлежит — один из первых в Европе — Свод законов Российской империи и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1842 г., согласно которым в разделе «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц» таковые преступления подразделяются на: 1) о насильственном завладении чужим недвижимым имуществом и о истреблении граничных меж и знаков; 2) об истреблении и повреждении чужого имущества; 3) о похищении чужого имущества; 4) о присвоении и утайке чужой собственности; 5) о преступлении и проступках по договорам и другим обязательствам [Бойцов, с. 12].

Совершая хищение, преступник вступает во взаимодействие не с вещью, а с ее собственником, нарушая, тем самым, существующие между людьми отношения собственности, покоящиеся на различении своего и чужого [Никифоров, с. 9-11]. Хищение нарушает сам принцип собственности, согласно которому любой человек имеет право иметь собственность, а переход имущества от одного лица к другому может осуществляться только по воле собственника [Никифоров, с. 116]. Хищение — несомненно, преступление, в

результате которого вещь меняет своего хозяина не по закону, но, как указывал В.К. Глистин, совершение всякого преступного деяния сопряжено с нарушением определенного охраняемого законом общественного отношения, что, как ни парадоксально, становится новым общественным отношением, т. к. социальные отношения не терпят пустоты [Глистин, с. 97-100]. Противоположной точки зрения придерживается А.Н. Трайнин, полностью отрицающий качественные изменения объекта, вносимые в него преступлением, все изменение, по Трайнину, носят лишь относительный характер [Трайнин, с. 141-142; Церетели, с. 23].

Одно хищение не способно разрушить общественную систему, носящую индивидуальный характер, но обилие преступлений какого-либо типа способно существенно подорвать благосостояние и процветание общества, внося в него анархию, приводящую к распаду социальной системы. Поэтому общественная опасность преступления кроется не в свободном и незаконном распоряжении чужой собственностью, а в его массовости при сходных социальных условиях. «Каждое преступление создает социальный прецедент, являясь маленькой, но способной к воспроизведению частицей отрицательного человеческого опыта» [Бойцов, с. 24]. Общество всегда, по крайней мере на его поздних этапах развития, существовало на естественном фоне преступности, которая, однако, всегда оставалась на определенном незначительном уровне, не способном разрушить общество, что доказывает его долгое существование.

Объективными признаками хищения являются: 1) незаконное и безвозмездное изъятие имущества из владения собственника, 2) обращение его в пользу виновного, 3) причинение тем самым собственнику реального имущественного ущерба вследствие уменьшения на определенную часть объема его материальных ценностей, 4) причинная связь между изъятием имущества и материальным ущербом. Субъективными же признаками хищения

являются: 1) прямой умыслом на изъятие чужой собственности и обращение его в свою пользу, 2) корыстная цель этого изъятия [Бойцов, с. 106].

Кража, воровство и т. п. никогда не существовали как единое понятие. Исторически первым, видимо, является тайное присвоение чужого (кража), что доказывается языковыми и правовыми данными. В противоположность открытому, тайный (особенно ночной) тип кражи, как отмечает И.Я. Фойницкий, издревле осуждался обществом, такая кража считалась деянием человека низкого, недостойного, что было связано с характером самой эпохи, когда сила имела решающее значение и добыча должна была добываться только силой [Фойницкий. с. 183] — отсюда и древнее схождение концептов кражи и лжи как двух самых низких поступков древнего индоевропейца, привыкшего рассчитывать лишь на свои силы и честность других членов сообщества, что имело более прикладное значение, нежели морально-нравственное. С самого зарождения уголовного права на Руси — с Русской Правды — кража как преступление особо коварное и скрытное каралась жестче, чем разбой, к которому в то время относили также и то, что сейчас именуется самоуправством, порчей чужого имущества. Основной характеристикой кражи, таким образом, является стремление максимально избежать визуального контакта с кем-либо, кроме соучастников. Кроме того, к краже относятся и другие виды тайности: 1) связанный с ловкостью и незаметностью совершения действия, хотя и в присутствии жертвы; 2) направленный на незнание окружающих о совершении кражи (яркий пример — фильм «Старики-разбойники», в котором кража картины происходит на глазах посетителей Русского музея, что не является абсолютной киновыдумкой: известны случаи краж из хранилищ музеев, совершенных под видом строительных работ); 3) смерть жертвы, использованная как предлог для присвоения чужого (юр. «ограбление трупа» [Бойцов, с. 315]). Таким образом, тайность обладает

объективными и субъективными характеристиками, при этом главной остается субъективная — как представление самого преступника о своей незаметности и предпринятых для ее сохранения мер.

Разбой как насильственное присвоение чужого изначально находился вне данного лексико-семантического поля. Его вовлечение в это поле началось с запретов открытых наездов дружины, которые долгое время рассматривалось как проявление отваги и мужества, особенно в отношении чужеземцев, т. к. это считалось вполне естественным методом добывания средств к существованию. Это явление письменной эпохи на Руси — эпохи грамот и объединения русских земель, когда разбойники превратились в тех, кем они видятся и сегодня. Разбой — нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого. Разбой — самое опасное из хищений, в большинстве случаев заканчивающееся смертью потерпевшего. Этимология этого отглагольного имени точно предопределяет его значение: стремительное угрожающее быстрое перемещение в пространстве к какому-либо лицу с целью нанесения ему урона. Отличие грабежа от разбоя на сегодняшний день заключается лишь в характере насилия: опасном для жизни и здоровья при разбое и неопасном при грабеже [Бойцов, с. 480]; и в юридическом моменте окончания: при грабеже моментом окончания признается момент завладения имуществом, при разбое — сам момент нападения.

От разбоя существенно отличался грабеж как тип присвоения «один на один», который «содержал в себе лишь гражданскую неправду, но не сопровождался личным наказанием» [Бойцов, с. 303]. В Судебниках 1497 и 1550 гг. грабеж рассматривается не иначе, как самоуправное изъятие имущества в ходе драки по личным или имущественным причинам, а Судебник 1550 г. указывает на *ненасильственный* характер грабежа (что, кстати, соотносится и с

этимологией этого корня) в противоположность разбою: грабеж — «грабил, но не бил», разбой — «грабил в бою» [Рос. Законодательство, т. 2, с. 101, 106—108]. Даже Соборное уложение 1649 г. считает грабеж самоуправством и не предусматривает никакого конкретного за него наказания [Владимирский-Буданов, с. 349—350]. С Судебника 1550 г. впервые начинается рассмотрение мошенничества [Рос. Законодательство, т. 2, с. 58, 148] и именно в нем впервые проводится различие воровства от мошенничества [Владимирский-Буданов, с. 349—350], хотя еще очень пространное. Однако мошенничество еще долго не рассматривается как имущественный обман и его точные дефиниции остаются на Руси неточными, что было связано с общей отсталостью государства [Червоницкий, с. 9, 13]. Соборным уложением 1649 г. самыми опасными преступлениями утверждались татьба как тайное хищение чужого движимого имущества и разбой, под которым понималось нападение шаек разбойников на мирных жителей с целью отнятия у них имущества. Похищение же человека и мошенничество попадали «под статью» «татьба» [Фойницкий II, с. 128]. Грабеж — открытое хищение имущества, совершенное без насилия либо соединенное с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего либо с угрозой такого насилия. Именно открытый характер деяния отличает грабеж от кражи. Открытость подразумевает присутствие жертвы при совершении хищения. Однако возможны кражи, перетекающие в грабеж, при отчаянном сопротивлении со стороны жертвы. Грабеж претерпел значительные изменения в своих дефинициях: от обозначения примитивного прямого физического воздействия одного человека на другого он сместился в сторону открытого хищения. Однако грубое физическое воздействие не ушло в прошлое, оно продолжает оставаться одним из самых распространенных типов хищения, что объясняется относительной легкостью его реализации при минимальных интеллектуальных способностях, поэтому большинство преступников сегодня, как и в прошлом, более ориентированы на применение физической силы для

достижения своих целей [Криминология: 246]. Такой тип хищения более, нежели все остальные, обнаруживает наше родство с животными, которым при добывании себе пропитания не на что надеяться, кроме как на свои когти и клыки. Человек как субъект и объект преступления «является единством двух взаимодействующих, но качественно различных подструктур — надбиологической, обеспечивающей его социальную сущность, и биологической, составляющей предпосылку его социального существования» [Дубинин, с. 18].

Мошенничество — овладение чужим имуществом или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Особенностью этого присвоения является частое отсутствие вещного предмета присвоения, результатом мошенничества может стать документальная смена собственников. Но о мошенничестве можно говорить лишь в том случае, если имела место продолжительная подготовка обманом; если же присвоение было совершено при болезненном состоянии потерпевшего, то такое присвоение уже относится к краже, «т.к. воля таких лиц юридически ничтожна» [Козаченко, с. 217]. Обман играет совершенно разную роль при совершении кражи и мошенничества. В краже обман является лишь условием, облегчающим дальнейшие действия, которые совершаются без привлечения потерпевшего. В мошенничестве же обман становится причиной перехода имущества к другому владельцу.

Присвоение — противоправное удержание виновным вверенного ему чужого имущества и установление над ним незаконного владения. От кражи присвоение с юридической точки зрения отличается тем, что виновный использует имеющиеся у него правомочия в отношении похищаемого имущества. Поэтому простой доступ к имуществу в связи с родом деятельности виновного или неразборчивостью в связях жертвы преступления не может

расцениваться как присвоение, но как кража. От мошенничества присвоение отличается главным образом тем, что умысел завладения имуществом при присвоении возникает только в момент его передачи на законных основаниях.

Развитие городской культуры в европейском пространстве приносит существенные изменения и в хищение как социальное явление: тайная кража окончательно теряет свой древний негативно-презрительный характер, а приобретает статус самого опасного вида хищения, т. к. в отличие от насильственной и кражи «со взломом» мошенничество до сих пор является тем типом, предостеречься и защититься от которого не представляется возможным. Специфика такого типа краж, основным элементом которого является хитрость, ловкость, и специфика самого объекта кражи превратили ее в прерогативу имущего сословия, обладающего определенными знаниями, навыками, образованием, профессией и т. п. Обычная же кража, грабеж и разбой остались уделом обездоленных. Далее, с усложнением юридических отношений регламентация мошенничества и тайной кражи становится основой уголовного права России и Европы. Так, Указ 1781 г. о видах воровства и вовсе не упоминает о разбое, который стал практически невозможен в стабильном государстве, но делит воровство на три типа: 1) воровство-грабеж, включающее в себя все виды насильственного похищения и некоторые виды открытого ненасильственного; 2) воровство-мошенничество, обозначающее внезапное открытое хищение и хищения обманом или вымыслом; 3) воровство-кража, обозначающее тайное хищение. И лишь позднее Свод законов присоединил к этим типам хищений разбой, означавший насильственное нападение на дом или селение с целью хищения [Рос. Законодательство, т. 4, с. 361—363].

В рамках данной работы не рассматривается лексика, обозначающая смежное с кражей понятие вымогательство. Как особое преступление вымогательство — реалья достаточно новая, с крайне размытыми границами.

Даже с юридической точки зрения до сих пор не прекращается спор относительно вымогательства как «беспредметного преступления» [Гаухман, с. 7] или предметного, объектами которого являются документы, свидетельствующие о наличии данного предмета [Куц, с. 132], [Малахов, с. 22], [Клименко, Мельник, с. 148—153], [Сафин, с. 67—68]. Особенностью и отличием вымогательства от других видов посягательств на собственность, разумеется, является нечеткость границ его совершения и возможность длительной временной перспективы, порою длящейся всю жизнь потерпевшего и могущей переходить «по наследству», становясь неким подобием долговой кабалы. В работе данные лексемы не рассматриваются еще и потому, что в отличие от всех видов краж при вымогательстве жертва, в сущности, сама идет на преступление.

Итак, в состав лексико-семантического поля ‘присвоение чужого’ в настоящей работе включаются лексемы со следующими словарными определениями значений: *кража, грабеж, присвоение, захват, присвоение*.

О метафоричности обозначения присвоения чужого

Праславянская культура стала прямым наследником индоевропейской в ее архаичном виде с минимальным социальным расслоением, примитивной анимистической религией и метафоричностью и приматом табу над изреченным словом [Трубачев, 1991, с. 215]. Понятия ‘кража’, ‘воровство’ — одни из древнейших абстрактных понятий индоевропейской культуры, отразившие метафорическое видение мира как основу человеческой культуры в целом. Метафора, вслед за Вико, понимается не как художественное украшение, а органическое выражение способа мышления и познания, как основной узел языкового мифотворчества, связывающий язык с мышлением и культурой [Vico,

р. 98]. Это подтверждает идею, не раз высказываемую многими лингвистами, о метафорической природе протоязыка вообще, о том, что протокоммуникация осуществлялась именно на метафорическом уровне: весь наш язык — «кладбище метафор» (Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, Б. Блэк, Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.), и о задаче этимологии «исследовать главным образом мертвые метафоры (*metafore stabilizzati*), являющиеся основой обновления словарного запаса любого языка» [Belardi, p. 11]. Согласно теории метафоры Лакоффа-Джонсона, «наша обычная концептуальная система, в терминах которой мы думаем и действуем, является метафорической по своей природе» [Lakoff, Johnson, p. 3]. Ш. Балли писал: «Мы употребляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомит с ними других» [Бали, с. 221]. Метафора является мощным средством познания нового концепта путем сопоставления его с уже известным на основе принципа фиктивности, с которого метафора начинается, живет и умирает, если он перестает осознаваться во внутренней форме наименования [Телия II]. Таким образом, метафора является основой человеческого постижения мира в силу объективных гносеологических законов [Фрейденберг, с. 111—113]. Такое метафорическое воззрение на язык и его исследование привело к появлению специального термина «глоттология» [Belardi, с. 14]. Основная задача глоттологии — описать процессы лавирования абстрактного и конкретного в значении слова, восходящие к аристотелевскому пониманию символа вообще. Но существуют и другие взгляды на метафорическое «засилие» в языке. Так, М. Мюллер считает, что метафоры являются следствием лексической бедности древнего языка, вынужденного использовать одно и то же слово для разных понятий [Мюллер, с. 26].

Метафора является не столько показателем бедности языка, сколько символом мышления человека, использующего прежде добытые знания в постижении новых: человек как бы нанизывает новые значения, добавляя их к

первичному значению слова и сопровождающим его многочисленным ассоциациям. Так, А.Н. Афанасьев и А.А. Потебня утверждали, что метафора возникла вследствие сближения между предметами, сходными по производимому впечатлению [Афанасьев, с. 133; Потебня, с. 66], «способ упаковки семантического материала в слове» [Evans, p. 505]. Метафора, являясь частью когнитивного процесса человека как биологического вида, создавая новые значения, соизмеряет разные сущности, пропуская их через человека, соизмеряя мир с человеческим масштабом знаний и представлений, с системой культурно-национальных ценностей. Способность мыслить метафорически как отличительная способность *homo sapiens* выполняет, в сущности, две основные функции: помогает постичь человека (и себе подобных) и делает абстрактные понятие легче воспринимаемыми и понимаемыми в развитии значений от конкретного к абстрактному и от материального к духовному. Более того, именно в способности языка к самообновлению своего лексического состава — формальному и семантическому — видится его основное свойство подстраиваться под новые условия био- и социотопа человечества. Во многом именно из этого «нанализующего цепнообразного» свойства языка этимология способна восстанавливать формы и значения дописьменных эпох. «Ни в одном языке не существует ни одного слова, за исключением чистейших неологизмов и окказионализмов, которые не были бы связаны, хотя бы своими частями, с образованиями предшествующих эпох» [Belardi, p. 49]. Это находит свое отражение в исследуемом лексико-семантическом поле: все лексемы, ставшие обозначениями кражи или грабежа, имели изначально сугубо конкретное значение, древнейшее из которых — передвижение предмета или преступника. Метафора успешно выполняет роль призмы, через которую человек видит мир, ибо метафоры проявляются национально-специфическим образом во внутренней форме языка, метафора отражает фундаментальные культурные ценности этноса [Телия, с. 58].

Жаргонная и арготическая лексика в составе ЛСП 'присвоение чужого'

Во вступлении к данной работе необходимо сделать уточнение относительно отбора жаргонной лексики. Несмотря на рассматриваемую тематику данного лексико-семантического поля, для анализа берутся только те жаргонизмы, которые заняли довольно прочную позицию в так называемой сниженно-просторечной разновидности русского литературного языка («языке города» [Ларин II, с. 61—74], [Колесов, с. 76]) согласно «языковому вкусу эпохи» [Костомаров: 6] как «ракурсу взгляда человека (людей данного времени) на жизнь» [Елистратов, с. 8]. Русский литературный язык за последние двести лет характеризуется четырьмя мощными волнами агрессивного проникновения в него сниженной и жаргонной лексики: 1) карамзино-пушкинское создание разговорного языка, 2) разночинное влияние второй половины XIX в., 3) Октябрьская революция, 4) Перестройка и последующее десятилетие (во многом этот период не закончился до сих пор). Жаргон — некий возврат к примитивности как к первозданности и первобытности мира. Человек заново стремится познать и классифицировать мир: «язык — орудие жизненного строительства» [Лосев, с. 479]. Агрессивное поведение жаргона характерно для наиболее беспокойных и неупорядоченных периодов в истории государства, которые активизируют энергию общества. Этнос «бесится» в биосфере и выбрасывает избыточность этой энергии в речь — ср. с теорией пассионарности Л.Н. Гумилева [Гумилев, с. 120 и сл.]. «Воровское арготическое — не что иное, как излишество, игра, шик, следствие избытка энергии» [Лихачев, с. 47]. Для европейской культуры вообще характерно постоянное обновление языка при помощи маргинальных элементов, основой которых (обновлений) становится идеализированная фигура вора: вор Ванька Каин, Робин Гуд и др. — все они являются разновидностями одного культурного архетипа. Как указывают

исследователи, такое агрессивное проникновение арготизмов «наверх» происходит, в основном, не благодаря разгулу бандитизма, но из-за необходимости самого языка расширить свой словарный потенциал. При жаргонизации никакого насилия нет, этот процесс проходит достаточно быстро. Во многом такая легкость затопления литературного языка снизу объясняется именно идеализацией народом асоциального поведения как реализации свободы. Личность, несущая с собой перемены и маргинальность, «близка к киническому духу» [Елистратов, с. 649]. Это личность глубоко травмированная официальными идеями и моралью, поэтому и вызывающая сочувствие со стороны народа. «Этот культурный герой вносит в культуру и язык ощущение того, что маргинальный арготизм — это поэтизм, это стилистическое средство, способное передать широкий спектр настроений» [там же].

Арго воров исторически являлось своеобразной пазилалией в Западной Европе (арго — явление позднего Средневековья, зародившееся на основе трех основных арго: воров, нищих и мелких бродячих торговцев [Ларин, с. 113—130]), которая потом проникла и в Россию, в чем многие исследователи видят не столько преемственность, сколько параллельность развития метафор, основанных на общности менталитета воров [Костев, с. 411—425], [Коротеев, с. 88—91]. Русское общество, согласно теории этногенеза, моложе европейского на пятьсот лет, к тому же оно пережило криминально-диссидентский бум, сходный с европейским в Средние века, лишь в XX в. [Елистратов, с. 56].

Современное положение арго прямо противоположно его положению в античности, знавшей множество тайных мистерий, культов и языков. Античная арготичность была до такой степени живой и распространенной, что, по одной из теорий, финикийское письмо возникло как арго купцов, впоследствии потерявшее свою секретность [Елистратов, с. 620]. Наиболее древней системой арго такого рода является древнегреческий кинизм, который использовал арго для проповеди своей философии, просуществовавшей около тысячи лет в

неизменном виде. Кинизм, как и в дальнейшем барокко, футуризм и постмодернизм, дает одновременно образцы высокого и низкого, непременно смешивая их, как любое арго. Именно киники положили основу поведенческой сферы арго, связанного не только с тем, как и что говорит индивид, но как он живет, что является полной противоположностью любого носителя современного арго в плане выпячивания своей принадлежности к кинизму. Последняя арготическая волна в русском языке уже приходит к своему завершению в русском языке, блатная тема и арго полностью себя исчерпали, чему способствовала, по мнению В.С. Елистратова, так называемая субкультура новых русских, основанная на «площадном» высмеивании уголовного мира. Это осмеяние отразилось и на самом воровском арго, которое, как считают многие исследователи, является мертвым. Его вырождение началось с 30-х гг. XX в., со времени массовых репрессий в СССР [Чалидзе, с. 395], из-за которых уголовный мир не просто резко увеличился в размерах, но и пополнился людьми, не имевших к нему никакого отношения. Такое смешение уголовного и «светского / мирского» обществ и породило языковое смешение: взаимопроникновение фени и языка, приведшее к расшатанному состоянию первого и «замусоренности» второго. Мы сталкиваемся с омертвлением данных лексем в разговорном языке, как писал М. Бахтин: «в современных ругательствах почти ничего не осталось, кроме голого отрицания, чистого цинизма и оскорбления: в смысловых и ценностных системах новых языков и новой картине мира эти выражения совершенно изолированы» [Бахтин, с. 35]. По мнению Бахтина, подобные выражения продолжают лишь сохранять «определенную степень обаяния». Именно он впервые в свое время высказал мнение о вырождении низовой культуры в Новое время, что отражается, в частности, и в размывании арго.

Периферийность анализа жаргонной лексики в данной работе связана также и с тем фактом, что, используя субстратные корни и способы

словообразования, жаргон и арго не создают ничего принципиально нового в рамках своего языка и во многом выходят за рамки национальных языков. Этимологический анализ лексем в данной работе подчинен цели восстановления фрагмента языковой картины мира русского этноса, тогда как жаргонизмы как лексем-маркеры определенного времени более фиксируют эпоху, чем мировоззрение этноса.

I глава. Генетическая характеристика лексем поля

В данной главе слова с семантикой присвоения чужого распределены по исходным этимологическим гнездам. Подобная «выставка слов», в терминологии В. Беньямина [Benjamin, p. 32], нацелена, главным образом, на восстановление первичной связи слова и концепта [Giannini, p. 446], т. к. «углубленное понимание значения есть уже его реконструкция» [Трубачев, 1988, с. 198]. По мнению Малкиела, этимологические гнезда — это «наиболее подходящее единство в лексикологическом исследовании» [Malkiel, p. 274], имеющее «принципиальную важность для собственной истории каждого слова» [Варбот, 2012, с. 36]. Этимологический анализ в корне невозможен без исследования конкретных слов и их корней. «Если этимологический анализ не опирается на конкретные слова, то такой анализ уходит из этимологического в историографический и анализ концептов <...>, который не имеет отношения к лингвистике, т. к. к последней не относятся символы и ментальные образы без осязаемой формы» [Belardi, p. 33]. Вслед за К. Колером [Kohler, p. 413] исследуется не все гнездо целиком, а лишь та его часть, которая породила семантику 'присвоение чужого'. Ряд исследователей отдает предпочтение гнездовому принципу этимологического анализа лексем перед полексемным, ввиду внутригнездовой связанности лексем, отрыв которых друг от друга приводит не только к атомарности [Варбот, 2012, с. 36], но зачастую — к меньшей убедительности толкования вследствие отрыва от их генетической преемственности, параллельности формального и семантического образования. Поле, являясь само по себе довольно мощным систематизатором (естественным!) в языке, требует такой же системности в генетической цепи. Подтверждением семантической устойчивости этимологических гнезд можно считать сохранение на большом диахроническом отрезке синонимических

отношений между производными праславянских глаголов внутри какого-либо ЛСП [Шалтяните, с. 6, 19—20], [Калашников, с. 6-7], что помогает в установлении родственных связей гипонимов и восстановлении мотивационной модели у более позднего образования.

История каждого слова и гнезда — это сочетание многочисленных закономерных явлений многих языковых уровней и внеязыковых реалий и влияний, которое (сочетание) является индивидуальным и потому может приобретать характер случайности. Ю.М. Лотман, понимавший огромную роль случайного в искусстве и науке, так говорил в своем интервью: «До сих пор наука занималась причинно-следственными связями, оставляя непредсказуемое, случайное за своими пределами. Мы видим новый процесс. Он более живой, динамичный и в большей степени адекватно отражается в искусстве» [Лотман, 1993, с. 10]. Вслед за Лотманом данное исследование, как любое исследование по этимологии, «ориентировано на отстранение случайного и выделение закономерного инварианта» [Лотман, с. 473—474]. Сама фрагментарность существующего материала, зависящего от публикаций новых лексических данных, увеличивает процент случайного в этимологическом исследовании. «Своеобразие и сложность этимологической модели лексического состава слова заключается в том, что она является результатом научной абстракции не только от синхронических отношений между языковыми единицами, как это обычно бывает для других системных построений в языкознании, но и (в значительно большей степени) от диахронических и территориальных видоизменений тождественных в прошлом единиц при их вхождении в различные синхронные системы» [Мельничук, с. 59]. Поэтому огромное внимание в данной работе уделяется диалектному материалу, в некоторых случаях — недавно опубликованному. Диалектная этимология в данном случае представляет собой «анализ диалектной лексики, привлеченной в ходе этимологического исследования лексики литературного языка и праязыка» [Варбот, 2012, с. 196],

что полностью соответствует заявленным целям исследования — восстановление фрагмента языковой картины мира русского этноса. Диалектная этимология — один из самых сложных разделов этимологии, сопряженный с большим риском ошибок. Риск связан, главным образом, с ограниченностью контекста употребления слова, поданного в словарной статье, и, зачастую, ошибочностью, некорректностью предъявленного значения лексемы, что может наслаиваться и на неточность формальной подачи. Тем не менее, диалектная лексика, богатая факультативными формами и значениями, гапаксами крайне важна в построении наиболее четкой структуры ЛСП и отдельного гнезда. В то же время не стоит априори относиться к записи диалектного слова как к потенциальной ошибке. В качестве более надежной проверки правильности записанного слова используется, как кажется, наиболее верный способ — поиск однокоренных слов вокруг записанного с другими формантами, что будет показано в данной работе. Подобное «осматривание» приводит зачастую к интересным выводам, к открытию вариантов разных ступеней развития лексемы, что уже в разы уменьшает возможность неправильного истолкования. Пока еще живая диалектная речь дает ценнейший материал как для представления о древнейшем быте сельских жителей, так и для осмысления новых (городских) реалий в деревне. Диалектный материал помог восстановить древнейшие семантические модели, недостающие звенья в уже существующих, предположить дальнейшее развитие поля. Порою именно диалектный материал, несмотря на отсутствие точных дат первых фиксаций, а лишь благодаря своей форме и фонетике, помогал реконструировать праславянский источник. Еще Ф. Соссюр указывал на надежную реконструкцию как на «регистрацию успехов нашей науки» [Соссюр, с. 255].

В предлагаемой работе каждое гнездо рассматривается по принципу частеречной принадлежности входящих в него лексем при распределении их по основным периодам, как-то: праславянский, древнерусский, старорусский,

русский язык XVIII в. и современный русский, подразделяющийся в свою очередь на литературный язык, диалекты и жаргон. Все описываемые языковые срезы являются взаимопроникающими, как любые синхронные срезы [Jakobson, 1929, p. 15], их выделение во многом представляется искусственным. Столь же условно разделение синхронии и диахронии. «Семантические системы до известной степени искусственны» [Meуer, p. 358]. «Статический срез — фикция: это лишь вспомогательный научный прием, а не специфический способ существования» [Jakobson, 1931, p. 264—265].

Порядок следования гнезд в данной работе подчинен только принципу обширности того или иного гнезда и, как следствие, обильности текстового наполнения анализа. В заключительной части главы гнезда будут поданы в алфавитном порядке (подробному анализу этапов будет посвящена глава III, которая выявит структуру фонда лексики с определенным значением, что навеяно идеей Я. Малкиела о схематическом представлении структуры словообразовательных и этимологических гнезд [Malkiel, p. 265, 264]). В этой же главе характеризуются словообразовательные связи лексем с особым вниманием к наиболее неясным или спорным случаям. «История вещей должна дополняться историей семантических отношений, способов образования слов, подчиненных сложному детерминизму» [Guiraud, p. 154]. Этот последовательный ретроспективный словообразовательный анализ облегчает выяснение сложных этимологических связей слов [Варбот, 1963, с. 199]. Все древние аффиксы выделяются на основе правила Перссона [Persson, p. 609], большое внимание уделяется корню как «носителю основной лексико-мотивационной информации» [Откупщиков, 1969, с. 81]. В центре внимания находится последний словообразовательный шаг (или изменение значения), создавший слово с семантикой поля присвоения чужого. Именно так определяется мотивационная модель.

1.1. Русская лексика славянского происхождения

1. *krasti

1.1. Verbum / radix

Первичное значение пр.-сл. **krasti*, **kradǫ* восстанавливается как 'осторожное движение': сербохорв. *krăsti se* 'подкрадываться', чеш. *krásti se* 'красться', словц. *kradnúť sa* 'красться', ст.-польск. *kraść się* 'красться', рус. *красться* 'красться, стараться быть незаметным', диал. *красть* 'течь', *крадиться* 'таиться', укр. *крастися* 'подкрадываться', блр. *красціся* 'подкрадываться'. На его значении развилось значение кражи: болг. *крада* 'красть, воровать', болг. диал. *кръдь* 'жать на поле соседа', *крам* 'красть, похищать девушку силой', макед. *краде* 'красть, воровать, жульничать', сербохорв. *krăsti* 'красть, воровать, мошенничать', словен. *krásti* 'красть, воровать', чеш. *krásti* 'красть, воровать', словц. *kradnúť* 'красть', полаб. *kraděs* 'крадешь', ст.-польск., польск. *kraść* 'красть', словин. *krasc* 'воровать', др.-русс. *красти* 'красть, воровать', русс. *красть* 'воровать, красть', укр. *красти* 'красть', блр. *красці* 'воровать' [ЭССЯ, т. 12, с. 102]. Генетическое первичное значение осторожного передвижения сохраняется до сих пор у образований данного пр.-сл. корня: диал. сибир. *кратью* 'тайно' [СРГС, т. 2, с. 147], *крадчун* 'человек, делающий что-то украдкой' [СРГС, т. 2, с. 143], *скрадно́й* 'стеснительный, застенчивый' [СРГС, т. 4, с. 327], *скра́дывать* 'подкарауливать, ловить зверя' [СРГС, т. 4, с. 328], *украсть* 'укрыть, спрятать' [СРГС, т. 5, с. 143], диал. карел. *украсть* 'спрятать, скрыть' [Карел., т. 4, с. 599]. На индоевропейском уровне корень связывают с др.-инд. *krama* 'шаг как квант движения'. В.Н. Топоров подчеркивает двойственность любого шага как отрезания-соединения пространства ('наступление ногой и след от наступания'), что подчеркивается и родством корня *kram-* со слав. **krojiti*, **krojь*, **krajь*,

**krajiti*, **skromъnъ*. Далее, сопоставив др.-инд. *kram-* с др.-инд. *krameliuoti* ‘тяжело вздыхать, кашлять’, Топоров предположил формирование семантики ‘медленного, затруднительного движения’ уже на начальных этапах развития корня *kram-*: обозначаемое движение в благоприятных обстоятельствах становилось энергичным, быстрым, легким, в противном же случае – затруднительным, шероховато-неравномерным, медленным [Топоров, 1997, с. 150—161]. Именно представление о затруднительном движении в условиях опасности быть пойманным может считаться основой для семантики ‘красть’, являющейся славянской семантической инновацией (ср. семантические параллели в продолжениях других и.-е. корней: англ. *steal* ‘воровать’, ‘красться’ (тогда как у однокоренного с **krasti* англ. *crawl* ‘медленно передвигаться, ползти’ нет семантики ‘воровать’), франц. *voler* ‘красть, лететь’).

Со старорусского периода отмечена усложненная суффиксальная глагольная форма **крадывати** ‘воровать’ (Суд. Ив. III 1497 г.) [СДРЯ, т. 8, с. 6], при тавтологическом диал. сибир. **скрадом скрадывать** ‘тайно, незаметно красть’ [СРГС, т. 4, с. 328].

Многие этимологи считают основным носителем семантики кражи в данном гнезде приставочные образования [ЭССЯ, т. 12, с. 103]. Приставочных образований от **krasti*, имеющих данную семантику, - шесть: **u-krasti*, **vy-krasti*, **ob-krasti*, **sъ-krasti*, **po-krasti*, **orzkrasti*. Все приставки привносят значение ‘удаление’ (в широком смысле).

Приставка **u-* (ср.: лит. *au* ‘из, от’, др.-греч. *ἄστιος* ‘пустой, тщетный’ [Кореѣнѹ, v. 1, s. 257—262]) глагола **украсть**, восстанавливаемая на пр.-сл. уровне благодаря точным соответствиям во многих славянских языках, привнесла значение ‘удаление’, ‘в своих интересах’ в семантику глагола **украсть**.

У приставки **vy-* пр.-сл. глагола **выкрасть** восстанавливается значение ‘изнутри’, ‘удаление’ (ср.: гот. *ūt* ‘из’, ст.-инд. ‘из’ [Кореѣнѹ, v. 1, s. 267]). Таким

образом, в приставочных глаголах **u-krasti*, **vy-krasti* тесно переплетаются уже несколько компонентов: ‘передвижение с препятствием’, ‘удаление’, ‘отрезание’ и ‘присвоение’.

У приставки **ob-* > *o-* восстанавливается первичное значение ‘кругом’, ‘вокруг’, ‘около’, ‘у’ (ср.: лит. *apīē* ‘вокруг’ [Корецкū, v. 1, s. 131—141]), затем трансформировавшееся в ‘полностью’, ‘в большом количестве’, обнаруженные у **ob-krasti*, который в СРЛЯ обозначает совершение множественных краж. Русскому глаголу знакомы все три возможных варианта данной приставки: др.-рус. **окрасти** (Сб. 1076 г.) [СДРЯ, т. 6, с. 113], рус. **обокрасть**, диал. зап.-брянск. **абкрасть** ‘обокрасть’ [Брянщ., с. 27]. За пределами исследуемого поля развитие семантики приводит к появлению рус. молод. сленг. **обкрасться** ‘начать вести себя глупо, странно (Чё, брат, обкрался? Вместо тонны пятьсот рваных возвращаешь)’ [Никитина, с. 440], явно испытавшего влияние поля ‘обманывать’ (ср. др.-рус. **окрасти** ‘обмануть’ (Мин. 1096 г.) [Срезневский, т. 2, с. 647] в развитии своего значения из ‘красть’).

У приставки **sь-* (**sьkrasti*) восстанавливается значение ‘вместе, совместно, с’, ср.: лит. *su*, ст.-инд. *sam*, авест., араб. *ham*, лат. *cum* в то же [Корецкū, v. 1, s. 244—255], со вторично развившейся семой ‘в направлении к себе’ (ср. **свернуть**, **соскользнуть**), откуда и ‘красть’. Соединение данной приставки и данного корня знакомо только русским говорам: диал. дон. **скрасть** ‘украсть’ [СРДГ, т. 3, с. 125]. Лексема известна и говорам вторичного заселения, но со специфическим значением: диал. сибир. **скрадывать** ‘подкарауливать, утаиваться при охоте на оленя или др. дичь’ [Зотов, с. 436], здесь очевидно сохранение первичной семантики.

У приставки **ro-* также восстанавливается значение удаления, ср.: авест. *razdayeiti* ‘он позволяет уйти’, алб. *pa* ‘без’, хетт. *rē* ‘туда’, греч. *ἀπό* ‘от’, др.-инд. *āra* ‘прочь, назад’ [Фасмер, т. 3, с. 292-293], ‘от’, ‘к’, ‘сквозь, через’ [Корецкū, v. 1, s. 178—192]. Др.-рус. **покрасти** ‘украсть, обокрасть’ (Ип.л. 6678

г., Новг. крм. 1280 г.) [СДРЯ, т. 7, с. 52] не переходит на следующие исторические языковые этапы и мало знакомо русским говорам.

У приставки **orz-*, при помощи которой образуется диал. волог. *разокрасть* 'украсть, разворовать' [Волог., т. 9, с. 2.], реконструируется первичное значение 'разделять' [Фасмер, т. 3, с. 494].

Древнерусский период ознаменовался также появлением итеративных глаголов, просуществовавших сравнительно долго: др.-рус. *окрадатн* 'обкрадывать' (Феод. Печ. XIV-XV вв.), 'обманывать' (Сл. Иоанна Зл.) [СДРЯ, т. 6, с. 112], др.-рус. *покрадатн* 'обкрадывать', 'обманывать' (Рог. Лет. 1409 г.) [СДРЯ, т. 7, с. 51], др.-рус. *покрадовати* то же (ПСЗ I 1656 г.) [СДРЯ, т. 7, с. 51] и др.-рус. *окрадо(ы)вати* 'воровать', 'обманывать' (Гр. Наз. с толк. Ник. Ир.) [СДРЯ, т. 6, с. 112], диал. одесс. *выкрадувать* 'красть, брать тайком' [Карпенко, т. 1, с. 109] — украинизм.

Среди причастий и прилагательных гнезда, наравне с простыми семантически и формально др.-рус. *окраденныи* 'ограбленный, похищенный, грабящий' (Феод. Печ. XIV-XV вв.) [СДРЯ, т. 6, с. 112], ст.-рус. *покражный* 'украденный' (АМГ I 1622 г.) [СРЯ, т. 16, с. 174], находим интересные формы, обозначающие несовершенную кражу или даже невозможность ее совершения: др.-рус. *неокраденъ* 'нетронутый, необокраденный' (Ефр. корм. XII в.) [СДРЯ, т. 5, с. 313], др.-рус. *неокрадомыи* 'необокраденный' (Изб. Св. 1073 г.) [СДРЯ, т. 5, с. 313], др.-рус. *непокраденъ* 'необокраденный' (Пч. XIV в.) [СДРЯ, т. 5, с. 325] и др.-рус. *непокрадомъ* 'которого нельзя украсть' (Пч. XIV в.) [СДРЯ, т. 5, с. 325]. Язык отражает явления внеязыковой действительности — не простую закрепленность предмета за хозяином, но непоколебимость этой связи: или ввиду невозможности ее совершения, связанной с сакральным характером предмета, или учитывая возможность быстрого юридического реагирования. Однако даже при наличии строгого преследования законом кражи оставались

одним из самых «популярных» способов быстрого обогащения, порою приводящим к тому, что предмет долго не находился во владении одного лица. Подтверждение этому находим в ст.-рус. *перекрасти* ‘украсть снова что-либо уже украденное’ (Росп. наказаний Тобул. 1653 г.) [СДРЯ, т. 18, с. 253] (ср. пословицу *тать у татя перекрал утятя*), обозначающем вторичную кражу, видимо, не являвшуюся редкостью, учитывая необходимости ее вербализации. Также терминологизации подвергается и явление многочисленных краж — *накрасть(ся)* ‘вдоволь навороваться’ [СРЯ 18 в., т. 13, с. 222] — с подчеркнутой негативной оценкой.

1.2. Nomen actionis:

Имя **(u)kradъ* (<*(u)krasti) принадлежит к самому распространенному типу девербативов мужского рода – основам на -о, которые стали наиболее активными в позднепраславянский период. Для русского языка зафиксированной является лишь адвербиализованная в тв.п.ед.ч. форма: др.-рус. *оукрадомъ* ‘украдкой, тайком’ (Дел. 1580 г.) [Срезневский, т. 3, ч. 2, с. 1184], ст.-рус. *крадемъ* (ДАИ VII 1677 г.) [СРЯ, т. 8, с. 5], *крадомъ* (Колл. Зинченко № 17 1630 г.) [СРЯ, т. 8, с. 6] ‘воровским образом, украдкой’, при совр. рус. *украдкой*, укр. *крадькома*, чеш. *úkradket* ‘украдкой, тайком’. Формы *оукрадомъ*, *крадькома*, *украдкой*, *úkradket* адвербиализованы в форме тв. п., что указывает на процессуальный характер семантики данных имен, в чем видится сохранение первичного обозначения ловкого, медленного движения вообще. Интересно диал. ср.-приирт. *сделать покрадки* ‘украсть’ [Приирт., т. 3, с. 130], в состав которого входит имя такой же морфологии, но от другого приставочного глагола.

Праславянскому периоду принадлежит и **kradja* (*кража*): ср. церковнослав. *кражда* ‘кража’, болг. диал. *кра́же* то же, сербохорв. *krāđa* ‘кража, краденное’, словен. *krāja* то же, словин. *kraz'ǎ* ‘ограбление’, блр. *кража* ‘кража’

[ЭССЯ, т. 12, с. 84], образованное с помощью суффикса *-j-*. Пр.-сл. имена типа **kradja*, **lovja* принадлежат к древнейшим *nomina actionis* славянских языков. С.Б. Бернштейн отмечает, что среди слов с основой на *-a* было очень много слов, где тематическому гласному предшествовал *j*, который сформировался из основы на *-ĩ* (*zemĩ->zemĩa>zemja*), или же эти образования являются deverбативами от глаголов на *-iti*, *-ati* [Бернштейн, с. 304]. От глагола **krasti* нет каузатива или итератива с основой на *-iti*, очевидно, есть все основания предположить **kradati* в качестве производящей основы для **kradja* (ср. достоверно существовавший **ukradati*). Предположение о процессуальном первичном значении лексемы *кража* доказывают диал. новг. *кражью* 'тайно, скрытно' [НОС, вып. 4, с. 134] и ст.-рус. *покража(-ей)* 'кража' (Ип.л. 6678 г.) [СРЯ, т. 16, с. 174], по своей структуре напоминающие уже рассмотренное *оукрадомъ*. Следовательно, и *кража* имеет первичное значение 'передвижение тайком, крадучись'. Таким образом, **(u)kradъ* и **kradja* наследовали первичное значение и.-е. корня **krā-* и развили значение 'воровать' спорадически.

Др.-рус. *крадѣба* 'кража' (Правила XIV в.), 'обман' (ВМЧ дек. 31 XVI в.) [СРЯ, т. 8, с. 6] является праславянским образованием: церковнослав. *крадѣба* 'воровство', макед. диал. *krádba* то же, сербохорв. стар. *krádba* то же, словен. *krâdba* то же, ст.-чеш. *kradba* 'кража, краденное', польск. стар. *kradžba* то же, блр. *крадзьба́* то же [ЭССЯ, т. 12, с. 85] отыменного характера (ср.: *тяжба* – *тяжа*, *сѣчьба* – *сѣча* [Варбот 1969: 80]). Для ср.-рус. *крадва* 'кража' (Хроногр. 1512 г.) [СРЯ, т. 8, с. 5] стоит предположить отглагольный характер основы (*дева*, *держава*, *молва*), древность которого до указанного XVI в. сомнительна.

Праславянским образованием является **kradežь*: болг. *крадежь* 'воровство', макед. *крадеж* то же, сербохорв. *крадеж* 'краденное, кража', словен. *krâdež* 'воровство', чеш., словацк. *krádež* то же, ст.-польск. *kradzież* то же, укр. *крадіж* то же, блр. *крадзеж* то же [ЭССЯ, т. 12, с. 83]. Время фиксации формы в русском языке – XVII в. (ст.-рус. *крадежемъ* 'воровским образом' (Дон. д. II

1645 г.) [СРЯ, т. 8, с. 5]). Это также адвербиализованная форма тв.п. ед.ч. при обозначении передвижения. Место данного древнего пр.-сл. имени в русском языке заняли формы усложненной суффиксальной структуры и более поздние формы на **-ельје*: ст.-рус. **крадежство** 'кража, воровство' (Юдифь 1674 г.) [СРЯ, т. 8, с. 5] и **святокрадежство** 'расхищение церковного имущества' (Сл. Евф. о мил. XVII в.) [СРЯ, т. 23, с. 213]; др.-рус. **окраденик** 'кража, обман' (Ефр. Корм. XII в.) [СДРЯ, т. 6, с. 112], **краденик** 'кража' (Мин. ноябрь 1097 г.), 'святотатство' (Ефр. Корм. XII в.), 'обман' (Гр. Наз. XI в.) [СДРЯ, т. 4, с. 280]. Затем появляются образования, усложненные формально и семантически: ст.-рус. **святокрадение** 'кража церковного имущества, присвоение доходов церкви' (Требник XVI в.) [СРЯ, т. 23, с. 214]; **святокрадство** 'расхищение церковного имущества' (Наука краснор. XVIII в.) [СРЯ, т. 23, с. 214].

1.3. Nomen agentis

Примечательно, что *красть* как глагол, сформировавший свою семантику на основе обозначения движения лица, очень ограничен в образовании *nomen agentis*: адъективированное причастие др.-рус. **крадый** 'похищающий, подсматривающий' (Изб. Св. 1076 г.) [СДРЯ, т. 8, с. 6] и отглагольные имена др.-рус. **крадежник** 'вор' (Сл. Евф. о мил. XVII в.) [СРЯ, т. 8, с. 5] и **святокрадец** 'святотатец' (Зап. на кн. ст. печ. 1653 г.) [СРЯ, т. 23, с. 214], которые не фиксируются в русском языке более поздних периодов.

Для русской картины мира важно существование номинации человека, склонного к воровству, но не пойманного на краже: др.-рус. **крадливый** 'склонный к воровству' (Беседа отца с сыном XVII в.) [СДРЯ, т. 4, с. 281], уступивший свое место в СРЛЯ синонимичному *вороватый*.

1.4. Ad notam

К этому гнезду относятся и *конокрадство*, *конокрад*, обозначающие «узкопрофильную» кражу (ср. диал. смолен. *кобылятник* 'вор, крадущий лошадей' [Смолен., т. 1, с. 328]), а также диал. сибир. *коновод*, *коноводство* [СРГС, т. 2, с. 103] с тем же значением при ошибочной или ироничной народной этимологии (как 'уводящий коней', 'увод коней').

Данное гнездо со значением 'воровать' осмысливается и в русских фольклорных поверьях и поговорках: диал. перм. *украсть дорогу* 'напустить порчу на коней и седоков, находящихся в дороге', диал. перм. *ни украсть ни покараулить* 'ни на что не годный' [Перм., т. 2, с. 417]. Первая поговорка связана с сакральным значением, приписываемым краже народными поверьями. Как было описано выше, кража была не только источником обогащения, но и важной составляющей разного рода ритуалов и обрядов, связанных с призывом к воздействию на этот мир мифических существ. Последнее и находит свое отражение в выражении *украсть дорогу*. Второе же выражение *ни украсть ни покараулить* связано с комичным компонентом кражи (подробнее см. ниже), в данном случае основанным на одновременном употреблении противоположных по значению слов (ср. похожее *ни то ни сё*, *ни рыба ни мясо* и под.).

2. *xъtĕti / *xot-je / *xvat-

2.1. Verbum / radix

У гнезда глагола *-хитить* нет надежных соответствий за пределами славянских языков — вряд ли славянское гнездо родственно лтш. *gaut, gauni* 'хватать, ловить' [Фасмер, т. 4, с. 230]. В славянских языках оно представлено широко: укр. *хитати* 'шатать', ст.-сл. *хытити* 'схватить', болг. *хитам* 'спешу', сербохрв. *хитати* 'хватать, бросать, спешить', *хитити* 'хватать, спешить', словен. *hĭtati* 'похищать, бросать', чеш. *chytiti, chytati* 'хватать, ловить', в.-луж.

chyćić ‘хватать’, н.-луж. *chytaš* ‘бросать’ [Фасмер, т. 4, с. 239]. Для славянского ареала корня **хyt-* восстанавливается первично значение ‘быстро взять, схватить’. Соседство значения ‘быстро’ с ‘хватать’ встречается и в образовании от пр.-сл. основы II — глаголе **xvatati*: словц. *xvátat* ‘спешить, хватать’, польск. *chwatać* ‘хватать’, *chwatku* ‘быстрый’ [Фасмер т.4: 230] (ср. диал. сибир. *вот так захватил!* ‘очень быстро побежал’ [СРГС, т. 1.2, с. 229]). В большинстве восточнославянских говоров за продолжениями основы II закрепляется значение ‘быстро взять’, а за продолжениями от основы I – ‘украсть’ (но см. диал. казацк. *хитить* ‘ловить, причинять урон’ [Малеча, т. 4, с. 374]). Большинство производных глагола **хytiti* в СРЛЯ относится к высокой лексике и употребляется при обозначении кражи особо ценных предметов или человека. От более же экспрессивной основы **xvat-* образуется нейтральная или сниженная лексика, обозначающая скорее резкое схватывание, нежели воровство. Новая семантика присвоения наиболее полно отражена в русском языке, даже в украинском и белорусском языках обнаружен весьма ограниченный круг лексем, тогда как в западно- и южнославянских языках лексемы этого этимологического гнезда сохраняют древнее значение ‘быстро взять’.

От древних основ I и II образуются приставочные глаголы с приставками **po-*, **vьz-*, **jьz-*, **za-*, **orz-*, **u-*, **sь-*.

У приставки **po-* восстанавливается первичное значение ‘от, прочь’, см. выше [Фасмер, т. 3, с. 293]; [Корецьнý, v. 1, s. 178—192]. В отношении РЛЯ можно говорить о полном замещении данным образованием первичного бесприставочного глагола: др.-рус. *похытити* ‘красть’ (Панд. Ант. XI в.; Слово о полку Игореве) [СДРЯ, т. 7, с. 393]. В уральских говорах сохраняется бесприставочная форма *хитить* ‘красть’ [СРГСУ, т. 6, с. 148], при *похитить* / *похищать* ‘портить’ [СРГСУ, т. 4, с. 114], ср. диал. сибир. *охичить* ‘(предсудит.) хищнически истребить (*охичили тайгу в этом месте дочиста*)’ [СРГС, т. 3, с.

150] и диал. сибир. *похитеть* 'утратить, повредить, погубить' [СРСГ, т. 4, с. 426], при том, что производное с приставкой диал. сибир. *спохитеть* означает 'украсть' [СРСГ, т. 4, с. 413]. Др.-рус. глагол от основы II *похвтити* 'завладеть, похитить' (Новг. л. 6717 г.) [СДРЯ, т. 7, 383] не сохраняется позднее в русском языке.

У приставки **vъz-* восстанавливается значение 'вверх' [Кореѣнꙋ, v. 1, 276 — 281], [Фасмер, т. 1, с. 333]. Приставка **vъz-* является дублетом приставки **vu-*, при семантическом сходстве они разошлись стилистически: довольно рано и вполне искусственно приставка *воз-* была переосмыслена как стилистически высокая: ср. *возбранять, воспрещать* и др. Др.-рус. *възхтити* 'поднять вверх', 'взять, забрать', захватить (*аще єп(с)пъ всъзхтити прѣстолъ бє-сѣбора съвършеннаго, томоу отъвърженоу бытии*), похитить кого-либо (КЕ XII в.) [СДРЯ, т. 2, с. 142] является ярким тому примером. Однако в силу этической оценки воровства как поступка, не относящегося к высоконравственным и уважаемым, язык налагал некоторые запреты на морфологические образования, — и этот глагол как «мертворожденный» самоустраняется из русского языка. Тогда как в СРЛЯ существует глагол с приставкой *вы-* от основы II — *выхватить*, употребляющийся в значении присвоения — *выхватить сумку*.

Приставка **jъz-* сохраняет первичное значение 'из' (ср.: лит. *iš* 'из', лтш. *iz* 'из', лат. *ex* 'из', греч. *έξ* 'из', ирл. *ess* 'из' [Фасмер, т. 2, с. 120], арм. *i/y* 'из, от', алб. *ith* 'за, позади' [Кореѣнꙋ, v. 1, s. 76—82]) до сих пор. Др.-рус. *изхтити, изхычюу* 'взять силой, захватить (о чужой земле)' (Панд. Ант. XI в.) [СДРЯ, т. 4, с. 123], *исхтити* 'извлечь, захватить, присвоить' (Сл. И. Злат.) [СРЯ, т. 6, с. 344] также не удержались в русском языке, видимо, из-за несовместимости значения приставки и поля: в рамках русской картины мира кража чаще видится как *от-нятие*, чем *изъ-ятие*.

У приставки **za-* восстанавливается первичное значение 'за, сзади, из', ср.: лтш. *aiz-* (*aiz-begt* 'убежать прочь'), герм. *ga-* (= нем. *ge-*) [Кореѣнꙋ, v. 1, s.

290]. Возможно, семантическая составляющая приставки 'окружение, охватывание сзади' помогает развить семантику воровства, зафиксированную впервые у ст.-рус. глагола **ЗАХВАТИТИ** 'зацепить, взять себе, схватить, силой захватить, отнять ч.-л. (Куранты 1628 г.), взять под стражу' [СРЯ, т. 5, с. 332]; эта семантика не удержалась в истории русского языка в полной мере: выражения *захватить город / в плен* явно не являются частью исследуемого поля, но обозначают вполне заслуженный трофей, тогда как рус. казацк. **захитить** 'похитить' [Малеча, т. 2, с. 81] входит в данное ЛСП.

У приставки ***orz-** восстанавливается значение 'по частям', ср.: др.-инд. *ardhas* 'часть', *rdhak* 'порознь', авест. *arəda* 'пол-, сторона', др.-перс. *arda-* то же, лит. *ardyti* 'разделять' [Фасмер, т. 3, с. 494], лит. *ardyti* 'отделять', осет. *ārdäg* 'наполовина, порознь' [Кореšny, v. 1, s. 145—149]. Древнейшая семантика приставки повлияла на др.-рус. **расхитити** 'растащить, разграбить' («**Пондемъ на оного боярина и домъ его расхитимъ**» (Новг. I лет.)) [СРЯ, т. 22, с. 102], сформировав представление о краже по частям, в разное время (*расхитить деньги*) [Шведова, с. 818].

При помощи уже описанных выше приставок образуются: диал. карел. **ухитить** 'похитить, украсть', 'утаить, скрыть' [Карел., т. 6, с. 662], диал. карел. **схитить** то же [Карел., т. 6, с. 413], диал. казацк. **прихитить** 'спрятать, похитить, присвоить' [Малеча, т. 3, с. 410].

Количество глаголов в гнезде существенно увеличивается благодаря словообразовательным возможностям славянских языков. Так, в поздний период праславянского языка получили широкое распространение итеративы с количественным аблаутом, о позднем происхождении которых свидетельствует употребление их приставочных дериватов. С.Б. Бернштейн указывает на два основных типа итеративов: на *-ati* и на *-jati* при обязательном чередовании конечного согласного основы во втором, затем сыгравших важную роль в

видовом противопоставлении [Бернштейн, с. 94]. Наиболее последовательно и полно итеративы нашли свое отражение в старославянском языке, затем заимствованные церковнославянским языком. В русском языке удерживается форма с чередованием корневого согласного, исторически являющаяся южнославянизмом и зафиксированная с XVI в.: др.-рус. *похищати* ‘схватить’, ‘обретать’, ‘похищать, уносить’ (Патерик Скит. XVI в.) [СРЯ, т. 18, с. 53]. Но с XVII в. встречается и закономерная восточнославянская форма – др.-рус. *похичати* ‘похищать’ (Кн. расх. Свир. м. 1624 г.) [СРЯ, т. 18, с. 53], не сохранившаяся в русском языке в силу общей тенденции к предпочтению старославянских форм в образованиях такого рода, ср. без чередования др.-рус. *похытати* (Никон. Панд.) [Срезневский, т. 2, ч. 2, с. 1322], [СДРЯ, т. 7, с. 392].

Итеративные формы были свойственны всем вышеописанным приставочным глаголам на различных исторических этапах: *възхытати* ‘хватать’, ‘обладать (о небесном царстве)’, ‘захватывать ч.-л.’, ‘грабить, расхищать’, ‘похищать кого-либо’ (КН 1280 г.) [СДРЯ, т. 2, с. 142] – *възхыщати* ‘хватать’, ‘обладать’, ‘захватывать’, ‘похищать кого-либо’ (Пр. 1383 г.) [СДРЯ, т. 2, с. 143], *расхитати* ‘грабить’ (П. отреч. I XIV в.) [СРЯ, т. 22, с. 102] – *расхыщати* ‘хватать, грабить, терзать, разорять’ (Панд. Ант. IX в., Псков. Лет.) [СРЯ, т. 22, с. 102], *изхытати* ‘выхватывать’, ‘захватывать’ (ГБ XIV в.) [СДРЯ, т. 4, с. 123], *прехытати* ‘захватывать, завладеть, присваивать’, ‘увлекать’ (ГБ XIV в.) [СДРЯ, т. 8, с. 326], *похытати* ‘схватывать’ (КЕ XII в.) [СДРЯ, т. 7, с. 383]. Сам факт наличия большего спектра значений у церковнославянизмов дает основания предположить не только вторичность значения кражи у данных образований, но и его разговорную природу — что находит свое подтверждение в восточнославянских аналогах, употребленных писцами именно за неимением эквивалента в старославянском языке.

Среди глагольных образований этого гнезда в русском языке особняком стоит диал. сибир. *прихватывать* ‘привирать’ [СРГС, т. 4, с. 19] (ср. рус. разг. *это*

ты хватил!), у которого данное значение является следствием пересечения ЛСП 'присвоение чужого' и ЛСП 'лгать'.

2.2. Nomen actionis

«При разделении этимологического гнезда на две словообразовательные цепочки вследствие фонетического разобщения двух форм исходного корня, сигналом генетического единства может быть, помимо повторения семантических характеристик, также тождество словообразовательных структур лексем» [Варбот, 2012, с. 40]. В русском языке представлены бессуффиксные имена от глаголов **xvatati*, **xytiti* с мотивацией 'то, что схватывает'. Возможны *-a-*, *-o-*, *-i-* основы: диал. сибир. *хита́* 'несчастье, беда; о плохом человеке, вещи' [СРГС, т. 5, с. 210], диал. казацк. *хыть* 'полное отсутствие чего-либо — совершенно, ничего' [Малеча, т. 4, с. 397], от которого — диал. сибир. *хитство* 'похищение, кража' [СРГС, т. 5, с. 211]; от другой основы — ср. рус. разг. *хват* для обозначения человека нахального, всегда добивающегося своего, при диал. урал. *самохват* 'вор' [СРГСУ, т. 5, с. 109], уничижит. рус. жарг. *хватократы* 'демократы' [Елистратов, с. 444] (как результат народной этимологизации), рус. разг. *торбохват* 'мелкий воришка' [Елистратов, с. 409], пришедшее в просторечие из уголовного аргю (при рус. *торба* 'мешок' < тур., крым.-тат. *torba* 'мешок, котомка' [Фасмер, т. 4, с. 81]). Таким образом, можно предположить древнюю нерелевантность различения *nomen agentis* и *nomen actionis* у образований подобной структуры, что находит подтверждение в диал. *хита́*, *хыть* (см. выше), совмещающих оба значения, и в др.-рус. *захватъ* 'отнимание силой', 'приспособление для захвата' (Ворон. а. 1639 г.) [СРЯ, т. 5, с. 332], диал. сибир. *на хват* '(устар.) о хватном способе владения землей и угодьями (*неделенная земля была, на хват была: кто где хватил, тот там и пахал*)' [СРГС, т. 1.2, с. 229]. Суффиксальным усложнением основы

является рус. диал. *похитка* ‘разбой, грабеж, хищничество, кража, тайный унос, насилие’ [Даль, т. 3, с. 366].

Продуктивными оказались отглагольные имена с суффиксами **-ельје*, **-аньје*: др.-рус. *хыщеник* ‘грабительство, похищенное’ (Сб. Поуч. Финл. XIII в.) [Срезневский, т. 3, с. 1432], *похыщеньк* ‘обретение, стремление к получению чего-либо; похищение, захват, грабеж’ (*нынѣ живуть отъ похыщениа*) (Сб. Друж. XVI в.) [СРЯ, т. 18, с. 53], *възхыщение* ‘овладение’, ‘захват чего-л.’, ‘ограбление’, ‘награбленное, украденное’, ‘похищение’, ‘восприятие’ (СбЧуд. XIV в.) [СДРЯ, т. 2, с. 144], *възхытаник* ‘хищение’, ‘жадность’ (ГБ XIV в.) [СДРЯ, т. 2, с. 141].

2.3. Nomen adjectivum

От глаголов этого гнезда образованы два прилагательных. Для *хищный* (судя по его ц.-слав. форме) производящей основой следует признать глагольную основу *хитить* (< **хyтiti*). Диал. урал. *хищный* ‘тайный’ [СРГСУ, т. 6, с. 149] при единственном приведенном контексте «хищные работы: ночью выкопают, а песок промывать увезут в другое место» дает основания для сомнений относительно корректности указанного авторами словаря значения. Кажется, слово явно имеет значение, близкое к *вороватый*, *украдкой*, тогда как ‘тайный’ является лишь компонентом более широкого значения. Диал. урал. *хитной* ‘хищный, жадный’ [СРГСУ, т. 6, с. 148] также образовано от *хитить*.

2.4. Nomen agentis

С помощью суффикса **-тель* только в русском языке от глагола *разхитити* образуется имя *расхититель* ‘расхититель’ (*Не токмо расхищаютъ, но и учителя расхитителемъ бываютьъ*) (Курб. Пис. XVII в.) [СРЯ, т. 22, с. 102], унаследовавший семантику глагола, связанную с кражей «не в один прием»: *расхититель общественного имущества*. От глагола *похитить* образуется

похититель для обозначения крадущего один предмет. В СРЛЯ лексемы *расхититель*, *похититель* являются нейтрально-официальными наименованиями вора.

Кроме того, несколько имен образовались через ступень прилагательного. Первое из них – обозначение носителя признака рус. *хищник*, *диал.* урал. *хитник* ‘вор, грабитель’, ‘старатель без лицензии’ [СРГСУ, т. 6, с. 148], [СРГС, т. 5, с. 210], от которого – *хитничать* ‘воровать’ [СРГСУ, т. 6, с. 148]. Слово же *хищник* в этих говорах имеет только значение ‘старатель без лицензии’, то есть данное образование продолжает развивать полученное прилагательным *хищный* в данных говорах значение ‘вороватый’. Несмотря на позднеславянское происхождение форм с суффиксом **-икъ*, заменивших более раннее сочетание типа *jězuśnъ ѿ ѿlověкъ > jězuśnikъ* [Бернштейн, с. 91], подобные дериваты этого гнезда известны лишь немногим славянским языкам: *хитник* известен только русским диалектам, *хищник* зафиксирован только в русском языке и старославянском (*хыщъникъ* ‘грабитель, хищный зверь’ [Старославянский словарь, с. 769]). Уже в современном русском языке при помощи суффикса *-иц-* образуется коррелят женского рода — *хищница*, который нельзя отнести к более древним эпохам не только на основе отсутствия сходений в других славянских языках, но главным образом потому что в прошлом в этой форме не было необходимости: дифференциация по полу у хищника, в отличие от домашних животных, не была релевантной. По этой же модели образуются имена от других глаголов гнезда: др.-рус. *възхыщъникъ* ‘тот, кто обладает’, ‘жадный человек’, ‘похититель’ (ФСт XIV) [СДРЯ, т. 2, с. 145], *похитъникъ* ‘тот, кто стремится обладать ч.-л.’, ‘грабитель’ (Каз. Лет. XVIIв.) [СРЯ, т. 18, с. 53], *похитникъ* ‘грабитель’ (Сб. Друж. XVI в.) [СРЯ, т. 18, с. 53]. Еще одно имя со значением лица — *диал. волог. похитчик* ‘вор’ [Волог., т. 8, с. 23], производное от *похитить* с суффиксом *-(ь)ѣик(ь)*.

2.5. Ad hoc

Описание хищника-преступника становится крайне актуальным в современном мире, что активизирует словообразовательные процессы в русском языке, в котором само слово *хищник* становится родоначальником целого ряда новообразований: *хищничать* (ср. урал. *хитничать* [СРГСУ, т. 6, с. 148]), *хищнический*. Кроме того, от нового глагола *хищничать* образуется и новое существительное, обозначающее не столько свойство хищника, сколько поведение человека – *хищничество*. Все данные образования имеют в русском языке яркую негативную оценку.

3. *verti, *vьrǫ

3.1. Radix / nomen agentis

Особенностью гнезда является отсутствие семантически тождественных рус. *вор* образований в других славянских языках, при том, что корневой *о*-вокализм имени *вор* исключает возможность его появления в истории русского языка [Варбот, 1976, с. 39]. Существует много толкований данного темного слова. Миккола и Хаверс выводят это слово из фин. *varas* ‘вор’, *varastaa* ‘красть’ [Mikkola, p. 104], [Havers, p. 154], что сомнительно вследствие германского источника финского слова [Фасмер, т. 1, с. 350], [Setälä, p. 13, 468] и семантической истории русского слова [Варбот, 1976, с. 39]. Брандт возводил рус. *вор* к польск. *wor* ‘мешок’, как главный аргумент приводя русские слова *мошенник* < *мошна* [РФВ, вып. 25, с. 214]. Но наиболее лингвистически обоснованной оказалась версия Миклошича и Мейе, впервые сблизивших польск. *wor*, рус. *вор* с глаголом *верать* ‘вставлять, запирасть’ [Miklosich, s. 382], таким образом отдав должное явно праславянскому корневому вокализму (ср. рус. *вор* ‘забор’ < пр.-сл. **vorъ* от **verti* ‘совать, запирасть, вязать’ [Фасмер, т. 1, с. 350]). По аналогии с моделью **ьrati* - **berǫ* - **borъ*, **gьnati* - **ženǫ* -

**gopъ*. Варбот предположила образование **vьrati*, **verǫ* ‘обманывать’ как структурно соотносительного с родственным **verti*, **vьrǫ* ‘связывать’, являющимся индоевропейским наследием корня **uer-* ‘вертеть’ [Покорный (int)]; поэтому образование *вор* ‘вор’ рассматривается как случай праславянского диалектизма: **verti* - **vьrǫ* ‘запирать, вязать’ при **vьrati* - **verǫ* ‘обманывать’, откуда **vorъ*. Так, ср. словен. *zvîrati* ‘сваливать вину на другого’, который представляется очень близким семантически и структурно к рус. *врать*. Словенский итеративный глагол предполагает существование более раннего глагола со ступенью редукции, что в свою очередь свидетельствует о древности этой ступени вокализма в рус. *врать* [Варбот, 1976, с. 40]. На то, что *вор*¹ ‘забор’ и *вор*² ‘обманщик’ возникли не одновременно, указывает различие значений: воспроизведение словообразовательной модели на разных хронологических уровнях может давать слова с различными значениями, ср. рус. *сугроб* ‘бугор снега’ как раннепраславянское образование от **grebti* с апофоническим **o* в корне и др.-русс. *сугребъ* ‘груда, куча’, образованное от того же глагола, но позднее, на что указывает сохранение глагольного корневого вокализма [Варбот, 1973, с. 92—93].

На русской почве первичное значение *врать* восстанавливается как ‘изворачиваться’, ‘мошенничать’, что определяет первичное значение имени *вор*: слово *вор* засвидетельствовано с XVI в., часто о Лжедмитриях в значении ‘мошенник, авантюрист’ [Фасмер, т. 1, с. 350]. Следовательно, на основе значения ‘кривить душой, изворачиваться’ развивается значение ‘преступник, злодей’ > ‘вор’ (см. ниже диал. зап.-брянск. *злодий* ‘вор’).

Наряду с литературным значением ‘вор’ (ср. псков. *вор (воровка)* ‘вор’ [ПОС, т. 4, с. 150]) в донских говорах отмечено — *вор* ‘приехавший за невестой для венчания’ [СРДГ, т. 1, с. 70], [Дон. Казацк., с. 86]. Это употребление отражает древний обычай умыкания как способ заключения брака

у древних славян: новое слово с новой семантикой втягивается в обозначение древних ритуалов. Сходное значение находим и в смоленских говорах, в которых вором на святочном игрище называли человека, завязанного в дерюгу, подвешенного к потолку в избе и уличаемого в ухаживании за какой-нибудь девицей [Смолен., т. 1, с. 89].

Многим русским говорам знакомы суффиксально-усложненные, эмоционально-окрашенные образования: диал. арханг. *ворѣна*, *ворѣнко*, *ворьина* 'вор' [Арханг., т. 5, с. 87], *ворьё* 'воры' [Арханг., т. 5, с. 118], диал. печор. *ворище*, *ворко́* 'вор' [Печора, т. 1, с. 88]. В СРЯ образуются два ярко-оценочных слова *ворюга* (диал. дон. *воряга* [Дон. Казацк., с. 87], диал. прикам. *вори́га* 'ворюга' [Прикамье, т. 1, с. 135]), где суффиксы *-(ю)га/ -ига* усиливают пренебрежительный семантический компонент, и *воришка* для обозначения мелкого вора или вора-подростка.

На место слова *вор* в значении 'похититель' в донских говорах становится *воркаган* [СРДГ, т. 1, с. 76], необычная морфологическая форма которого может быть объяснена результатом контаминации словоформ *вор* и *уркаган*. *Уркаган* является суффиксоидным (ср. *хулиган*) усложнением рус. угол. *урка*, *урок* 'вор, член воровской шайки' < 'крупный преступник' [Елистратов, с. 425], от которых — рус. разг. *уркаганить*, *урковать* 'быть преступником, хулиганить' [там же]. Для *уркаган* предполагалось заимствование из поволжско-татарского *urlagan* 'краденное' [Дмитриев, с. 178]. Другое толкование предполагает заимствование лексемы *urlagan* из русского арго, в котором *уркаган* является образованием при помощи малоупотребительного суффикса *-аган-* от *уро́к* 'крупный дерзкий вор' [Трахтенберг, с. 61], [Козловский, т. 1, с. 77—193]. Со времен написанных Ф.М. Достоевским «Записок из мертвого дома» рус. аргот. *урок* — 'работа, задание, которое давалось ежедневно заключенным', следовательно, *урок* > *урка* первоначально 'тот, кто делает уроки', а уже затем в преступной среде на свободе — 'тот, кто пробыл в тюрьме и набрался тюремного опыта', откуда —

'крупный вор' [Грачев, с. 251]. С переименованием «уголовного сыска» в «уголовный розыск» в 1918 г. не исключено также и влияние новой аббревиатуры УР на слово *урка*.

Появляются слова и для обозначения вора-женщины: ст.-рус. *вори́ха* (Посольство Леонтьева 1616 г.) [СРЯ, т. 3, с. 29] (< *вор*). Позднее на место *вори́ха* становится *воровка*, производное от *воровать* (ср. диал. прикам. *воровка* 'пчела, похищающая мед из чужих ульев' [Прикамье, т. 1, с. 136]). Не совсем понятна причина исчезновения первого образования и полной замены его вторым, ведь у суф. *-cha* есть еще и добавочный отрицательный компонент значения, который не чужд всем словам поля в целом.

3.2. Verbum

Глагол *врать*, от которого образовано *вор*, не имел значения 'воровать' (см. выше). Обозначением этого действия стал глагол, производный от имени *вор*: ст.-рус. *воровати* [СРЯ, т. 3, с. 29], от которого далее *своровати* [СРЯ, т. 23, с. 194] — (Арх.Стр. I 1552 г.). Впрочем, во время их появления (старорусский период) у этих глаголов не отмечено ожидаемое значение 'присваивать', а только 'совершать противозаконные действия', 'быть участником политических и религиозных столкновений', 'совершать военные нападения с целью грабежа и разбоя' [СРЯ, т. 3, с. 29]. Это дополнительное подтверждение вторичности значения 'вор' у имени *вор*, изначально оно обозначало человека, неправильно себя ведущего, что и перешло к производным глаголам. Так, рус. псковск. *воровать* помимо значений 'красть', 'совершать противозаконные действия' имеет еще и значение 'подшучивать, дурачиться' [ПОС, т. 4, с. 153].

Арханг. *ворить* 'упрекать в воровстве (*вот тут меня и корили, тут меня и ворили*)' [Арханг., т. 5, с. 87] является более поздним образованием, на что указывает непосредственная связь с семантикой воровства.

Отсутствие значения многократности у глагола *воровать*, несмотря на его форму, привело к появлению форм др.-рус. **воровывати** (многократное к *воровати*) (Д. холоп. 1623 г.) [СРЯ, т. 3, с. 32], арханг. **ворóвивать** [Арханг., т. 5, с. 92], **воравывать** [Арханг., т. 5, с. 84], **воряивать** [Арханг., т. 5, с. 118] — все со значением 'воровать'. Примерно в то же время (XVII в.) появляется и форма, имеющая добавочный компонент 'чуть-чуть' — **поворовати** 'воровать' (Праздник каб. XVII в.) [СРЯ, т. 15, с. 169]. У этой формы, ввиду ее явной разговорной природы, впервые отмечено значение присвоения: 'воровать некоторое время / поплутовать'. В старорусский же период появляется и глагол **изворовати** 'нанести вред незаконными действиями', 'позволить разворовать' (АЮБ 1604 г.) [СРЯ, т. 6, с. 129], ставший единственным каузативом во всем семантическом поле.

В XVIII в. появляется многократный глагол для обозначения кражи нескольких предметов, ставший впоследствии глаголом субъективной оценки — **наворовать** 'нарушить закон', 'украсть в к.-л. количестве, в несколько приемов' [СРЯ 18 в., т. 13, с. 146]. Первичная семантика приставки ***на-** 'над, сверху' превратилась на балто-славянской почве в 'вниз, прочь' (ср. лит. *nið*) [Кореšnú, v. 1, s. 115—123]. Видимо, на основе этой семантики в дальнейшем и сформировалось значение 'украсть' как следствие модифицированного значения 'сверху', впоследствии и давшего значение кучности. Тогда же появляется глагол, обозначающий кражу какого-то помещения — **обворовать** [СРЯ 18 в., т. 15, с. 217].

Говоры дают еще большую вариативность приставочных образований: диал. поволж. **уворовать** 'украсть' [Мызников, с. 446], псков. **доворовать** 'воруя, дойти до неприятных последствий' [ПОС, т. 9, с. 102], отражающий негативное последствие совершения кражи, и арханг. **вороваться** 'промышлять

воровством' [Арханг., т. 5, с. 92], являющийся одним из немногих возвратных образований в этом поле.

Диал. псков. *вороваться* 'выходить замуж тайком' [ПОС, т. 4, с. 153] является еще одним примером, помимо донск. *вор*, свидетельствующим о вхождении гнезда и в обрядовую лексику.

В донских говорах вышеупомянутый *воркаган* стал производящей основой для глагольного образования: дон. *воркаганить* / *вуркуганить* 'воровать' [СРДГ, т. 1, с. 76]. Изменение вокализма *o/y, a/u* можно объяснить экспрессивным усилением лабиализации и ассимиляцией.

3.3. Nomen actionis

Гнезду имени *вор* принадлежит единственное существительное опредмеченного действия: др.-рус. *воровство* 'противозаконный поступок', 'политическое столкновение', 'самовольное военное действие со стороны пограничного казачьего населения' (Кн. разряд. 1617 г.) [СРЯ, т. 3, с. 31]. Совр. рус. *воровство* совсем не имеет перечисленных значений (хотя под последним подразумевается не что иное, как грабеж), но только собственно 'воровство' (как и в псковских диалектах [ПОС, т. 4, с. 153]).

3.4. Nomen adjectivum

В СРЛЯ образуется прилагательное, обозначающее принадлежность вору и свойство вора, – *воровской*. Диал. арханг. *ворóвой* имеет уникальное значение 'благоприятный для воровства: *ворово место — сена много*' [Арханг., т. 5, с. 92].

Возникают и прилагательные, обозначающие малую степень проявления признака. Рус. литерат. и диал. псков. *вороватый* сочетает в себе обе глагольные семантики: 'вор-преступник' и 'плут', кроме того, оно может обозначать и 'осторожного, опасливого, крадущегося человека' (ср. диал. псков.

'лживый, хитрый, изворотливый' [ПОС, т. 4, с. 153], сев. *вороватый* 'непослушный, проказливый' [СГРС, т. 2, с. 178]) при арханг. *воровѣтой* 'вороватый' [Арханг., т. 5, с. 92]). В смешении значения 'идти тихо' и 'воровать' проявляется давление поля, что привело к появлению диал. арханг. *воровка* 'игра в прятки' [Арханг., т. 5, с. 92] и сев. *вор* 'водящий в игре в прятки' [СГРС, т. 2, с. 172]. В донских говорах находим *воровливый* [СРДГ, т. 1, с. 80] и *воручий* [СРДГ, т. 1, с. 83], в псков. — *воровастый, воровой* [ПОС, т. 4, с. 153], [Прикамье, т. 1, с. 135] все со значением 'вороватый'. Таким образом, все больше различных суффиксов для оформления значения неполного проявления признака втягивается для формирования слов в данном гнезде.

Как было отмечено выше, в гнезде глагола *красть* на основе обозначения движения развивается обозначение кражи. В гнезде *врать / вор* наблюдается по говорам обратный процесс: ср. сибир. *ворово* 'быстро, энергично, проворно', *воровий* 'ловкий, расторопный, удачливый человек' [СРГС, т. 1, с. 176], в чем видится не что иное, как давление поля на новое словообразовательное гнездо.

3.5. Ad notam

Семантическое расширение корня *вор-* происходит в русских поговорках и поверьях. Диал. прикам. *три дня не воровал* 'уверение, что ничего не пропадет' [Прикамье, т. 1, с. 135], думается, имеет в своей основе представление о ритуальной краже, не осуждаемой обществом, откуда — явно комический подтекст поговорки. Здесь не стоит видеть преступную кражу, связываемую обществом с черной магией (см. ниже). Ритуальная кража — необходимый элемент обрядов календарного и некалендарного характера: кражей ознаменовывались все основные этапы жизни человека (рождение, свадьба, смерть) и маркировались отдельные события (сельско-)хозяйственного года: посев, сбор урожая, обеспечение плодородия скотины и др. Зачастую подобные кражи носили договорной и взаимный характер, поэтому не приводили к

обогащению / обеднению сторон, при этом все равно являясь кражей — актом переступания определенных границ. Поверье диал. прикам. *воровать у ворона воду* — 'брать крещенскую воду из проруби до того, как в ней искупается ворон (человек с темной кожей)' [Прикамье, т. 1, с. 135] связано со славянскими крещенскими ритуалами.

Согласно славянским поверьям, Крещение вообще воспринималось как пограничное, переломное время и как завершение святок. В поверьях повсеместно отмечались мотивы перехода от «нечистого» времени святочных (*страшных, некрещеных, «поганных»*) недель к новому периоду, когда с земли изгоняются все вредоносные духи. Полночь накануне Крещения считалась переломным моментом, когда в природе происходят некие перемены и чудеса. Особую силу обретает в этот момент вода в водоемах: она превращается в вино; на миг останавливает свое течение и становится чудодейственной, целебной, «святой» и чистой; можно увидеть, как она волнуется, колышется, идет волной (рус.), хвилюється (укр.). Болгары (р-н Добруджи) верили, что в ночь перед Крещением вода в источниках сама собой, т. е. без церковного освящения, становится «окрещенной» (се *крьцава*). Центральным событием праздника было церковное освящение воды, которое могло происходить как в церкви, так и на реке или у колодца. У вост. славян заранее делали прорубь, устанавливали вырезанный из льда крест, вокруг проруби укрепляли елочки. Мужчины стреляли из ружей, чтобы отогнать от села выскочившую из воды нечистую силу. В бел. селах тоже принято было во время водосвятия стрелять из ружей в том убеждении, что дьявол зиму проводит в воде, но когда ее освятят, он убегает из воды, а чтобы он не остался где-нибудь поблизости, его отгоняют выстрелами [Слав. древности т. 2, с. 668—670]. С вороном, вороной славянский фольклор также связывал представления о нечистой силе: вороны из-за их черного оперения (которое птица получила после своего предательства Ноя или зимовки в аду) считались приспешниками дьявола или даже им самим, у многих славянских народов ворон олицетворял собой душу злого человека. Ворона — универсальный вестник несчастий вообще; так, для охотников и рыболовов, отправляющихся на промысел встретить или услышать карканье — к неудаче.

Но особенно интересно для данной работы представление славян, связывающее ворона с воров (>): польск. *ворон отроду вор*; западные украинцы считают, что человек станет воров, если съест мясо ворона; с кражей коней связывают сон о вороне; своим криком ворон обличает вора или предсказывает кражу (брян., смолен., полес.) [Слав. древности т. 1, с. 434—437]. Поэтому поверье о краже воды у ворона можно считать контаминированным, объединяющим представление о краже и о нечистом происхождении ворона, ставшего названием смуглого человека — цыгана — на основе его нехристианского, внеобщинного происхождения и представления о вороне как о хитрой птице (интересно, что лишь цыган мог глядя в сито опознать вора (серб.)). Кража воды на Крещение до купания ворона толкуется как переосмысление кражи мертвецких предметов — изначально шнуров, которыми связывали ноги покойного, повязки, которой подвязывали челюсть. Воровство для славян — род черной магии, помогающей переступить границы дозволенного. С этой же целью воры делали свечи из тела покойного. На удачу же было необходимо украсть что-то на Благовещение [Слав. древности т. 2, с.643].

4. **gъnati, ženq*

4.1. Radix / verbum

Для и.-е. **guh-* восстанавливается значение ‘бить’ с расширением в ‘гнать’, ср.: др.-инд. *hánti* ‘бить, убивать’, авест. *jainti*, греч. *θείνω* ‘бить’, лит. *genù*, *ginti* ‘гнать скот’, лтш. *dzit*, *dzenu* ‘гнать, преследовать’, др.-прусск. *guntwei* ‘гнать’, хетт. *kuen-*, *kun-* ‘бить, убить’, арм. *gan-el* ‘бить палкой’, др.-исл. *gunnr* ‘битва, бой’ [Pokorny (int.)]. На славянской почве у **gъnati* преобладает значение ‘заставлять, принуждать, приводить в движение’ - см. продолжения во всех славянских языках в этом или сходном значении [ЭССЯ, т. 7, с. 196]. В дальнейшем сема ‘бить’ теряется в ставшем главным значении ‘заставлять двигаться’. Древнейшим глаголом, обнаруживающим семантику присвоения, является др.-рус. *ЗАГЪНАТИ, ЗАЖЕНОУ*: наряду с ‘обратить в

бегство', также 'угнать, украсть' (Псков. лет. 1370 г.) [СДРЯ, т. 3, с. 296]. глагол *загнать* утрачивает в процессе своего исторического развития значение 'красть' и приобретает рус. жарг. 'продать (=всучить)'. *Гнать* развивает значение 'обманывать': рус. молод. сленг. *гнать* 'лгать, обманывать' [Никитина, с. 122].

Глагол *угнать* (др.-рус. *оугънати* 'гнаться, преследовать' [Срезневский, т. 3, с. 1142]), напротив, развивает значение СРЛЯ 'незаконно увести (транспортное средство)', ср диал. зап.-брян. *увагнать* 'угнать (коня)' [Брянщ., с. 266]. От итеративного глагола **ugoniti* (урал. *угонить* 'угнать (машину)' [СРГСР, т. 6, с. 122]) формируется многократный глагол, который стал обозначением присвоения также только в СРЛЯ - *угонять*.

4.3. Nomen actionis

Пр.-сл. **ugonь* со значением опредмеченного действия от глагола **ugъnati* 'заставлять идти' под воздействием русской семантической инновации глагола *угнать* в РЛЯ также втягивается в обозначение присвоения, затем закрепившееся за кражей автомобиля. Также по типу рассмотренного выше *украдка* образуется рус. *угонка* 'кража автомобиля'.

4.4. Nomen agentis

Уже под воздействием семантики присвоения в СРЛЯ образуется имя для обозначения субъекта этого действия – *угощик*, также сугубо для обозначения кражи коня или любого другого транспортного средства.

5. **grebti*

5.1. Verbum /radix

И.-е. **ghrebh-*: др.-шв. *græva* 'рыть', гот. *graban* 'рыть', лтш. *grebt* 'выскабливать', лит. *grėbti* 'обрабатывать граблями' [Pokorny, v. 1, p. 455] > пр.-

сл. **grebti* 'рыть, сгребая', ср.: словен. *grébsti* 'рыть, копать', чеш. *hřésti* 'хоронить', др.-польск. *grešč* 'грести, копать' [ЭССЯ, т. 7, с. 110], – с дальнейшей семантической трансформацией к 'грести'.

От глагола **grebti* образуется глагол **sъgrebti*. У приставки **sъ-/ *sъn-*, приобретающей вид **sъ-* в отглагольных именах, первичное значение восстанавливается как 'с, вместе': ср. лит. *san-* 'с, вместе с', лтш. *suo-*, др.-прусс. *san-*, др.-инд. *sam*, авест. *ham-*, др.-исл. *sam-* с теми же значениями [Фасмер, т. 3, с. 540], – при уже праславянской семантической инновации 'от', поэтому предполагается совпадение ее в праславянском с омонимом, родственным с лат. *cum, com*, ирл. *com-, con-*, что позволяет восстановить индоевропейскую форму **k'om* [Кореšný, sv. 1, s. 255]. Таким образом, второе значение глагола **sъgrebati* можно охарактеризовать как 'удалять предмет с его прежнего места' (включая движение приближения к действующему лицу). Литературному русскому языку свойственны оба эти значения: ср. *сгрести снег с крыши - сгрести в кучу*. Значение 'украсть' у данного глагольного образования развивается в полной мере лишь у формы со степенью продления редукции **sъgribti*, откуда рус. новг. *сгрибчить* 'украсть ч.-л. у к.-л.' [НОС, вып. 10, с. 30] (ср. рус. яросл. *сгрибчить* 'схватить, вцепиться пальцами и потянуть' [Яросл., т. 9, с. 20]). Тот же корневой вокализм данного корня находим в рус. *гриб*: **gribъ* от **grebti*, то есть 'то, что вылезает из земли' [Фасмер, т. 1, с. 457]. Консонантная особенность диалектной лексемы объясняется *т > ч*: *сгрибти > сгрибчи*, и дублирующим наращением суффикса инфинитива, усложняющим морфемный состав лексемы (ср. диал. *итить*). Семантика же *сгрибчить* выбирает сему 'грести', как основу будущей 'красть'.

От глагола **grebti* образуются **grabiti, *grabati* 'хватать'. Таким образом, и.-е. синкретичное значение семантически расщепилось по разным основам: **greb-* 'грести', **grab-* 'хватать'. В славянских языках глагол **grabiti* с большей частотностью имеет значение 'красть', тогда как итератив **grabati* чаще

сохраняет семантику ‘грести (граблями)’ [ЭССЯ, т. 7, с. 95—97]. Для русского языка в целом характерна синонимичность глаголов *грабать*, *грабить* (др.-рус. *грабити* (Изб. 1073 г., Дог. гр. Дм. Ив. 1372 г.) [Срезневский, т. 1, с. 574] при отсутствии фиксации др.-рус. **грабати*), иногда дифференцированных по различным диалектам. В сибирских говорах зафиксировано выражение *грабью грабить* ‘(экспрес.) присваивать чужое’ (*долгоруки совхоз грабью грабит*) [СРГС, т. 1, с. 276], прибайк. то же ‘разорить окончательно’ [Прибайк., т. 1, с. 83], построенное на тавтологическом повторе.

В старорусском отмечен глагол *грабитися* ‘грабить друг друга’ («и черемиса съ мордвою съ рѹбежа промежь себя бранятъ и грабятся: великого князя мордва ꙗ нхъ возмѹтъ, а черемиса ꙗ мордвы емлютъ») (Польск. д. II 1536 г.) [СРЯ, т. 4, с. 113]. Это единственный пример такого типа значения в этом поле.

С XVIII в. зафиксирован глагол *награбить* ‘присвоить ч.-л. грабежом, взятками, поборами’ [СРЯ 18 в., т. 13, с. 158]. Этот глагол интересен, во-первых, по форме – глаголы данного поля часто присоединяют такую приставку для передачи значения ‘воровать много’, во-вторых, по значению, где взятка приравнивается к украденному предмету (см. ниже).

В русском языке XVIII в. отмечена особая экспрессивная форма, производная от **grabati*: *грабаздать* ‘(простонар.) хватать, уносить’ [СРЯ 18 в., т. 5, с. 205]. Это предок совр. рус. *грабастать*, *сграбастать*, *заграбастать*, диал. карел., перм. *грабáстить* ‘украсть’ [Карел., т. 6, с. 28], [Перм., т. 1, с. 186], яросл. *приграбáстать* ‘(экспрес.) присвоить’ [Яросл., т. 8, с. 85], *грабу́здать* ‘присвоить чужое в большом количестве’ [Яросл., т. 3, с. 104], волог. *нагрáбостить* ‘награбить’ [Волог., т. 5, с. 32]. Первичной стоит признать форму н а *-стать* / *-здать* при вторичной на *-стить*. Подобное суффиксальное усложнение глагольной основы с помощью *-zd-/-st-* имеет усилительно-экспрессивное значение во всех славянских языках, откуда и консонантная

вариативность: ср. пр.-сл. **dristati*, **drizdati*; пр.-сл. **svistati*, пр.-сл. **zvizdati*. Кроме того, исторически группа *-st-* изменялась в пр.-сл. на *-sk-*: **ristati*: **riskati*, **dristati*: **driskati* [Sławski II, s. 22].

Диал. урал. *гарáбатъ* [СРГСУ, т. 1, с. 111], *сгорáмкатъ* [СРГСУ, т. 5, с. 124] 'забирать, схватить, украсть' любопытны экспрессивными вокалическими эпентезами, напоминающими корневое полногласие при фонетическом изменении *б > м* во втором глаголе. Следствием такого же фонетического изменения является и урал. *гарамчй* 'красть, тащить' (*на улисэ оставиш, згарамщи можно*) [СРГСУ, т. 1, с. 112].

Уже в СРЯ образуется глагол *грабнуть*. Основываясь на значении данного глагола в новгородских ('быстрое начало действия' (*все испужались да как грабнули бежать*) [НОС, т. 1, с. 34]) и псковских ('хлестнуть, политься, стремительно побежать') [ПОС, т. 7, с. 161] говорах, можно предположить, что в данной лексеме суффикс *-ну-* означает не столько однократность, сколько быстроту действия, что было синкретично в суффиксе **-пѣ-* (ср.: *нырнуть*). Семантика быстроты действия, помимо суффикса *-ну-*, может передаваться экспрессивными наращенными корня: диал. арханг. *гробьзнуть* 'быстрым, резким движением руки тронуть что-то; украсть' [Арханг., т. 10, с. 74], но была присуща и первичному корню, ср: псков. *граб(ь)* 'глагол. междометие, обозначающее быстрое хватание рукой; совершение быстрого, резкого движения' [ПОС, т. 7, с. 161].

Новая семантика 'красть' представлена в обильных приставочных образованиях: др.-рус. *ограбити* 'ограбить' (ЛН 1330 г.), *ограблѣти* 'грабить' (СВл XIII в. сп. н. XV в.) [СДРЯ, т. 6, с. 78]), близкое к *обокрасть* - 'полностью обокрасть, унести все'; др.-рус. *пограбити* 'ограбить, обобрать', 'разграбить', 'забрать, присвоить, захватить' (ЛН XIII в.) [СДРЯ, т. 6, с. 488]; др.-рус.

разграбити ‘разграбить, ограбить’ (Панд. Ант. XI в.) [СРЯ, т. 21, с. 175], *изграбити* ‘разграбить, ограбить’ (Львов. лет. 1418 г.) [СРЯ, т. 6, с. 143]; диал. псков., арханг. *въграбить* ‘выгрести, расхитить, разграбить’ [ПОС, т. 5, с. 145], [Арханг., т. 7, с. 171]; печор. *новыграбить* ‘грабля, взять все’ [Печора, т. 2, с. 58]. Итак, все приставочные глаголы имеют схожие значения, возможно поэтому в СРЛЯ сохранились только *разграбить* (=разворовать) и *ограбить*.

5.2. Nomen actionis

Пр.-сл. **grabežь* (< **grabiti*). Суффикс **-ežь* относится к продуктивным праславянским суффиксам, формировавшим отглагольные *nomina actionis*, рано перешедшие в разряд *nomina acti* или *nomina agentis*. В русском языке подобные образования довольно редки и относятся в основном к разговорной речи: *галдѣж*, *кутѣж*, *делѣж*, *платѣж*, тогда как южнославянские языки сохраняют большинство пр.-сл. образований на **-ežь*, а западнославянские практически вовсе их не имеют [Sławski II, s. 42]: болг. *грабеж* ‘грабёж, награбленное, добыча’, сербохорв. *гра́беж* ‘ограбление, то, чем грабят’, словен. *grâbež* ‘грабитель, ограбление, грабли’, польск. *grabież* ‘ограбление, добыча’ [ЭССЯ, в. 7, с. 96], др.-рус. *грабежь* ‘грабеж, награбленное, вид наказания’ (Соф. II лет) [СРЯ, т. 4, с. 112], диал. псков. *грабж* ‘грабитель’, ‘то, что отобрано’ [ПОС, т. 7, с. 161]. По аналогии появляются образования от приставочных глаголов этого гнезда: др.-рус. *изграбежь* ‘разграбление’ (Русс. Пр. XVв.= XIIв.) [СРЯ, т. 6, с. 143], *разграбежь* ‘конфискация’ (Русская Правда 1282 г.) [СРЯ, т. 21, с. 175].

Структурно не менее древним является **grabja*, продолжения которого наличествуют во всех славянских языках и имеют значения ‘грабли’ и под. (ср. в том числе рус. *грабли* то же) [ЭССЯ, т. 7, с. 97—98]. В русском языке рефлекс зафиксирован с XV в.: др.-рус. (ц.-слав.) *грабля* ‘грабление’ (Аввак. IX.9 по списку XV в.), ‘ограбление’ (ВМЧ дек. 1-5) [СРЯ, т. 4, с. 114].

Образуются имена с суффиксом **-еньје*: др.-рус. **граблѣникъ** (Изб. 1076 г.) [СДРЯ, т. 2, с. 376] (диал. псков. *грабление* 'захват силой чужого имущества, вымогательство, наказание изъятием имущества в пользу государства' [ПОС, т. 7, с. 167]), др.-рус. **розграблѣникъ** (Изб. 1073 г.) [СРЯ, т. 21, с. 175], **пограблѣникъ** (ЛН XIII2, 66 об. (1204)) [СДРЯ, т. 6, с. 488], совр. рус. **ограбление**. Они принадлежат разным эпохам, но одинаковы с точки зрения древности структуры и значения.

Отдельно еще раз следует указать на значение лексем *грабеж* и *грабление* 'вид наказания', которое, видимо, является продолжением исходной семантики глагола **grebti* 'грести'.

Позже от существительного др.-рус. **грабитель** (см. ниже) образуется др.-рус. **грабительство** (ЛИ ок. 1425) [СДРЯ, т. 2, с. 376], от которого — рус. **грабительствовать** 'грабить' [СРЯ 18 в., т. 5, с. 206].

5.3. Nomen agentis

Самыми древними *nomen agentis* гнезда являются др.-рус. **грабьць** 'грабитель' (МПр XIV в.) [СДРЯ, т. 2, с. 377], др.-рус. **грабитель** (СбТр XII/XIII) [СДРЯ, т. 2, с. 376], далее диал. сибир. **грѣбья** (ж./м.) 'тот, кто любит присваивать себе чужое, наживаться за счет чужих; грабитель' [СРГС, т. 1, с. 277], образованное от глагола при помощи суффикса *-j-*. Диал. перм. **грабодѣтель** 'грабитель' [Перм., т. 1, с. 184] может быть следствием народноэтимологического преобразования с ориентацией на глагол *делать*.

Среди других *nomina agentis* — образованное от др.-рус. **грабежь** др.-рус. **грабежникъ** 'грабитель' (Дух. и дог. гр. ок. 1456 г.) [СРЯ, т. 4, с. 112], диал. арханг. **грабѣжник** 'вор' [Арханг., т. 10, с. 12] с распространенным суффиксом деятеля **-ьникъ*. В данном случае невозможно установить, был ли это единый

суффикс **-ьникъ* или оно образовалось через ступень прилагательного на **-ьль*: др.-рус. *ГРАБЕЖНЫЙ* ‘захваченный грабежом’ (АИ II 1609 г.) [СРЯ, т. 4, с. 112], *ГРАБЕЖНОЕ* ‘награбленное имущество’ (АИ III 1622 г.) [СРЯ, т. 4, с. 112], которые, однако, зафиксированы позже *nomen agentis*: имя существительное — в 1456 г., тогда как имена прилагательные – первая четверть XVII в. От *ГРАБЕЖЬ* образуются и др.-рус. *ГРАБЕЖЧИКЪ*, *ГРАБЕЗЧИКЪ* ‘грабитель’ (ААЭ I 1471 г.) [СРЯ, т. 4, с. 112]. Вариативность суффиксов в данном случае не влияет на значение, и слова не выступают в качестве лексических противопоставлений [Откупщиков, 1969, с. 85].

От **grabiti / *grabati* образуются др.-рус. *ГРАБИЛЬЩИКЪ* ‘грабитель’ (СГГД III 1614 г.) [СРЯ, т. 4, с. 113] и диал. псков. *грабáльщик* ‘грабитель’ [ПОС, т. 7, с. 161]. Прибайк. *грабёльщик* ‘вор’ [Прибайк., т. 1, с. 83] может быть следствие преобразования *грабильщикъ*.

Диал. псков. *грабáт* ‘грабитель’ [ПОС, т. 7, с. 162], видимо, испытало влияние *хват*. Примечательно развитие семантики жадности в производных от *грабить*: диал. сибир., перм. бран. *грабодёр* ‘жадный человек, экономщик’ [СРГС, т. 1, с. 277], [Перм., т. 1, с. 184], сев. *грабáн* ‘жадный человек’ [СГРС, т. 3, с. 118].

5.4. *Nomen adjectivum*

Диал. урал. *грабáстой*, откуда далее *грабáстень* ‘наживающийся любыми путями, хапуга’ [СРГСУ, т. 1, с. 124] образуется от глагольной основы при помощи суффикса, указывающего на высокую степень проявления признака (*ушастый*, *рукастый* и т. п.), при отрицательной оценке данного признака.

От др.-рус. *ГРАБЕЖЬ* образуется др.-рус., диал. псковск. *ГРАБЕЖЛИВЫЙ* ‘склонный к хищению’ (Иос. Вол. Поел. Кут. XVI в.) [СРЯ, т. 4, с. 112], [ПОС, т. 7, с. 162] и *грабёжный* ‘известный, отличающийся грабежами’ [ПОС, т. 7, с.

162], в противоположность предыдущему образованию обозначающие человека с малой степенью проявления признака. Появляются и причастия > прилагательные, характеризующие предмет хищения – др.-рус. *програбленный* ‘разграбленный, украденный’ [СРЯ, т. 20, с. 114], диал. псков. *граблёное* ‘что взято незаконно’ [ПОС, т. 7, с. 167].

6. **bьrati, berq*

6.1. Radix / verbum

И.-е. **bher-* (этот вокализм сохранился на славянской почве только в настоящем времени **berq*, а в инфинитиве представлена нулевая степень **bьrati*) имел значение ‘нести’, рефлекс которого сохранились в пр.-сл. **bermę*, др.-рус. *берѣмя*, откуда далее *беременная*. Значения ‘братъ’, ‘нести’ неразрывно связаны, соотносятся со смежными последовательными действиями, направленными на объект [Пятаева, с. 141], что и обусловило такое развитие. Значение ‘нести’ уступило место более актуальному – ‘братъ’ [там же]. Видимо, оба эти значения могли обусловить развитие у глагола **bьrati* значения ‘воровать’. Вероятно, эта семантика появилась у глагола уже в праславянский период, так как она присутствует во многих славянских языках (чеш. *bráti*, словц. *brat’*, в.-луж. *brać*, н.-луж. *braś* и рус. *братъ* [ЭССЯ, т. 3, с. 162]). Интересно также то, что во многих языках, в том числе и русском, этот глагол развивает семантику ‘вступать в брак’, что произошло также на праславянском уровне, о чем свидетельствует имя **brakъ*. Кроме того, известно еще и значение ‘собирать’, выраженное бесприставочным глаголом во многих славянских языках: в болгарском, сербохорватском, словенском, словацком, полабском [ЭССЯ, т. 3, с. 162]. Семы ‘собирать’ и ‘носить’ также могли участвовать в формировании значения ‘воровать’. В древнерусском у глагола *БЪРАТИ* отмечено значение ‘присваивать’ (СбТр XII/XIII в.) [СДРЯ, т. 1, с. 351], а в

старорусском – ‘захватить как военную добычу’ (Дон. д. II 1640 г.) [СРЯ, т. 1, с. 320], что сохраняется и в XVIII в. (‘захватить, увезти, овладеть, завоевать’ [СРЯ 18 в., т. 2, с. 130]), чем объясняется современное ‘захватить (банк)’. В СРЛЯ глагол *братъ* кражи не обозначает. В диалектах глагол *братъ* с производными имеет значение ‘воровать’: диал. псков. *братъ* ‘захватить рукой, воровать, отбирать силой, взимать’ [ПОС, т. 2, с. 153], перм. *собратъ* ‘украсть, утащить’ [Перм., т. 2, с. 367], поволж. *собиратьъ* ‘красть, воровать’ [Мызников, с. 428]. Корневой вокализм псков. *берять* ‘воровать’ [ПОС, т. 1, с. 185] объясняется выравнивание формы инфинитива по форме н. вр.

Древнерусский период дает много приставочных образований, в полной мере развивших семантику воровства. Во-первых, это глагол *отвирати* ‘убирать’, ‘взимать’, ‘выбирать’, ‘отнимать силой’ (Азов. Пов. XVII в.) [СРЯ, т. 13, с. 184]. Значение приставки **от(ь)-* восстанавливается как ‘прочь’, ‘против’, ‘из, от’, ‘без’ [Кореѣнѹ, v. 1, s. 149-157], она и послужила дополнительным толчком к развитию новой семантики ‘братъ от’. В этом глаголе на первый план выступает значение насилия: *отобратъ* – это ‘украсть, применяя силу’. Схожую семантику, наличие добавочного компонента ‘с силой’, мы находим еще в корне **хут-*.

Семантику присвоения получают глаголы этого гнезда и при помощи приставки **об-*, которая встречается во всех своих вариантах: др.-рус. *обрати* ‘собрать’, ‘обобратъ дерево’, ‘отобратъ’, ‘обманом лишить имущества’ (АМГ I 1632 г.) [СРЯ, т. 12, с. 142], *обобрати* ‘содрать’, ‘отобратъ, отнять’, ‘выбрать’ (Петр III 1705 г.) [СРЯ, т. 12, с. 110], ‘собратъ что-либо’, ‘лишить имущества, денег, забрав или отняв’, ‘огрabitъ’ [СРЯ 18 в., т. 16, с. 25], *обирать* ‘собирать’, ‘отнимать имущество, деньги’ (ДАИ VII 1677 г.) [СРЯ, т. 12, с. 54]. В новгородских говорах представлена пара *обратъ* [НОС, вып. 6, с. 106], *обобратъ* [НОС, вып. 6, с. 97] ‘отобратъ, ‘украсть’. В русском литературном

языке сохранились формы *обобрать* – *обирать* как видовая пара, развившая значение 'красть' в выражении *обобрать / обирать до нитки*.

Как одно из значений 'красть' отмечено и у др.-рус. **ВЫБРАТИ** 'взыскать', 'набрать на военную службу', 'назначить', 'обобрать, обокрасть' (Польск. дог. 1487 г.) [СРЯ, т. 3, с. 182] и **ЗАБРАТИ** 'взять с собой', 'захватить, забрать', 'загородить' (СГГД V 1497 г.) [СРЯ, т. 5, с. 139] (о значении приставок см. выше). В СРЛЯ данные глаголы значение 'красть' вовсе потеряли. Как экспрессивное преобразование *забрать* можно как будто толковать диал. урал. и сибир. **забарáбать** 'захватить, присвоить', 'схватить преступников' [СРГСУ, т. 1, с. 162], 'захватить, отнять, присвоить', 'взять с собой', 'украсть, утащить' [СРГС, т. 1.2, с. 141], ср. рассмотренное выше производное от *граб-*: *грабать - гарабать*. Более того, *забарабать* и *гарабать* встречаются в одном диалекте, поэтому есть основания предположить экспрессивное преобразование по типу неэтимологического полногласия и аналогическое воздействие *гарабать* на **барать >*барабать*. Но А.Е. Аникин [Аникин 2, с. 189—190] опирается на более широкий объем значений ('рыться, барахтаться и т. д.') и предлагает контаминацию *карабкаться* и *барабаться* 'плескаться в воде'. Очевидно, глагол этимологически трудный.

В уральских говорах встречаются формы с двумя приставками: **приубирать, приубрать** (*щё не увидит, всё приубирает; повесь замок на лодку, а то приуберут*) [СРГСУ, т. 5, с. 17]. Приставка *у-* привнесла типичное для этого поля значение 'отдаление от прежнего места'. Приставки **pri-* и **u-* имели синонимичные значения в праславянском языке [Кореѣný, v. 1, s. 216]. Значение 'унести с собой, для себя' образовалось путем дублирования пересекающихся значений приставок. В РЛЯ существует глагольная форма только с приставкой *при-*, известная с XV в., – **прибирати** 'подбирать', 'завладеть, присвоить', 'брать' (Библ. Генн. 1499 г.) [СРЯ, т. 19, с. 93]. Соответствующая форма

современного глагола *прибрать* сохранилась до сих пор с этим значением, только является разговорной и идиоматичной: *прибрать к рукам*.

Диал. новг. *побрать* ‘увести (*Побери её нálezь (черт побери)*)’ [НОС, вып. 8, с. 4] отчетливо указывает на синкретизм значений ‘нести’ и ‘брать’: глагол, судя по указанному контексту, вполне может быть понят и как ‘унести’.

6.2. Nomen actionis

Собственно русским образованием является др.-рус. *БЪРАНИКЪ* (УСт XII/XIII) [СДРЯ, т. 1, с. 351], не удержавшееся в СРЛЯ. На его место встают рус. *отбирание* и *отобрание*. В СРЛЯ употребляется только *отбирание*, но чаще в значении по глаголу *отобрать* ‘выбрать, разделить’ (*отобрать спелые яблоки*). Так что в русском языке в настоящее время не существует nomina actionis со значением ‘присвоение чужого’, входящих в гнездо глагола **bьrati*.

7. *jēti, jьтq

7.1. Radix / verbum

Для пр.-сл. **jēti* семантика ‘брать’ - первичная, что поддерживается соответствием с лит. *imù*, *imti* ‘брать’. Этот глагол не сохранился в бесприставочном виде в русском языке, в котором этот корень является связанным. Бесприставочные формы сместились в новый семантический центр ‘иметь’, куда стремятся и все образования данного гнезда [Пятаева, с. 141], которые в таком обилии стали появляться при создании национальной системы отвлеченных понятий [Пятаева, с. 144]. Довольно долго существовал в русском языке глагол *имати*, *имаю* ‘брать’, ‘взимать’, ‘добывать’, ‘покупать’, ‘захватывать’ (Рог. лет. 1361 г.), ‘задерживать к.-л.’ [СРЯ, т. 6, с. 225]. Но на его место с семантикой ‘присваивать’ становится глагол *перєати*, *перєнмоу* ‘перехватить’, ‘захватить’ (ЛЛ 1377 г.), ‘унаследовать’ [СДРЯ, т. 6, с. 379]. Для

приставки **per-* восстанавливается первичное значение ‘пере, за, от’ [Кореšný, sv. 1, s. 168—169].

Этот корень имеет много приставочных образований. Во-первых, **vъz-jeti*. Значение приставки **vъz-* до конца неясно, но чаще всего его восстанавливают как ‘вверх’, с другой стороны, ср. лит. *už-* ‘за’, лтш. *uz-* ‘за-’. Следовательно, этот глагол семантически эквивалентен глаголу *забрать* ‘унести с собой’. Значение же ‘вверх’ является более древним: ‘поднять, то есть убрать с места, и унести’. В древнерусском языке этот глагол обозначал главным образом ‘брать в руку’: *ВЪЗДТИ, ВЪЗМОУ* ‘взять в руки’, ‘отнять’, ‘захватить, завоевать’ (Моск. лет. XVв.), ‘забрать’ [СРЯ, т. 2, с. 166—169], *ВЗИМАТИ* ‘брать рукой’, ‘поднимать’, ‘приблизить к себе’, ‘получить’, *захватить*’ (Ерм. лет.) [СРЯ, т. 2, с. 151, 166]. Семантика ‘воровать’ присуща глаголу *взять* в русских диалектах: рус. псков. *взять* ‘отнять, украсть’ [ПОС, т. 3, с. 169—176], рус. алт. *взять* ‘отнять, захватить, завладеть’ [Алтай, т. 2, с. 108]. В СРЛЯ у глагола *взять* значение ‘воровать’ пока не отмечено, но оно активно проникает в сниженные пласты лексики литературного языка из воровского жаргона (*взять банк*).

В этом гнезде вновь встречается приставка **оть-*. Самыми древними формами являются др.-рус. *отдти, отьмоу* ‘взять силой, отнять’, ‘отобрать’, ‘освободить’ (Прл 1282 г.) [СДРЯ, т. 6, с. 318] и др.-рус. *отъяти, отьимоу* ‘взять силой’, ‘отобрать’, ‘спасти’, ‘удалить, убрать’ (Гр 1264 г. (1, новг.)) [СДРЯ, т. 6, с. 304]. Более поздними образованиями являются др.-рус. *отъимати* ‘отнимать’, ‘отрезать’, ‘отделять, отнимать’, ‘прощать’, ‘перекрывать воду’ (УСт к. XII в.) [СДРЯ, т. 6, с. 238] и др.-рус. *отънимати* ‘забирать, отнимать’ (Гр 1377–1387 (2, полоцк.)) [СДРЯ, т. 6, с. 262]. Такие варианты были распространены уже в раннюю эпоху древнерусского языка. Позднее формы с *н* закреплялись за обозначением физического действия, формы без *н* – за обозначением нефизического: *обнять кого-то, объять*

необъятное. Но на ранних этапах эти формы различались только местом употребления: формы с *н* закрепились за книжным языком. К тому же формы без древнего наращения в виде *н* имели более широкий спектр значений. Глагол *отъимати* трансформируется позднее, к XIV в., в др.-рус. *отоймати* ‘отобрать’ (Дух. и дог. гр. 1367 г.) [СРЯ, т. 13, с. 288]. Глагол же *отати* исчезает, на его место становится ст.-рус. *отняти* ‘взять, отняв’, ‘отобрать’ (Посольство Жир.-Засекина 1601 г.) [СРЯ, т. 13, с. 284]. Таким образом, в русском языке исчезают формы без *н*, *отнять* и *отнимать* становятся видовой парой со значением ‘взять / брать, отняв’, остальные значения редуцируются.

Кроме того, в старорусский период от этих приставочных глаголов образуются более сложные префиксальные формы: ст.-рус. *поотнимати*, *поотняти* ‘захватить все, многое’ (Моск. лет. 1279 г.) [СРЯ, т. 17, с. 75], *изотымати* ‘отнимать’ (Моск. лет. 1279 г.) [СРЯ, т. 6, с. 200], *изотъяти* ‘отнять, отбить’ (Ипат. лет. 1480 г.) [СРЯ, т. 6, с. 200]. Вторые приставки не привносят новых значений, в случае с *поотнимати* привносится только добавочный компонент – ‘всё’.

В данном гнезде образуются также следующие приставочные глаголы — все с *ѣ*-корнем и *ит*-корнем: др.-рус. *заяти* ‘взять, захватив’ (Ник.лет. 1224 г.), ‘взять в долг’, ‘обидеть’ [СДРЯ, т. 3, с. 359] – *занмати* ‘захватывать, овладеть’ (Каз.ист. XVI в.), ‘дать в долг’, ‘обижать’ [СДРЯ, т. 3, с. 305]; др.-рус. *изъяти* ‘вынуть’, ‘отнять, забрать’ (Изб. 1076 г.), ‘устранить’ [СДРЯ, т. 4, с. 135] – *изнимати* ‘взять в плен, схватить, захватить’ (Соф. I лет. 1305 г.) [СРЯ, т. 6, с. 188]; др.-рус. *выимати* ‘вынимать’, ‘отбирать, отнимать’ (Дух. и дог. гр. 1389 г.), ‘освободить’ [СДРЯ, т. 12, с. 242], ‘вынимать’, ‘брать’, ‘изымать при обыске, что-то укрываемое’ [СРЯ, т. 3, с. 205]; др.-рус. *поати* ‘взять с собой’, ‘получить в свое владение’, ‘забрать’, ‘взять силой’ (Смол. гр. 1270-77 гг.), ‘взять в жены’ [СДРЯ, т. 7, с. 424—429] – *понмати* ‘забрать, захватить’ (Пр. 1383 г.),

‘упрекать’, ‘вступить в интимную связь’, ‘брать в жены’ [СДРЯ, т. 6, с. 582]; диал. карел. *снять* ‘смыть, вытащить, уничтожить, украсть’ [Карел., т. 6, с. 191]. Как видно из перечисленных пар глаголов, они мало чем отличаются друг от друга, с присоединением приставок значение также не меняется, что редко для этого поля. Видимо, это связано с тем, что уже первообразный глагол имел эту семантику, хотя сам вышел из употребления.

Совр. рус. *вынуть*, единственная безкорневая лексема СРЛЯ, исторически относится к этому гнезду и фиксируется с XVIII в.: рус. *вынуть* ‘достать’, ‘удалить, убрать’, ‘взять, схватить что-то запрещенное’ [СРЯ 18 в., т. 4, с. 249], диал. псков. *вынуть* ‘извлечь, отнять, украсть (в мьладухи три рубля вынули и часы)’ [ПОС, т. 6, с. 24]. Кроме того, говоры идут еще дальше по пути переразложения морфемной структуры этого глагола — гласный суффикса исчезает в производной основе: диал. *вѣнять* с тем же значением [ПОС, т. 6, с. 25], [Алтай, т. 2, с. 186]. В СРЛЯ глагол имеет только значение ‘достать, извлечь’.

7.2. Nomen actionis

Практически от всех глаголов образуются nomina actionis при помощи суффикса **-ьје* через ступень причастия с суффиксом **-п-* или **-t-* опять же от двух основ: др.-рус. *отъниманик* (ЗЦ XIV/XV вв.) [СДРЯ, т. 6, с. 237] - *отъятик* (ПНЧ к. XIV в.) [СДРЯ, т. 6, с. 306], *отѣтик* (ПНЧ к. XIV в.) [СДРЯ, т. 6, с. 318]; др.-рус. *поитик* (ПНЧ к. XIV в.) [СДРЯ, т. 7, с. 429]; др.-рус. *въздѣтик* (Лавр. лет.) [СДРЯ, т. 2, с. 149] – *взимание* (Флавий. Полон. Иерус. XVI в.) [СРЯ, т. 2, с. 151]; др.-рус. *пригитик* ‘получение’, ‘захват города’, ‘получение ч.-л.’ (ВМЧ XIV в.) [СДРЯ, т. 8, с. 664]; др.-рус. *имѣние* ‘имущество’, ‘добыча’ (Лавр. Лет.), ‘богатство’, ‘мзда’, ‘захват чего-либо’ [СРЯ, т. 6, с. 226]. Все они, кроме *имѣние*, в полной мере сохраняют значение своих

глаголов-предков и в полной мере являются *nomina actionis*. Что же касается *имѣннє*, то все его значения являются логическим продолжением значения ‘захват, добыча’. В разг. СРЛЯ сохранилось со значением ‘присвоение’ только *отнимание*, тогда как *имение* и *взимание* потеряли эту семантику.

8. *biti

8.1. Radix / verbum

Пр.-сл. **biti* < и.-е. **bheiǝ-*, первичная семантика которого восстанавливается как ‘резать, рубить’, ср.: др.-инд. *bhinádmī* ‘раскалывать, разрезать, разламывать’, гот. *beitan*, др.-исл. *bīta*, нем. *beißen* ‘кусать’ [ЭССЯ, т. 7, с. 100]. Семантическая история данного корня сводится к смещению акцента с результата (раскалывание) на предшествующее действие (ударить), и таким образом первичная семантика окончательно исчезает.

Рефлексам пр.-сл. корня в славянских языках знакомо только значение ‘бить, раскалывать’ и под. [ЭССЯ, т. 2, с. 99], на русской почве значение ‘украсть’ впервые отмечено у приставочного ст.-рус. *отбити* ‘отделить’, ‘выгнать силой’, ‘заставить отказаться’, ‘отвести’, ‘силой отнять’ (ДАИ 1615 г.), ‘отбить’ [СРЯ, т. 13, с. 184]. Далее этот глагол развивает в СРЛЯ значение ‘увести жену’, т.е. ‘отобрать силой’.

8.2. Nomen actionis

С участием чередования **e₁ : *o₁* от **orzbiti* образуется **orzbojь*. Изначально это именное образование сохраняет значение производящего глагола: ‘расколоть’ > ‘убить, убой’ (ср. *разбить врага*). Др.-рус. язык знал две формы: *разбон* — ‘убийство, грабеж, засада, разбойник (дѣва разбою ксте)’ (Рус. Пр. Яросл.) [Срезневский, т. 3, с. 21] и др.-рус. *розбон* — ‘драка, набег, грабеж’ (Лавр. л. 6792 г.) [Срезневский, т. 3, с. 147], — различавшиеся более

стилистически, чем семантически. В СРЛЯ *разбой* имеет значение ‘насилие, нанесение ущерба’, в котором под давлением семы ‘с силой’ значение ‘воровать’ постепенно вытесняется из основных. По той же пр.-сл. модели образуется рус. смолен. *выбой* ‘вымогательство’ [Смолен., т. 1, с. 98], семантически и формально построенное как рус. *вымогательство* — с акцентированным компонентом насилия.

8.3. Nomen agentis

От пр.-сл. **orzbojьnъ* ‘разбойнический’ [ЭССЯ, т. 32, с. 253] образуется пр.-сл. nomen agentis **orzbojьn-ikъ* с первичным значением ‘грабитель, насильник’, продолжения которого имеются в этом значении во всех славянских языках [ЭССЯ, т. 32, с. 252—253], в том числе — др.-рус. *РАЗБОНИКЪ*, *РОЗБОНИКЪ* ‘убийца’, ‘грабитель, разбойник’, ‘удалец’ [Срезневский, т. 3, с. 21, 147] (Изборник 1073г.), при совр. рус. *разбойник* ‘человек, который занимается разбоем, грабитель’, ‘шалун’ [Шведова, с. 789].

Это имя дает в русском языке два новых образования: *разбойничать*, *разбойничество* (ср. также диал. сибир. *разбойничиться* ‘осмелеть’ [СРГС, т. 4, с. 86]). *Разбойничество* заменило собой др.-рус. имя *РАЗБОИНСТВО* ‘злодейство, разбой’ (Чел. Авр. 1670 г.) [СРЯ, т. 21, с. 140], ср. ст.-сл. *РАЗБОИНСТВО* ‘разбой, грабеж’ [Старославянский словарь, с. 567].

8.4. Nomen adjectivum

От др.-рус. *РАЗБОНИКЪ* образуются два прилагательных: др.-рус. *РАЗБОНИЧНИ*, *РАЗБОНИКОВ* (Лавр. л. 6792 г.) [Срезневский, т. 3., ч. 1, с. 148], в СРЛЯ сохраняется *разбойничий*.

9. *tatъ

9.1. Nomen agentis

История лексемы *tatъ* начинается в праиндоевропейскую эпоху, когда в рамках этимологического гнезда глагола с корнем **(s)ta(i)* - 'скрывать, таить' (отсюда русс. *тайна*) появилось nomen agentis, давшее праслав. **tatъ*, др.-ирл. *taid* 'вор' (ср. родственные др.-греч. *τητάω*, дор. *τατάω* 'лишаю', др.-инд. *tāyúṣ* 'вор', авест. *tāyu-* 'вор', *tāya* 'кража, тайный', хетт. *tāiezzi* 'крадет', др.-греч. *τηῦσιος* 'обманный, тщетный') [Фасмер т. 4, с. 11, 28]. Значение присвоения чужого отражено в древнейших славянских памятниках: др.-рус. **ТАТЬ** 'вор, грабитель' (Сбор. 1076 г.) [Срезневский, т. 3, с. 926] и ст.-сл. **ТАТЬ** 'вор, грабитель' [Старославянский словарь, с. 689]. Появление корня с подобным значением в индоевропейскую эпоху имеет огромное культурологическое значение, так как указывает на высокую степень развития имущественных отношений у индоевропейских племен с уже укоренившимся в сознании понятием собственности — первоначально, вероятно, общественной, племенной, но уже с четкой демаркацией своего и чужого. Примечательно, что развитие понятия кражи шло путем, сходным с развитием концепта лжи: начальной точкой обоих стало действие 'скрыть, утаить предмет / правдивое знание' (ср. др.-греч. *τηῦσιος* 'обманный', родственный слав. *tatъ*).

При праславянской природе слова оно известно не всем славянским языкам — кроме русского, его знают только южнославянские языки: сербохорв. *tât*, словен. *tât* 'вор', сюда же и ст.-сл. **ТАТЬ** 'вор, грабитель' [Старославянский словарь, с. 689], болг. стар. и диал. *tat* 'вор, разбойник' [БЕР, т. 7, с. 833]. В истории русского языка слово встречается начиная с Изборника 1076 г.: **акы тать вълѣзъ лоукавыи** (Сбор. 1076г.) [Срезневский, т. 3, с. 926], см. еще в Пандектах Антиоха: **яко тать въ ношти, тако придѣтъ** [там же]. Далее оно широко представлено в собственно русских текстах — летописях и грамотах:

- **Аще оукраде Русинъ что либо у крѣстьянина или паки христьянини оу Русина и тать бѹдетъ в томъ чаѣ тать, егда татьвѹ створить, ѿ погубившаго что либо ... и оубиенъ бѹдетъ, да не взыщется смѣръ его ...** (Договор Олега 911г. по Ипат. Лет.);

- **Которыи Роусинъ и Латинескыи имѣть тата, надъ тѣмъ кѹмоу своя вѣля, камъ кѹго хочеть, тамъ дѣжеть** (Смоленская грамота 1229 г.) [там же].

Лексема нашла свое отражение в одном из первых художественных произведений, написанных на русском языке — в описании первого русского коммерческого путешествия «Хождении за три моря» Афанасия Никитина: *«А все черныя, а все злодѣи, а жонки всѣ бляди, да вѣдь, да тать, да ложь, да зельи господаря морять».*

Представляется существенным, что в церковнославянских текстах употребление слова *тать* в сочетании с «влез лукавый», «в ночи» свидетельствует о сохранении пр.-сл. мотивационной базы 'тайное приобретение чужого', тогда как у древнерусского слова явно преобладает семантика 'злодей, преступник', производная от 'вор' (ср. акцентуацию мотивации по преступности в укр. *злодій* 'вор'). Особенно отчетливо это заметно в наиболее свободном в стилистическом плане тексте – «Хождении за три моря», причем здесь *тать* соседствует с *ложь* (см. выше).

Слово *тать* нередко встречается в новгородских берестяных грамотах, причем явно как юридический термин с акцентом на противозаконности деяния:

- № 222, письмо к посаднику Гюргию Иванковичу, 1-я четверть XIIIв.: **«..ожь ма татьмо [п]оставили..»;**

- № 297, Челобитная Михаилу Юрьевичу, сер. 40-х гг. XV в.: **«...стогъ гнѣ твои. ржаныи цетверетьныи тати покрали швиновъ . пать свезли въ[х]ъ и...»;**

- № 140, Торжок, 70-е . сер. 90-х гг. XII в: «...а кало есте <...> грабление : развон : ТАТВА . ДШЕГОУБЛЕНИЕ ПОТВОРИ ПОКЛЕПО ОТРАВА БЛОУДИ ПРЕЛЮБОДЕАНИЕ ЦАРОТВОРЕНИЕ...»;

-№213, имущественный документ, 2-я пол. XIIIв.: «...како ѿказало было на местатке .з. гривено про женьню ТАТВЪ...».

Очень существенным явлением, затронувшим семантику гнезда, было появление семантической составляющей, отражающей кражу церковного имущества. Это связано с калькированием др.-греч. образований. Первое по фиксации слово с этой семантикой — **СВЯТОТАТЬЦЬ (-ТАТИЦА)** ‘похититель священных предметов’ [Срезневский, т. 3, с. 306], зафиксированное с 1284 г., является калькой древнегреческого *ἱεροσυλος*: от греческого *ἱερός* ‘священный’ и *συλέω* ‘красть’. Позднее (впервые отмечено в «Мериле праведном» XIV в.) зафиксировано обозначение соответствующего действия - **СВЯТОТАТСТВО** ‘кража церковного имущества, святотатство’ [Сл. РЯ XI–XVII, т. 23, с. 217] — калька др.-греч. *ἱεροσυλία* ‘ограбление храма, кража священной утвари’ < *ἱεροσυλέω* ‘ограбить храм, совершить святотатство’. Они обозначают преступное ограбление, разорение культовых сооружений. В поддержку утверждения об отсутствии семантики тайного передвижения можно привести словосочетание **НАВХОДОНОСОРОВО СВЯТОТАТСТВО**, неоднократно встречающееся в первых переводных библейских текстах, которое никак нельзя назвать тайным и незаметным в контексте библейского мифа. Само появление подобных лексем в ЛСП ‘присвоение чужого’ (ср. выше **СВЯТОКРАДЕНИЕ**) является важным вербальным маркером христианизации Европы, по выражению В. Фирека [Фирек, с. 32] и, что более существенно, маркером жесткой стратификации общества и закрепления собственности за конкретным человеком. Как достаточно убедительно показал в своей работе А. Донини, в обществе без классов все является одновременно естественным и

сверхъестественным, каждый предмет имеет магически-религиозный характер, разделение на мирское и священное происходит гораздо позднее [Donini, p. 65].

9.2. Nomen actionis

В древнерусском языке слово *тать* стало родоначальником целого словообразовательного гнезда, что, возможно, связано с расширением его использования в юридической сфере:

- *ТАТЬБА* ‘кража’, ‘то, что украдено’ (ТАКО ЖЕ И ВО ВСѢХЪ ТѢЖАХЪ, И ВЪ ТАТЬВѢ, И ВЪ ПОКЛЕПѢ (Рус. Пр. Яр.), АЩЕ ЛИ БУДУ БОГАТЬ, ГОРДОСТЬ ВОСПРИМУ; АЩЕ ЛИ БУДУ УБОГЪ, ПОМЫШЛЯЮ НА ТАТЬВУ И НА РАЗБОИ (Сл. Дан. Заточника), ТАКО ТАТВОЮ ОУКРАДОША МА ИЗ ЗЕМЛА ЖИДОВСКИ (Сб. Волог. XV), А ПОИМАЮТЬ ТАТЯ В ДРУГЫЕ СЪ ТАТВОЮ, ИНО ЕГО КАЗНИТИ СМЕРТНОЮ КАЗНЮ (Судебник 1497));

- *ТАТЬБИНА* ‘кража’, ‘покража’ (АЗЪ НАПОЛНЯХ ТАТЬБИНЫ ДНѢНЫА И ТАТЬБИНЫ НОЩНЫА (Сб. Волог. XV)); *ТАТЬБИНЫ* ‘краденый’: А У КОГО ЧТО ПОЗНАЮТЬ ТАТЕВНОЕ, И ТОТЪ СЪ СЕЮА СВЕДЕТЬ..., А ПРОДАЖИ ЕМУ ВЪ ТОМЪ НѢТЪ (Жал. гр. Покр. Чухл. мон. 1518) [Срезневский, т. 3, с. 928] (ст.-сл. *ТАТЬБИНЪ* ‘краденый’ [Ст.-сл. СПб, т. 4, с. 432], [Lex. Ling. Palaeoslov, v. 8, p. 423]).

Активное словообразование в данном гнезде продолжается в период второго южнославянского влияния, связанного с архаизацией древнерусского языка. Этот период ознаменовался появлением nomen actionis *ТАТЬСТВО* ‘кража, грабеж’ [Срезневский, доп. том, с. 257], синонимичного старому *татьба*, зафиксированного в «Послании митрополита Ионы литовским епископам» 1460г.: «...*татьством ихъ пограбивъ святую церковь...*». Как авторский неологизм появляется и др.-рус. сложное прилагательное 1431 г. *ТАТЕКРАДЪСТВЕНЫ* ‘краденый’: И АЗЪ...ИМѢЮ ТОГО... ПОДЪ СВОИМЪ НЕБЛАГОСЛОВЕНІЕМЪ, ДОНДЕЖЕ ТАТЕКРАДЪСТВЕНОЕ ПРИОБРѢТЕНЬЕ ПОВЕРЖЕТЬ РЫДАЮЩЕМУ ПО НЕМЪ И ВЪЗВРАТИТЬ ПОГУБИВШЕМУ (Окр. посл. м. Фот. д.

1431) [Срезневский, т. 3, с. 925-926], примечательное соединением двух синонимичных корней: *тат-* и *крад-*. Возможно, это свидетельствует о сохранении древнейшего элемента значения корня *тат-* 'сокрытие'. В данном случае соединение *тат-* с *крад-* подчеркивает скрытность, тайность кражи.

9.3. Verbum

В псковской судной грамоте 1467 г. впервые фиксируется глагол, обозначающий собственно действие вора, - **ТАТЬБИТИ** 'красть' (**НЕ Т̄АБИТЬ НИ ЛУКОШКИ, НИ КАДКИ**) (Псков. судн. гр.) [Срезневский, т. 3, с. 928], производный от *nomen actionis* **ТАТЬБА**.

10. **blęsti*

10.1. Verbum

Первичное значение пр.-сл. **blęsti*, **blędŏ* восстанавливается как 'ошибаться, заблуждаться' < и.-е. **bhlendh-*, ср.: лит. *blandus* 'мутный, тусклый, смутный', гот. *blinds* 'слепой', др.-в.-нем. *blantan* 'мутить, смешивать', исл. *blanda* 'закрывать глаза', швед. *blunda* 'дремать' [Черных, т. 2, с. 96], лтш. *blenst* 'плохо видеть', гот. *blinds* 'слепой', др.-в.-нем. *blendan* 'ослеплять' [ЭССЯ, т. 2, с. 115]. Первичное 'тусклый, невидный' путем метафорического переноса трансформировалось в 'ошибаться' и 'обманывать' (ср. рус. разг. *темнить* 'недоговаривать, обманывать').

Пр.-сл. **blŏditi* имел первоначально значение 'бродить', 'ходить, сбившись с дороги', откуда далее — 'ошибаться, заблуждаться', ср: ст.-сл. **БЛЖДИТИ** 'блуждать', сербохорв. *блудити* 'баловать, гладить, изнеживать', словен. *bloditi* 'блуждать, заблуждаться, вводить в заблуждение', чеш. *blouditi* 'сбиваться с пути, блуждать, заблуждаться', словц. *bludit'* 'сбиваться с пути,

бродить, заблуждаться’, в.-луж. *bludzić* ‘вводить в заблуждение, сбиваться с пути’, н.-луж. *blużić* ‘запутывать, смущать, заблуждаться, ошибаться’, др.-рус. *блудити* ‘заводить не туда, куда надо было бы’, русс. *блудить* ‘скитаться, ездить, сбившись с дороги, шалить, распутничать’ [ЭССЯ, т. 2, с. 126]. Но в старорусском появляется значение, близкое к ‘воровать’: *БЛУДИТИ* ‘блуждать’, ‘заводить не туда’, ‘распутничать’, озорничая, разорять, портить (Хоз. Мор. I 1660 г.) [СРЯ, т. 1, с. 244]. Далее диал. казацк. *блудить* ‘брать без спроса, воровать, браконьерствовать’ [Малеча, т. 1, с. 143].

Вторичными глаголами, образованными от существительного *блуд* и прилагательного *блудный*, являются диал. урал., новг. *блудничать* ‘красть’, ‘проказничать’, ‘бродить без дела’ [СРГСУ, т. 1, с. 47], ‘пакостить, распутничать’ [НОС, т. 1, с. 59], ‘воровать’ [СРГС, т. 1, с. 73] с видовой парой урал. *сблудничать* ‘стащить, украсть’ [СРГСУ, т. 5, с. 112]. Рус. новг. *блудить* ‘блуждать, воровать’ [НОС, т. 1, с. 60] соединяет в себе литературное и диалектное значения. С формальной точки зрения данная форма представляет собой результат ошибочного восстановления корня с чередованием по *блуждать*. Можно предположить параллельное развитие значений ‘воровать’ и ‘блуждать’ от исконного ‘темный > обманывать’.

10.2. Nomen agentis / actionis

Для данного гнезда характерно взаимопроникновение *nomen agentis* и *nomen actionis*, когда одна и та же форма в разные исторические эпохи обозначает то деятеля, то само действие. Так, диал. новг. *блуд* ‘вор’ [НОС, т. 1, с. 46] первоначально было *nomen actionis* и лишь вторично перешло в разряд *nomen agentis*, ср.: др.-рус. *блудъ* ‘заблуждение, ошибка’, ‘разврат’ [СДРЯ, т. 1, с. 235], *блудъ* ‘распутство’, ‘ошибка’ [СРЯ, т. 1, с. 244]). Впрочем, не исключено вторичное образование от *блудить* ‘воровать’.

От имени *блуд* образуются прилагательные: ст.-рус. *блудливый* 'вороватый' (Сим. Послов. XVII в.) [СРЯ, т. 1, с. 245] и многочисленные формы с суффиксом **-ьл-*: диал. казацк. *блудний* 'бродячий, вороватый' [Малеча, т. 1, с. 143—144], а далее производные субстантивированные диал. урал. *блудень*, *блудёна* 'мелкий воришка' [СРГСУ, т. 1, с. 47], сев. *блудня* 'оторвавшаяся от стада корова; тот, кто берет что-либо украдкой' [СГРС, т. 1, с. 120] при новг. *блудня* 'воровство' [НОС, т. 1, с. 60].

От прилагательного *блудный* образуется *nomen agentis* с суффиксом **-икъ*, ср. др.-рус. *блудьникъ* 'тот, кто ошибается', 'развратник' [СДРЯ, т. 1, с. 236], диал. казацк. *блудник* 'пакостник, жуликоватый, развратник' [Малеча, т. 1, с. 144]), которое становится производящим для нового глагола по известной модели 'действие, совершаемое кем-то' (см. выше).

10.3. Ad notam

К этому же гнезду относится и рус. новг. *сблѣндить* '(экспр.) украсть, своровать' [НОС, т. 10, с. 14], образованное от *блин*, но не в его этимологическом значении, а в значении, приобретенном им на основе фонетического сходства с *блядь* как бранного слова, также потерявшего свои этимологические связи. Таким образом, следует предположить эвфемистическое образование *сбляд-ить* > *сблин-дить*. Структурно этот глагол сопоставим с рус. груб. разг. *спиздить* и осложненным экспрессивными наращениями диал. подмоск. *уцупѣзнуть* 'отнять, взять' [Иванова, с. 586]. Касательно двух последних глаголов следует отметить, что значение 'красть' развивается в образованиях с корнем **pizd-* не только в русском языке, оно известно зап.-слав. языкам: чеш. морав. *piznout* 'ударить', 'украсть' при полск. *piznąć* 'ударить'. Махек сопоставляет чешский глагол с чеш. *zblajznout* 'тайно и быстро унести' (подробнее о данном корне см. ниже) и другими глаголами со

значением 'ударить': *víznout, líznout, lajznout, seknout (se)*, предполагая для глагола *píznout* метафорическое развитие значения на базе 'ударить' [Machek, 1971, s. 453], что сомнительно. Скорее, следует предполагать обценную основу метафорического значения 'красть'.

11. **тъknŏti*

11.1. Radix / verbum

Значение пр.-сл. **тъk-/*muk-* восстанавливается как 'двигать, передвигать'. Первичные глаголы этого гнезда **тъknŏti* и **mukati* не получили семантику воровства, во всех славянских языках они обозначают то или иное движение, сохраняя древнюю семантику корня [ЭССЯ, т. 20, с. 219]. Семантика воровства возникает в этом гнезде благодаря уже рассмотренной выше приставке **и-*: др.-рус. *оумькати* 'похищать девицу для брака' (ПВЛ введение), *оумькывати* там же то же [Срезневский, т. 3, с. 1217], рус. *умыкнуть*, др.-рус. *оум(ъ)чати* 'увезти быстро', 'похитить (девушку)' (Церк. уст. Яр. (Сбор. Кир. Белоз. XV в.) [Срезневский, т. 3, с. 1216], рус. урал. *умчать* 'унести, украсть (валенки)' [СРГСУ, т. 6, с. 128]. Особняком стоит только рус. сибир. *замыкаться* 'ведя распутный образ жизни, стать аморальным' [СРГС, т. 1.2, с. 197], т. к. он развивается аналогично глаголу *блуждать*.

11.2. Nomen actionis

Древним способом заключения брака была кража невесты из родительского дома. В данном случае воровство приобретает ритуальный характер, не осуждаемый обществом. Сама лексема *невеста* дает основания утверждать, что тайна, неизвестность была необходимым элементом свадебного ритуала, что частично сохраняется до сегодняшнего дня в виде фаты невесты. Григорий Котошихин в своем труде «О России в царствование Алексея

Михайловича», говоря о «житеи боярь и иныхъ чиновъ людей», пишет: «**Въ тоє свадьбу бываєтъ закрыта и не говоритъ ничего**». Для обозначения брака через кражу невесты образуется др.-рус. *оумыканик* 'похищение девушки для брака' (Церк. уст. Яр.) [Срезневский, т. 3, с. 1217]. Умыкание невесты, ее сокрытие и появление, восходящие к ритуальному соперничеству, — все это так или иначе инсценирует переход человека из одного рода (=мира) в другой.

12. *хоріі

13.1. Verbum

Пр.-сл. гнездо глагола **хоріі* / **хорати* 'хватать' [ЭССЯ, т. 8, с. 70—71], восходящее к и.-е. **kharp-* 'брать': лат. *capere* 'брать', ср.-н., н.-нем. *harren* 'жадно схватить' [Фасмер, т. 4, с. 222], представлено в др.-рус. языке др.-рус. *хапати* 'хватать, кусать', 'разрывать', 'мучить', 'отвергать' [Срезневский, т. 3, с. 1260], *хорити* 'хватать, кусать', 'жалить' [Срезневский, т. 3, с. 1386]. Значение 'красть' привносится приставками, что фиксируется в диалектах: помор. *захáпать* 'присвоить незаконно, забрать под свое ведение, взять нахальным образом' [Дуров, с. 142], псков. *дохóпать* 'постоянно воруя, достичь неприятных последствий' [ПОС, т. 9, с. 188] (ср. выше *дворовать*), последнее — хороший пример вербализованного отрицательного последствия совершения кражи.

Пр.-сл. корень **хар-* / **хор-* подвергся экспрессивным преобразованиям или сблизился со звукоподражательными словообразованиями [ЭССЯ, т. 8, с. 17 — 18]. Помимо пр.-сл. **xabati* (србхрв. *hābati* 'портить, пачкать, марать', чеш. *chabati* 'хватать, цапать', диал. казан. *хабáл* 'озорник, наглец' [ЭССЯ, т. 8, с. 7]), в русских диалектах встречаются формы, где можно предполагать переход *б* > *м/в*: диал. сибир. *хамáть* '(предосудит.) присваивать чужое, без меры хапать' [СРГС, т. 5, с. 202], перм. *захáмить* 'присвоить чужое' [Перм., т. 1, с. 316] (ср. рус.

диал. междом. *хам* 'жадно есть', *хамкать* 'есть', *хамка* 'собака' [Фасмер, т. 4, с. 220]), помор. *захавать* 'незаконно присвоить, сделать захват чужого' [Дуров, с. 142].

13.2. Nomen actionis

Простейшим отглагольным именем является *хап*, представленный в сибирских говорах в составе выражения *брать хапом* '(предосуд.) отнимать, применяя силу, присваивать, грабить' [СРГС, т. 1, с. 89].

13.3. Nomen agentis

От глагола *хапать* образуются несколько nomina agentis: совр. рус. *хануга*, *ханун*, диал. помор. *хáпало* 'жадный до чужого, завистливый' [Дуров, с. 425].

14. *derti, dьrati

Пр.-сл. **dьrati* сохраняет в русском языке свою первичную, еще индоевропейскую семантику – 'рвать, драть', ср.: болг. *дерá* 'рвать, драть', сербохорв. *драти*, словен. *děрати*, чеш. *dráti* 'рвать, драть', словц. *drat'* 'драть, рвать, сдирать, бить', н.-луж. *draś* 'рвать, дергать', укр. *драти*, блр. *драць* 'драть' при лит. *dirti* 'сдирать', лтш. *dirāt* 'сдирать, обдирать', др.-инд. *ḍṛṇāti* 'лопается, трескается', авест. *dar-* 'колоть', кимр. *darn* 'кусок, часть', гот. *distairan* 'разрывать', др.-в.-нем. *zēran* 'разрушать' [ЭССЯ, т. 5, с. 218]. Но более отчетливо, традиционно для этого семантического поля, проявилась эта семантика в приставочных образованиях.

У др.-рус. *одьрати* 'ободрать, содрать (кожу)', 'ограбить дочиста' (ЛН 1203 г.) [СДРЯ, т. 6, с. 89] при компоненте 'дочиста', привнесенном приставкой с первичным значением 'все, кругом', это значение было побочным и выражено слабо: nomina actionis от этого глагола, которые обычно наследуют самые

важные значения производящего глагола, др.-рус. *одьраниѣ* имеет только значение 'сдирание кожи, вид пытки' [СДРЯ, т. 6, с. 89]. Такую же тесную связь с первичным значением 'драть, рвать' этот приставочный глагол сохраняет во все периоды: ст.-рус. *одирати* 'сдирать кожу', 'срывать что-то, учиняя грабеж' (Ж. Ириарха XVII в.) [СРЯ, т. 12, с. 284], рус. *ободрать* 'содрать, снять', 'повредить кожу', 'изорвать (одежду)', '(перен.) ограбить, обобрать' [СРЯ 18 в., т. 16, с. 30]. В СРЛЯ семантика 'ограбить' является переносной и проявляется только в составе фразеологизма *ободрать как липку*. В русских же диалектах 'воровать' сохраняется независимо от фразеологизма: диал. новг. *ободрать* 'побить', 'отобрать, отнять все дочиста' [НОС, т. 6, с. 98], дон. *обдирать* 'выдирать перья, грабить, воровать' [Малеча, т. 3, с. 12].

Семантически дон. *поддирать* 'забирать яйца из гнезда', 'разорять гнездо', 'воровать кур' [СРДГ, т. 3, с. 22], [Дон. Казацк., с. 378] со ступенью продления редукции в корне прозрачен. Узкопрофессиональное закрепление значения за кражей яиц и далее — кур объясняет, кажется, необычную приставку *под-* ('выдернуть из-под чего-то').

Совр. рус. разг. *сдирать* 'красть (идею, решение), копировать' [Елистратов, с. 367] обозначает новый тип кражи — интеллектуальный, что указывает на его позднее появление при вторичном метафорическом переосмыслении 'снимать кожу, сдирать шкуру'.

15. **dьrgati*

На и.-е. уровне генетически связано с предыдущим гнездо пр.-сл. глагола **dьrgati*: болг. *дръ'замъ* 'мять пеньку, лен', словен. *dъrgati* 'тереть', *dъrzati* 'скрести, чесать, щипать траву', чеш. диал. *drhat* 'щипать перья', н.-луж. *žergaś* 'очищать от волокон (о льне)', др.-рус. *дьргати* 'дергать', укр. *дергати* 'дергать', диал. *дёр'гати* 'чесать волокно' [ЭССЯ, т. 5, с. 221]. С мотивационной основой

‘продранное, вычищенное’ к этому гнезду принадлежит **dorga*: ср. сербохорв. *dräga* ‘ущелье, овраг’, устар. ‘дорога’, словен. *dräga* ‘канавка для отвода воды на лугу’, ‘овраг’, ‘дорога’, чеш. *dräha* ‘дорога’, ‘выгон’, словц. *dräha* ‘дорога’, др.-рус. *дорога* ‘дорога’, укр. *дорога* ‘дорога’, блр. *дорога* ‘дорога’ [ЭССЯ, т. 5, с. 75]. Производным от ‘драть’ является значение ‘дергать’, на базе комплексной семантики ‘драть, дергать’, которая породила значение ‘воровать’: диал. псков. *дёрнуть* ‘дергать, переместить, (экспрес) украсть, стащить’ [ПОС, т. 9, с. 49], одесс. *ди/ерануть* ‘украсть’ [Карпенко, т. 1, с. 162, 168]. Диал. карел., арханг. *выдернуть* ‘поднять, вынести, украсть, вытащить’, при ее отсутствии у *выдирать* ‘счищать, соскабливать’ [Карел., т. 1, с. 259], [Арханг., т. 6—7, с. 185].

При полностью забытой славянскими языками первичной мотивации продолжения **dorga* в русском языке (и других не только славянских языках) приобретает коннотацию чего-то опасного ввиду своего расположения вне поселений и протяженности на большие расстояния и соответственно доступного для грабителей: ср. рус. *разбойник с большой дороги*. Сюда же диал. урал. *дорожник* ‘путник, торговец’ – *дорожничать* ‘торговать’, при устаревших значениях пары ‘грабитель’ - ‘грабить’ [СРГСУ, т. 1, с. 142] соответственно. Далее: *подорожник* – *подорожничать* ‘хулиган’ — ‘хулиганить’, (устар.) ‘воровать’ [СРГСУ, т. 4, с. 61], *большедорожник* – *большедорожничать* ‘вор’ - ‘воровать’ [СРГСУ, т. 1, с. 50]. Итак, только последняя пара представляет соотносительные значения ‘вор - воровать’, тогда как в первой паре *po men agentis* имеет ‘передвигающийся по дороге’, а вторая пара, наоборот, развивает семантику в сторону расширения значения – ‘хулиганить’, но в прошлом, возможно, все три пары имели значения ‘вор’ – ‘воровать’.

Ad notam

Многим сибирским и забайкальским говорам известно выражение *драть сáргу* 'дорого брать за товар, услугу' [СРГС, т. 2, с. 68], 'ограбить кого-л.' [СРНГ, т. 36, с. 142], также *содрать саргу с кого-л.* 'сорвать долг или взятку' [Даль, т. 4, с. 138]. Слово *сарга* зафиксирована во многих северно-восточных великорусских говорах в следующих значениях: 'дранка, коренья для вязки и плетения' (сев.-вост.), 'дранье под штукатурку' (перм., оренб.), 'сосновые и кедровые длинные корешки для сшивки лодок, плетенья корзин' (сиб.), 'грубое волокно, кора, попавшая в пряжу' (арханг.) [Даль, т. 4, с. 138], 'длинный, тонкий прут или полоска из березовой коры для плетенья лаптей' (олонец.), 'лыко' (череповец.) [Фасмер, т. 3, с. 561]. *Сарга* является заимствованием из финских языков: карельск. *šarga*, вепс. *sarg* 'полоска коры' [там же]. Кажется, того же происхождения и олонец. *сáрга* 'серое домашнее сукно; грубая шерстяная ткань', колымск. *сáрга* 'шкура' [там же], если изначально *сарга* 'полоска ткани, шкуры' (ср. фин. *sarka* 'грубая ткань'). Таким образом, *драть саргу* структурно и мотивационно параллельно рус. *ободрать как липку* в СРЛЯ.

Сходным по составу и близким по значению является диал. сибир. *дурни́чку драть* 'нечестно зарабатывать большие деньги' [СРГС, т. 2, с. 68], видимо, заимствованное из украинского языка, где *дурничка* – 'пустячок, безделица', *на дурничку* – 'за чужой счет, даром'. В данном случае подчеркивается хитрость преступника, способного обманным путем наживаться на чужой доброте.

16. *turiti / *tyriti

16.1. Verbum

Первичное значение корня *tur-, *tyr-, было 'гнать' с расширением значения до 'толкать, побуждать', ср.: диал. *тыриться* 'быстро идти', сибир.

турить 'плыть на лодке по течению, поставив ее поперек' [СРГС, т. 5, с. 105], сибир. *стуровить* 'побудить к чему-л.' [СРГС, т. 4, с. 471], перм. *втырить* 'вынудить взять' [Перм., т. 1, с. 129]. Значение диал. > рус. разг. *тырить*, *тырбанить* 'красть, воровать' [Елистратов, с. 418], новг. *търнуть*¹ '(экспер.) украсть' [НОС, т. 11, с. 76] развилось по модели, известной в глаголе *гнать*: 'гнать' > 'красть', но на основе сибир. *затурить* 'положить, спрятать так, что трудно найти' [СРГС, т. 1.2, с. 225] можно предположить и участие компонента сокрытия (ср. *тать*).

Приставочные глагольные образования представлены, во-первых, образованиями с **сь*-: диал. сибир. *стырить*, новг. *стырить* 'украсть' [НОС, т. 10, с. 175], урал. *стырить* 'воровать' [СРГСУ, т. 6, с. 71], урал. *стурить* 'воровать', 'нести, перетащить' [там же]. В русский разговорный язык проникает только форма с корневым *-ы-*: *стырить*, *стыривать* 'красть, украсть' [Елистратов, с. 395]. В офенском языке развивается и экспрессивная форма *стюрить* то же [Бондалетов, с. 83] с вторичным смягчением корневого *т*.

Русскому жаргону известны и другие приставочные образования: *натырить* 'украсть, наворовать' (угол. 'научить украсть'), *оттыривать* 'красть, утаивать' (при угол. *оттыривать* 'обмануть при дележке', *оттырка* 'утайка при дележке') [Елистратов, с. 242, 272]).

16.2. Nomen agentis / objectis

При помощи многозначного суффикса *-к* образуются имена, обозначающие как преступника, так и украденную вещь в русских говорах: сибир. *стыроек* 'ворованный предмет, украденная вещь' [СРГС, т. 4, с.472], сибир. *търка* 'вороватый человек' [СРГС, т. 5, с. 112], рус. разг. *търка* 'кража, барышник' [Елистратов, с. 418].

Разнообразные именные образования характерны также и для рус. разг. языка: *стырищик* 'вор', *тырбаж* 'краденное', *тырбанка* 'дележ краденного', *тырбень* 'объект кражи' [Елистратов, с. 418]. Первое имя является производным с суффиксом *-щик-* от глагола *тырить*. Три последних образования от основы *тырб-*, которая может быть экспрессивным расширением основы *тыр-*.

17. **svojь*

17.1. Verbum

Местоимение **svojь* и его производные, глагольные и именные, не имели значения 'присваивать' в праславянскую эпоху, но развивали его в древнерусском языке: др.-рус. *своити* 'предоставлять' [Срезневский, т. 3, с. 286], *своити* 'приближать', 'предоставить в чью-либо собственность', 'претендовать на что-либо, присваивать' (Посольство Леонтьева 1616 г.), 'владеть' [СРЯ, т. 23, с. 188], *присвоити* 'сделать принадлежащим к.-л., приблизить к себе благодаря общению' [СДРЯ, т. 8, с. 559], *присвоити* 'приобщить, присоединить, делать своим' (ААЭ III 1619 г.) [СДРЯ, т. 8, с. 558], *присвоивати* 'делать своим, приручать' (Дух. и дог. гр. 1517 г.) [СРЯ, т. 20, с. 9], *присвояти* 'приближать', 'делать своей собственностью' (SLS III XVIII в.) [СРЯ, т. 20, с. 10], *присвоити* 'приблизить', 'сделать своей собственностью' (Васс. Патр. XVI в.) [СРЯ, т. 20, с. 9]. Но ни один из вышеперечисленных случаев фиксации глаголов в др.-рус. языке не дает надежных сведений о наличии компонента 'присваивать чужое', которое, видимо, является поздней конкретизацией первичного значения 'делать своей собственностью', появившееся в СРЯ.

17.2. Nomen actionis / agentis

Искомый компонент 'присвоение чужого' надежно фиксируется только в *nomina actionis* и *nomina agentis* с приставкой *при-*: ст.-рус. *присвоение* 'приближение', 'родственные отношения, возникающие в результате брака', 'присвоение чужого' (Лекс. словен.-лат. XVII в.) [СРЯ, т. 20, с. 9], *присвоитель* 'тот, кто приближает', 'тот, кто присваивает чужое' (Лекс. словен.-лат. XVII в.) [СРЯ т.20: 9]. Таким образом, для данного гнезда формирование значения 'красть' можно отнести не ранее чем к XV в., откуда затем оно было унаследовано СРЛЯ.

18. *taskati

18.1. Verbum

Глаголы *таскать*, *тащить* (ср. укр. *taskати*, чеш. *tasiti*, польск. *taskać* – все со значением 'тащить, таскать' [Фасмер, т. 4, с. 26] относятся к темным словам. Согласно большинству теорий семантика 'красть' является первичной для этого корня. Шмидт и Уленбек считают этот глагол родственным с др.-инд. *taskaras* 'разбойник, вор' [Фасмер, т. 4, с. 26], П.Я. Черных также восстанавливает первичное значение 'красть' [Черных, т. 2, с. 229], В.И. Абаев выводит этот глагол из якобы утраченного **taska* 'мешок, сумка' [Абаев, 1968, с. 243—244]. Первые теории представляются сомнительными ввиду того, что тогда становится невозможным объяснение современного первичного значения 'носить, волочить', 'изнашивать', 'трепать за волосы', а теория Абаева представляется сомнительной еще и потому, что реконструированное им имя нигде не зафиксировано. Наиболее убедительной представляется версия Ж.Ж. Варбот, которая путем сравнения словац. *toskat'i* 'лущить семечки тыквы', лит. *taškýti* 'брызгать, швырять, плескать, капать, выбивать льняные семена' приходит к выводу об их родстве со славянским глаголом **taskati* 'извлекать с

трудом, волочить, трепать, драть'. Таким образом, первичным значением для **taskati* признается 'драть': ср. аналогичное развитие семантики у лит. *trūkti* 'лопаться' и *traukti* 'тащить', англ. *pull* 'дергать' и 'тащить' [Варбот, 1987, 147—149].

Вторичная семантика присвоения наиболее четко проявляется лишь у приставочных глаголов. Рус. *утащить* обнаруживает значение 'воровать' не ранее СРЛЯ. В диалектах зафиксированы псков. *вытащить* 'извлечь, вырвать, украсть' [ПОС, т. 6, с. 78], беломор. *растоскать* 'утащить, украсть, разнести по частям' [Беломор., с. 372] (с гиперкорректным корневым -о-). *Вытащить* и *растащить* присутствуют также и в СРЛЯ в тех же значениях.

18.2. Nomen agentis / actionis

Гнездо образует лишь имена с экспрессивной коннотацией: диал. яросл. *растащилровка* 'воровство, хищение', *растащуха* 'таскающий и растрачивающий всё из семейного имущества' [Яросл., т. 8, с. 125].

19. *volděti

Пр.-сл. **volděti* (ср. укр. диал. володіти, др.-рус. *володѣти*, ст.-сл. *владѣти*, болг. *владам*, сербохорв. *владати*, словен. *vládati*, чеш. *vlásti*, польск. *włodać* – все в значении 'владеть' [Фасмер, т. 1, с. 340]) восходит к корню и.-е. **ual-* 'быть сильным', ср.: лат. *valeo* 'я в силах, здоров' [Фасмер, т. 1, с. 344], впоследствии преобразовавшееся в '(наследственно) править', ср.: лит. *valdýti* 'править, владеть', *veldeti* 'наследовать', др.-прусск. *walduns* 'наследник', др.-лит. *pavilsti* 'унаследовать', лтш. *vāldīt*, гот. *waldan* 'править', ирл. *flaith* 'господство' [Фасмер, т. 1, с. 340].

Др.-рус.-цслав. *обладати* 'владеть', 'править', 'распоряжаться', 'покорить, овладеть (городом и под.)' [СДРЯ, т. 5, с. 486], ст.-рус.-цслав.

обовладѣти, овладѣти, овладати ‘взять, завладеть’ [СРЯ, т. 12, с. 110, 224].
Совр. рус. *овладеть (городом и под.)*.

Ст.-русс.-цслав. (не отмечен ни в ст.-сл., ни в других славянских языках)
завладѣти, завладати, завлаживати ‘завладеть’ [СРЯ, т. 5, с. 152]
сохраняется в СРЛЯ. В диалектах: диал. помор. *завладать* ‘присвоить’ [Дуров, с. 123]. Для образований данного корня вообще более характерно имплицитно выраженное значение кражи, что объясняет практически полное отсутствие его у именных образований [СРЯ, т. 5, с. 152].

20. *vesti

Пр.-сл. глагол с первичным значением перемещения в пространстве *vesti получает семантику присвоения лишь в производных с приставкой у- (ср. *угонять*): др.-рус. **оувести** ‘увести, похитить’ (Ио. Мал. Хрон.) [Срезневский, т. 3, с. 1122], рус. жарг. *уводить* ‘красть, воровать’ [Елистратов, с. 420], совр. рус. *увести* ‘уходя, взять с собой’, ‘удалить откуда-н.’, ‘украсть’, ‘отбить (жену и т.п.)’ [Шведова, с. 1051] В древнерусском языке этот глагол также обозначал способ заключения брака: др.-рус. *водити жену* ‘жениться’, *уводь* ‘тайное венчание’, *оуводь* ‘похищение’ (брака оу нихъ не бываше, но оумыкиваху оуводы двца) (ПВЛ введение) [Срезневский, т. 3, с. 1122].

Данный корень слабо развил исследуемую семантику. Однако, любопытно, что при обозначении этим глаголом присвоения маркирована неожиданность подобного явления для жертвы, быстрота и хитрость преступника, ср. *из-под носа увести*.

21. *svistěti

Пр.-сл. *svistěti 'издавать звук' имеет продление в славянских языках со значением 'шипеть, брызгать' [Фасмер, т. 3, с. 581]. Рус. разг. *свистнуть*, диал. арханг. *вѣсвистать* [Арханг., т. 8, с. 179] развили семантику 'красть' в результате метафорического сопоставления быстрого перемещения в пространстве со свистом как мгновенным действием (ср. диал. сибир. *свистнуть* 'быстро бегать' [СРГС, т. 4, с. 257]). Семантической инновацией данного гнезда является также семантика диал. сибир. *свистун* 'обманщик' [СРГС, т. 4, с. 258], карел. *свистнуть* 'обмануть, соврать' [Карел., т. 6, с. 12].

22. *rъvati

22.1. Verbum

Первичным значением пр.-сл. *rъvati было 'рвать, дергать', что восстанавливается на основе рефлексов по всем славянским языкам [Фасмер, т. 3, с. 452] и сохраняется и у рус. *рвать*. Семантика 'воровать' появляется только у приставочных глаголов вследствие понимания воровства как (быстрого / резкого) удаления предмета от владельца, ср.: диал. казацк. *урвать да удрать* 'украсть' [Малеча, т. 4, с. 330] (при др.-рус. *оуръвати* 'оторвать' [Срезневский, т. 3, с. 1260], рус. *урвать* 'оторвать' и рус. жарг. *урвать* 'удачно купить, заполучить'), совр. рус., диал. псков. *вырвать* 'выдернуть, рвануть, выхватить' [ПСО, т. 6, с. 48].

22.2. Nomen agentis

Как и глагольные образования, именные образования развивают искомую семантику слабо и являются скорее обозначением хитрого, ловкого человека, стяжателя, нежели вора: рус. *рвач* '(разг., презрит.) извлекающий из своей

работы как можно больше выгоды' [Ожегов, с. 670], от которого происходит диал. урал. *рвачливый* 'извлекающий из своей работы как можно больше выгоды' [СРГСУ, т. 5, с. 70], образующийся с помощью суффикса *-лив-*, передающего значение неполноты развития признака (ср.: *шаловливый*, *боязливый*).

23. **nyr-*

23.1. Radix

Пр.-сл. **nyr-* образует на славянской почве глаголы **nyrěti* / **nyriti* 'высовываться, скрываться, соваться во все, погружаться', **nyr'ati* 'скрываться, быстро исчезнуть, погружаться в воду', **nyrnōti* 'шмыгнуть, юркнуть, быстро исчезнуть' [ЭССЯ, т. 26, с. 64], а также **nuriti*.

23.2. Nomen agentis

**Nyr-* изначально обозначал быстрое движения (ср. совр. глаг. междом. *нырь* 'быстро уйти'), а затем развил семантику 'изворачиваться, изловчиться': др.-рус. *ныреньк* 'лукавое мудрствование' [СДРЯ, т. 5, с. 449], *ныривын* 'выдуманный', 'дурной, низкий, подлый' [СДРЯ, т. 5, с. 450], диал. помор. *проныра* 'ловкий, добытчик' [Дуров, с. 345], которое сохраняется как в СРЛЯ (*проныра*), так и в диалектах (урал. *проньристой* 'ловкий, способный проникать куда угодно' [СРГСУ, т. 5, с. 31]). В диалектах же этот корень развивает и значение 'воровать' по типу семантического развития *врать* > *вор*: диал. урал. *пронырь* 'обманщик, вор' [СРГСУ, т. 5, с. 31].

24. **peľnъ*

Полонъ и *плень* ни разу не зафиксированы со значением 'воровство' в древнерусском языке: др.-рус. *полонъ* 'плен, рабство', 'пленение', 'то, что захвачено в бою, военная добыча' [СДРЯ, т. 7, с. 91], др.-рус. *плень* 'плен, неволя', 'то, что захвачено в бою' [СДРЯ, т. 6, с. 422], ст.-сл. *плѣнъ* 'плен', 'пленные', 'военная добыча' [Старославянский словарь, с. 452], ст.-рус. *полонъ* 'плен, рабство', 'пленные', 'военная добыча' [СРЯ, т. 16, с. 241]. В русском языке лексема закрепилась за особым типом насилия над людьми из противоборствующего (военного) лагеря, в других же славянских языках она номинует добычу или заработок, но иногда и ограбление: сербохорв. *plên* 'добыча', словен. *plên* 'добыча, ограбление', чеш. *plen* 'выручка, прибыль, добыча', слвц. *plen* 'добыча, ограбление', при лит. *peľnas* 'заработок, заслуга', др.-инд. *pañas* 'обещанная награда' [Фасмер, т. 3, с. 314]. На основе значения 'добыча' в русском языке у некоторых глагольных форм развивается значение 'грабить': др.-рус. *плєндѣти* 'брать в плен', 'завоевывать, покорить, грабить' (Мин. 1096 г.) [СДРЯ, т. 6, с. 424], ст.-рус. *поплєнити* 'завоевать', 'взять в плен', 'разорить, разграбить' (Хрон. И. Малалы XV в.) [СРЯ, т. 17, с. 88], диал. урал. *полонить* 'воровать' [СРГСУ, т. 4, с. 83]. Несмотря на спорадическое присутствие данного значения в русском языке, оно существенно для данного корня: значение 'добыча' описывает само действие и процесс со стороны победителя, тогда как 'воровать' описывает их со стороны проигравших, для которых, конечно, пленение не что иное, как мародерство и разорение.

25. **sbrstъ*

На основе индоевропейского обозначения чего-то жесткого и грубого на ощупь (ср.: лит. *šjurkštùs* 'грубый, жесткий', ирл. *carrach* 'покрытый струпьями,

каменистый', лтш. *sars* 'щетина' [Фасмер, т. 4, с. 431]) образовалось пр.-сл. **sьrstь* > *шерсть*. Западнославянские языки сохраняют первичное *s* в начале слова, в восточнославянских и некоторых других *š* появилась, возможно, вследствие межслоговой диссимиляции или под влиянием таких слов, как *щетина*, *шкура* (в древнерусском имели место обе формы: *шьрсть* [Срезневский, т. 3, с. 1603], *сьрсть* [Срезневский, т. 3, с. 884]). Семантика слова *шерсть* явно двойка: то, что покрывает тело животного, и то, что снято, выдрано с его тела (ср.: *и на тѣхъ рыбахъ шерсть конская* (Пут. Генн. и Позн., 20); *да шерсти монастырьскіе взяли пятьдесятъ три рѹна* [Срезневский, т. 3, с. 1603]). Именно вторая составляющая и стала источником развития семантики присвоения у глагольных производных (ср. рус. *ободрать до нитки*). На основе переосмысления обозначения древнего способа получения шерсти образовались диал. сибир. *обшерстить* '(экпрес.) обмануть, обворовать' [СРГС, т. 3, с. 51] (при вторичном значении 'обмануть', появившимся под давлением поля), новг. *обшершѣть* '(экпр.) украсть' [НОС, т. 6, с. 119], являющееся результатом упрощения [šč'] > [š]: *шерститъ, шерщю* > *шерщить* > *шершить*.

26. **рахати*

В данной работе принимается точка зрения о гомогенности глаголов **рахати* 'мести', **рахати* 'вспахивать землю' и **рахати* 'издавать запах'. На основе перехода 'махать' > 'мести' > 'грести' у приставочных глагольных образований с корнем **рах-* развивается и значение 'воровать': диал. новг. *опахать* 'подмести веником', 'съесть сразу все', 'обокрасть полностью' [НОС, т. 7, с. 5], арханг. *выпахать* 'вымести, выгрести, пахать, украсть' [Арханг., т. 8, с. 61].

27. **stradati*

Первичная семантика пр.-сл. **stradati* в большинстве славянских языков изменилась в 'собирать урожай' > 'страдать, бедствовать' на основе представления о сельскохозяйственном труде как о трудоемком (ср. родственное лат. *strēnuus* 'усердный', норв. *sterren* 'упрямый'), ср: рус. диал. *страдать* 'косить сено, собирать урожай' (при диал. рус. *постра́да* 'конец жатвы'), др.-рус. *страдати* 'стараться, добиваться' (смол.грам. 1229 г.) (др.-рус. *страдати*, *страждоу* (*стражда, акы полоньникъ; до пятого часа страдавшие всею силою*) [Срезневский, т. 3, с. 531]), болг. *страда́я* 'страдать', сербохорв. *страдати* то же, словен. *strádati*, чеш. *strádati*, словц. *strádat'*, польск. *stradać*, в.-луж. *tradać* — все со значением 'бедствовать' [Фасмер, т. 3, с. 770]. Значение 'воровать' представлено только в рус. говорах: урал. *страдавать* 'работать на сенокосе или уборке хлеба', '(шутл.) воровать овощи в огороде, в поле' (*пошли горох страдавать!*) [СРГСУ, т. 6, с. 66]. Значение 'воровать' в диалекте появилось на основе семы 'собирать, сгребать', первичное значение довлеет над вторичной семантикой присвоения, с чем связано обозначение узкопрофессиональной кражи.

28. **buriti*

Для пр.-сл. **buriti* восстанавливается первичное значение '(круговое) беспорядочное движение': ср. болг. *бúри* 'надвигаться (о грозе)', словен. *búriti* 'бушевать', ст.-чеш. *búřiti se* 'бушевать', чеш. *bouřiti* 'греть (о грозе)', словц. *búrit'* 'бушевать, греть', польск. *burzyć się* 'бушевать', 'бродить', рус. стар. *буритися* (о море), *бурить* 'раскидывать врозь', *бúрить* 'бурлить', укр. *бúрить* 'рыть', 'возмущать', давшее в некоторых славянских языках и диалектах значение 'разрушать, разорять': польск. *burzyć* 'разрушать, уничтожать', словин.

būřēs 'разрушать', диал. зап.-брянск. *бурьить* 'разорять, валить', ст.-укр. *бурити* 'разрушать, уничтожать', укр. *бурити* 'разрушать, ниспровергать', блр. *буриць* 'разорять, обрушивать' [ЭССЯ, т. 3, с. 98-99]. Диал. урал. *убуровить* '(экспр.) увезти, унести, утащить' (*наш-от лес капиталист этот убуровил*) [СРГСУ, т. 6, с. 120], кажется, является семантическим и формальным продолжением сибир. *буровить* 'бороздить, тащить, волочить тяжесть' [СРГС, т. 1, с. 103]. В свою очередь, значение 'тащить', видимо, является параллельным с 'разорять' от общего исконного 'вращать', поэтому мотивационной основой для 'красть' следует считать именно 'тащить'.

В русском жаргоне представлено *бурить* 'врать' [Елистратов, с. 53], вновь указывающее на связь значений 'врать' и 'воровать'.

29. *žegti (< *gegti)

Для пр.-сл. *žegti на основе продолжений во всех славянских языках со значением 'жечь' можно восстановить значение 'жечь, гореть', унаследованное корнем *geg- из и.-е. языка [Фасмер, т. 2, с. 38]. В СРЛЯ бесприставочного глагола нет, но он присутствует в говорах: например, арханг., карел. *жигать* 'стегать, бить', 'бросать', 'жалить, обжигать', 'щипать', 'причинять ущерб', *жигануть* 'причинить вред, остаться без чего-либо' [СРНГ, т. 9, с. 165], сев. *жигать* 'бить, ударять, стегать', *жигнуть* 'ужалить, стегать' [СРГС, т. 1.2, с. 125]. От корня с данной ступенью чередования при помощи довольно активного суффикса *-ан-* (*молокан, истукан*) образуется *nomen agentis* - диал. урал. *жиган* 'озорник, мошенник, хулиган, вор' [СРГСУ, т. 1, с. 159], при сибир. *жигань* '(экспрес.) опытный каторжник' [СРСР, т. 1.2, с. 125] (ср. рус. *прожженный*). С первичным корневым *e* (> *ě*): диал. помор. *жобгать* 'красть, брать без отдачи' [Дуров, с. 117], карел. *жогнуть* 'ударить, выпить водки, поехать, украсть' [Карел., т.2, с. 74]. Таким образом, восстанавливается следующая семантическая

цепочка: 'обжигать' > 'жалить' > 'сделать быстро' > 'украсть'. Параллельно с 'красть' в гнезде развивается значение 'хулиганить', откуда: диал. сибир. *жиган* 'хулиган', *жаганьё* 'хулиганы' [СРГС, т. 1.2, с. 125], *обжиганиться* '(экспрес.) избаловаться, привыкнуть к предосудительным поступкам, мелкому хулиганству' [СРГС, т. 3, с. 21], карел. *жога* 'изворотливый человек, пройдоха' [Карел., т.2, с. 73].

30. **vorgъ*

В славянских языках продолжения пр.-сл. **vorgъ* имеют только значение 'враг, убийца, черт', ср. и ст.-рус. *ворогъ* 'недруг, злодей', 'неприятель', 'сатана, дьявол' [СРЯ, т. 3, с. 32]. Диал. новг. *вóрог* 'вор', 'неслух, баловник' [НОС, т. 1, с. 136], волог. *ворог* 'злоумышленник, преступник' [Волог., т. 1, с. 83] являются следствием перенесения обозначения врага на не менее опасного человека — вора.

31. **lěsъ*

Продолжения пр.-сл. **lěsъ* имеют значения 'лес (лиственный)', 'срубленные деревья, бревна', 'строительный материал', 'какое-либо приспособление, орудие для ловли рыбы и под.', 'ветки, побеги' [ЭССЯ, т. 14, с. 249]. Версия, принятая большинством этимологов, связывает слав. **lěsъ* с лит. *laĩškas* 'лист' [Marvan, p. 30], что поддерживается славянским материалом: см. выше 'лиственный лес, ветки, побеги'. Поэтому предполагается, что **lěsъ* исконно был термином подсечного земледелия: при подсечном земледелии вторично вырастают только лиственные деревья: береза, орех, осина, ольха. Поэтому пр.-сл. **lěsъ* < **uloi-kos* < **uel-* 'рвать, драть, бить' [ЭССЯ, т. 14, с. 252]. К этому гнезду относится диал. урал. *лесовáтъ* 'охотиться', 'работать в лесу

(собирать шишки, рубить лес)', 'воровать (*она, может, дома лесует, сахару ищет*)' [СРГСУ, т. 2, с. 93]. Здесь значение развивается от 'собирать' > 'добывать', что следует из первичного значения диалектного глагола: 'промышлять (в лесу)' > 'добывать' > 'воровать'. Следовательно, при окончательном затушевывании исконного значения корня **lěs-* мотивационной базой для урал. *лесовать* становится обозначение места промысла преступника.

32. **stebati*

Пр.-сл. **stebati* 'хлестать', ср.: укр. *стібати* 'хлестать', блр. *сцебаць* 'хлестать', польск. *naściebać* 'нанизать', рус. *сте́бка* 'прут', блр. *сцёб* 'розга' [Фасмер, т. 3, с. 750]. Предполагается родство с **stegati* 'колоть'. Сюда относят и рус. смолен., н.-новг. *стеба́ть* 'шить', 'хлестать' [Даль, т. 4, с. 320], далее диал. сиб., волог. *стебеніть* 'шить, чинить, стегать ииглой', арханг. 'полоть', диал. *стебуня́ть* 'шить ииглой кое-как', *стебу́нина* 'плохое шитье' [Даль, т. 4, с. 320]. Вторичное значение 'шить' дало диал. сиб., волог. *стебеніть* 'бежать скорой походкой, тараторить' [там же], первичное 'хлестать, бить' развивается в 'украсть': диал. урал. *стебану́ть* 'резко, сильно ударить', 'украсть' [СРГСУ, т. 6, с. 58], селигер. *пристебрéнить* 'украсть, присвоить чужое' [Селигер, т. 5, с. 142], - при переосмыслении 'бить' как 'выбить'. Второй глагол является, кажется, результатом экспрессивного наращивания основы.

33. **lupiti*

33.1. Radix / verbum

Пр.-сл. **lupiti* 'шелушить, чистить', восстанавливаемое на основе точных славянских соответствий [ЭССЯ, т. 16, с. 183], восходит к и.-е. **leup-/ *loup-/*

loub-* ‘драть, сдирать, рвать’. Значение ‘красть’ в данном гнезде развивается независимо во многих славянских и неславянских и.-е. языках: ср. латыш. *laupīt* ‘грабить, похищать, обдирать’, др.-инд. *lumpati* ‘грабить, уничтожать’ [там же]; чеш. *loupiti* ‘очищать, лущить, грабить, опустошать’, польск. *łupić, łupię* ‘лупить, грабить, бить’, [там же], чеш. *lupič* ‘грабитель’, польск. устар. *łupież* ‘разбой, грабеж, кора’ [Черных, т. 2, с. 495]; др.-рус. **лоупити ‘грабить, обирать’ [СДРЯ, т. 4, с. 435], **лупити** ‘сдирать’, ‘срывать одежду, грабить’, ‘сильно бить’ (Ник. л. XI в.) [СРЯ, т. 8, с. 307], ст.-рус. **лупить** ‘очищать, снимать кору, скорлупу’, ‘брать очень высокую плату’, ‘сильно бить’, ‘бежать быстро, тарашить глаза’ [СРЯ 18 в., т. 11, с. 245], рус. молод. сленг. **лупить** ‘вымогать деньги, грабить’ [Никитина, с. 359]. То же в приставочных образованиях: др.-рус. **полоупити** ‘ограбить (сняв одежду, украшения)’ (Новг. I л. 1359 г.) [СДРЯ, т. 7, с. 95], др.-рус. **из(ъ)лупити** ‘ограбить, сняв одежду’, ‘очистить от коры, скорлупы, кожицы’ (Ипат. л. 1372 г.) [СРЯ, т. 6, с. 168].

33.2. Nomen actionis

Др.-рус. **лоупежь** ‘грабеж’ (Обр. вер.) [Срезневский, т. 2, с. 55] и др.-рус. **лоупленик** ‘грабеж’ (Новг. I л. 1359 г.) [там же], [СРЯ, т. 8, с. 307] просуществовали примерно до XVII в. и исчезли из СРЛЯ вместе с вышеописанными приставочными глаголами.

33.3. Nomen agentis

Nomen agentis в данном гнезде засвидетельствован довольно поздно: ст.-рус. **лупитель** ‘грабитель’ (Праздник каб. XVII в.) [СРЯ, т. 8, с. 307] и было утрачено в СРЛЯ.

34. **lubъ*

Родственным гнезду **lupiti* является гнездо корня **lub-* < и.-е. **loubo-* 'что-то плетенное' [ЭССЯ, т. 16, с. 156, 183], ср. лит. *lubá* 'доска', *lúbos* 'дощатый потолок', *lúobas* 'еловая или липовая кора', лтш. *luba* 'луб', др.-прусск. *lubo* 'тесина', лат. *liber* (<*lubro*) 'лыко, книга', алб. *labë* 'кора, пробка', др.-исл. *laupr*, др.-англ. *léap* 'корзина, верша', др.-в.-нем. *louft* 'кора, лыко', *luoba* 'навес', ирл. *luchtar* 'лодка' [Фасмер, т. 2, с. 526], болг. луб 'деревянный обруч', сербохорв., словен. *lûb* 'древесная кора', чеш. *lub* 'обод, обруч', чеш. диал. *lub* 'лыко', словац. *lub* 'обод', польск. *lub* 'кора, коробка', др.-рус. **ЛУБЪ** 'береста, луб', 'короб', 'сделанный из луба кузов саней', укр. луб 'луб', блр. луб 'луб' [ЭССЯ, т. 16, с. 157]. Для пр.-сл. **lubъ* восстанавливается значение 'кора, лыко, доска', которое при присоединении префикса **ra-* 'под, после, соответственно' сформировало **paluba* 'сделанное из досок' [Фасмер, т. 3, с. 181] (ср. вят. *палуб* 'косяк наливного мельничного колеса', твер., новг. *палуба* 'тес', 'обрешетка стропил крыши', 'навес над лодкой из досок для защиты от дождя' симб. *пáлубина* 'толстая кора липы', краснояр. палубка 'торба для кормления лошади', урал. то же 'деревянный настил лодки', 'деревянный настил саней' [СРНГ, т. 25, с. 177—178]), откуда глагол волог. *пáлубить* 'делать обрешетку стропил', свердл. то же 'обшивать дом тесом' [там же]. При помощи приставки **o-* образовался глагол диал. урал. **опáлубить** 'обить дом с внешней стороны тесом', '(экпр.) обокрасть', 'съесть все без остатка' [СРГСУ, т. 3, с. 58]. Значение 'обокрасть' сформировалось, вероятно, не на основе первичного 'оборвать (кору), обтесать (доски)', а на основе значения 'обхватить целиком' < 'покрыть (досками)'. Таким образом, *опалубить* можно трактовать как 'ободрать', что поддерживается и формально (ср. *опустошить*), как 'сделать место голым как палуба'.

35. *vorobyjъ

К рассматриваемому полю принадлежит производное от *воробей* — диал. дон. *воробейник* ‘вор’ [СРДГ, т. 1, с. 12]. Основой для значения ‘вор’ послужило представление о юркости, подвижности птицы, которая умеет выхватить пищу в весьма неблагоприятных условиях сосуществования с человеком и домашним скотом (ср. диал. одесс. *жид* ‘воробей’ [Карпенко, т. 1, с. 197]). Интересно диал. прикам. *воробей* ‘(ирон.) о женившемся и переехавшем жить в дом жены’ [Прикамье, т. 1, с. 135], развившее свое значение по той же мотивации (= *нахлебник*).

36. *carapati

Многие ученые, в том числе и Фасмер, предполагают для пр.-сл. **carapati* звукодражательную природу, но при этом остается неясным, какое междометие лежит в основе слова. В состав славянского гнезда входят следующие слова: словац. *capartit* ‘разрывать на мелкие кусочки’, словац. *capart* ‘клочок’, чеш. *cár* ‘лоскут’ [Черных, т. 2, с. 361], рус. диал. *царапать* ‘драть, скрести, цапать, саднить’, *царапнуть* ‘схватить, треснуть’ [Даль, т. 4, с. 570], которые доказывают знаменательность корня со значением ‘рвать, разрывать что-то схваченное’ (ср.: *кошки поцарапались порядком* [Даль, т. 4, с. 570], явно синонимичное *кошки подрались*). На основе параллели диал. вост.-сибир. *царапать* ‘грести веслом’ [там же] и сербохорв. *грибати* ‘царапать’ есть все основания утверждать об обозначении корнем не только ‘драть, рвать’, но и движения, совершаемого при этом: ‘рвать, совершая хватательные движения при помощи когтей’. На основе этого появляется семантика ‘красть’ у диал. новг. *царáпнуть* ‘взять что-то (*она царапнула мешок муки и убежала*)’ [НОС, т. 12, с. 29].

37. *skrebtī

Пр.-сл. *skrebtī: рус. *скрести*, укр. *скребті́*, блр. *скреба́ць*, цслав. *оскребѣж*, словен. *škrébtī*, с другой ступенью чередования: словен. *škrábtī*, чеш. *škrabati*, словц. *škrabať*, польск. *skrobać* — все со значением 'царапать, скрести' [Фасмер, т. 3, с. 656], сюда же рус. разг. *шкрябать*, диал. *скробать* 'скрести, чесать' и дон. *скрѡпчити* 'украсть (*скропчил корову и продал*)' [СРДГ, т. 3, с. 126]. Семантика 'красть' сформировалась вследствие метафорического переноса с обозначения стребательного движения. Формально, кажется, глагол является результатом вторичного присоединения инфинитивного форманта: *skrobtī > *скробтити > *скробчить с дальнейшей регрессивной ассимиляцией бч > пч.

38. *blaz-

Пр.-сл. *blaz- 'быть не в своем уме' < и.-е. *bhlāg- 'бить' (ср. лат. *flagrum* 'бич' [ЭССЯ, т. 2, с. 105-107]); отражение первичной семантики возможно в диал. сибир. *заблажить* 'растерзать, задрать (о звере)' [СРГС, т. 1.2, с. 143]); от глагола образовано пр.-сл. *blaznъ 'одержимый, умалишенный' [ЭССЯ, т. 2, с. 105—107]. Ср. русские продолжения: др.-рус. *соблажить* 'соблазнение', 'заблуждение', 'искушение', 'проступок, грех', 'падение' [СРЯ, т. 26, с. 16], др.-рус. *блажь* 'нелепость, вздор', 'сумасбродный человек' [СРЯ 18 в., т. 2, с. 59], др.-рус. *блажить* 'дурить' [СРЯ 18 в., т. 2, с. 58], ст.-рус. *блажной* 'негодный, плохой, дурной' [СРЯ 18 в., т.2, с. 58]; диал. псков. *блажь* 'что-то плохое, дурь, самодурство', *блажить* 'баловаться, шалить, безобразничать', *блажной* 'дурного нрава, буйный, любящий шалить, отбивающийся от стада, приносящий вред (*цыплёнка унясла блажная кашчёнка*)', *блажнѣк* 'озорник, обманщик, притвор' [ПОС, т. 2, с. 34—35], алт. *блажить* 'прикидываться не тем, кто есть, врать' [Алтай т.1: 171], *блазнѣть* 'обманывать, соблазнять' [Алтай, т. 1, с. 174], *блажь*

'притворное дурачество' [Алтай, т. 1, с. 173], *бла́жной* 'притворяющийся' глупым, неприрученный' [Алтай, т. 1, с. 172]. На основе представленного материала можно предположить, что значение, давшее начало значению 'воровать', было 'притворяться, обманывать' (ср. *вор*): диал. новг. *сблажѣть* 'украсть, похитить' [НОС, т. 10, с. 15].

39. **myzgati*

Пр.-сл. **myzgati*, известный лишь русским диалектам, обозначал движение особого типа: 'двигаться взад-вперед, шататься, ёрзать' (ср.: *замызганный* 'истертый, испачканный') [ЭССЯ, т. 21, с. 89], и, по мнению Преображенского и Фасмера, является производным от **mykati* 'двигать, дергать' [Преображенский, т. 1, с. 574], [Фасмер, т. 3, с. 23]. Во многих великорусских диалектах *мызгать* имеет также значение 'бежать' [Даль, т. 2, с. 364], присущее также и родственному глаголу *мызгнуть* / *мызнуть* 'быстро убежать, сбежать' [ЭССЯ, т. 21, с. 89]. Именно последний развивает значение 'украсть': диал. урал. *мызнуть* 'сбежать, убежать, украсть' [СРГСУ т.2: 149], рус. сибир. *смызнуть* 'украсть, уйти тайком' [СРГС, т. 4, с. 361]. Быстрое, юркое передвижение в пространстве породило семантику 'красть'.

40. **sila*

40.1. Radix

Пр.-сл. **sila* в этимологическом отношении – темное слово. Пр.-сл. значение слова восстанавливается как 'естественная способность к чему-либо', ср.: укр. *сила*, блр. *сіла*, *асілак* 'силач', болг. *сила*, *силя се* 'силюсь', србхрв. *си́ла* 'сила', 'множество, масса', *си́лити* 'принуждать', *си́лити се* 'стараться, хвастаться', словен. *sila*, *siliti* 'принуждать, заставлять', чеш. *síla*, *silák* 'силач',

словац. *sila*, *silák* ‘силач’, *silit’ (sa)* ‘принуждать’, польск. *sila*, *silacz*, *silić się*, в.-луж. *syła* ‘множество, масса, толпа’, *silny* ‘сильный’, н.-луж. *sylny* ‘сильный’ [Черных, т. 2, с. 162]; др.-рус. **сила** ‘естественная способность’, ‘мощь, сила телесная’, ‘духовная сила’, ‘могущество, власть’, ‘проявление сверхъестественной силы’, ‘насилие, произвол’, ‘множество’, ‘войско’, ‘народ, племя’ [Срезневский, т. 3, с. 348—351]. Дальнейшие связи этого слова остаются неясными.

40.2. Verbum

Исторические словари фиксируют семантику ‘присваивать’ у отыменных приставочных глаголов гнезда только к X V I в.: ст.-рус. **НАСИЛОВАТИ** ‘притеснять’, ‘насильственно обладать, мучить’, ‘оказывать давление’, ‘насиловать’, ‘отнять силой’ (Д. патр. Никона 1660 г.) [СРЯ, т. 10, с. 245]. Семантика воровства появляется на основе значения ‘проявлять силу’, ‘с силой’, на что указывает и приставка **na-* ‘через, посредством’, ср.: лтш. *núo* ‘от, из, с’, др.-прусск. *no*, *na* ‘сообразно, по’, авест. *ana* ‘через’ [Фасмер, т. 3, с. 33].

От этого глагола образуется другой приставочный глагол – ст.-рус. **ПОНАСИЛОВАТИ** ‘начать притеснять’, ‘овладеть чем-либо силой’ (Каз. ист. XVI в.) [СРЯ, т. 17, с. 47].

40.3. Nomen actionis / objectis

Nomen actionis др.-рус. **НАСИЛЬСТВО** ‘притеснение’, ‘насильственный захват ч.-л., самовольное пользование ч.-л.’, ‘то, что взято насильно’, ‘изнасилование’, ‘тирания’ (АХУ III 1546 г.) [СРЯ, т. 10, с. 247] является одновременно и nomen objectis.

40.4. Nomen agentis

Единственным *nomen agentis* гнезда является др.-рус. **СИЛЬНИКЪ** ‘властитель’, ‘богатырь’, ‘насильник, грабитель’, ‘бунтарь’ (Львов. лет. XVI в.) [СРЯ, т. 24, с. 141], во многом пересекающийся семантически с *силач*.

Все гнездо теряет семантику поля к XVII в. (см. гл. III).

41. *vojь

41.1. Verbum

И.-е. *uei- : uoi- имел значение ‘гнать, преследовать’, ‘применять силу’, ‘быть сильным’ [Рокорну (int)], ср.: лит. *vejú* ‘гнать, преследовать’, др.-инд. *vēti* ‘преследует, стремится к’, авест. *vayeiti* ‘гонит, преследует’, лат. *vēnor* ‘охотиться’, др.-исл. *veiðr* ‘охота’, д.-в.-нем. *weida* ‘охота’, ирл. *fíad* ‘дичь’ [Фасмер, т. 1, с. 334]. К этому гнезду принадлежат пр.-сл. **vojь* (при отсутствии в праславянском производящего глагола), откуда др.-рус. **ВОИ** ‘воин’, ‘войско, силы’, ‘война’ [Срезневский, т. 1, с. 284], от которого др.-рус. **ВОКВАТИ** ‘воевать’, разорять (приходиша ѿмь и вокваша область Новгородскою) (Новг. I л. 6650 г.) [Срезневский, т. 1, с. 279]. Закрепляется новая семантика в образовании с приставкой *по-*: др.-рус. **ПОВОЕВАТИ** ‘завоевать’, захватить в качестве добычи, пограбить (Смол. гр. 1386 г.), ‘воевать некоторое время’ [СРЯ, т. 15, с. 164].

41.2. Nomen adjectivum, actionis

От этого глагола образуется причастие, впоследствии ставшее прилагательным др.-рус. **ПОВОКВАНЫЙ** ‘разграбленный, разоренный’, ‘подвергнувшийся нападению’ (Ипат. л.) [СДРЯ, т. 6, с. 472], а также *nomina*

actionis др.-рус. *повоевание* ‘покорение’, ‘разграбление, разорение’ (Библ. Генн. 1499 г.) [СРЯ, т. 15, с. 164].

В СРЛЯ и диалектах данное гнездо в ЛСП ‘присвоение чужого’ не представлено.

42. **tʁgati*

Пр.-сл. **tʁgati* связан древними чередованиями согласных и гласных с **tʁzati* ‘рвать’, ср.: др.-рус. *тʁгатисл* ‘рваться’ [Срезневский, т. 3, с. 1051], болг. *тʁзам* ‘рву’, србхрв. *тʁзати*, словен. *tʁzati* – все со значением ‘рвать, дергать, щипать траву’ [Фасмер, т. 4, с. 48]. В древнерусском языке на основе значения ‘оторвать’ формируется ‘отнять’: др.-рус. *отторгати* ‘оторвать’, ‘разграбить, ограбить’ (Моск. лет.) [СРЯ, т. 14, с. 51], др.-рус. *отътʁгнути* ‘оторвать, сорвать’, ‘взять силой, захватить (землю)’, ‘отстранить’ (КЕ XII в.) [СДРЯ, т. 6, с. 297]. На резкость удаления предмета от бывшего хозяина указывает приставка *отъ-*, компонент же ‘силой’, который отсутствовал на всех предыдущих этапах, видимо, появился от того же переосмысления компонента ‘резко’, который точно был свойственен древней семантике ‘рвать, оторвать’. В СРЛЯ глаголы закреплены исключительно за обозначением отнятия земли и под.

43. **pakostʹ*

Пр.-сл. **pakostʹ* имело значение ‘вред’, ср.: укр. *пакість*, блр. *пакосць*, др.-рус., ст.-сл. *пакость*, болг. *пакост* ‘вред’, србхрв. *пакѠст* ‘злоба’, словен. *pákost* ‘превратность’, чеш. *pakostʹ* ‘пакость’, польск. *pakość*, в.-луж., н.-луж. *pakosć* то же [Фасмер, т. 3, с. 189]. Думается, в качестве производящей основы для

пакость в соответствии с версией Черныха следует признать пр.-сл. **kostь* с приставкой **ра-* (ср. *пагуба*), так что прослеживается такой путь развития значения: ‘костный нарост’ (ср.: в.-луж. *pakósc* ‘костный нарост’, чеш. *pakostnice* ‘подагра’ [Черных, т. 1, с. 616]) > ‘болезнь’ (ср.: др.-рус. *пакость* ‘болезнь’ (*прокажении чистятъся, пакости и скръви рѣшатъся*) [Срезневский, т. 2, с. 864]) > ‘вред, несчастье, зло’ > ‘воровство’. Весь этот спектр значений зафиксирован у др.-рус. *пакость* ‘вред, зло’, ‘разорение, грабеж’ (Дог. Ол. 907 г.), ‘несчастье’, ‘мучение’, ‘болезнь’, ‘помеха’, ‘недостаток’, ‘обида’, ‘обман’, ‘скверный поступок’ [Срезневский, т. 2, с. 863—865] при дальнейших продолжениях: диал. сибир. *поко́сть* ‘хулиганство, воровство, вред, хулиган’ [СРГС, т. 3, с. 349], сибир. *ка́пость* ‘пакость’, ‘пакостник’, ‘вор’ [СРГС, т. 5, с. 61-63] (с межслоговой метатезой), *поко́сливый* ‘пакостный, вороватый’ [СРГС, т. 3, с. 348] и у глагола, образованного от него, – др.-рус. *пакостити* ‘делать неприятности’, ‘грабить, разбойничать’ (Дог. Игор. 945 г.) [СДРЯ, т. 6, с. 340], диал. сибир. *поко́ститъ* ‘хулиганить’ [СРГС, т. 3, с. 349], карел. *спакоститъ* ‘украсть, утащить’ [Карел., т. 6, с. 244].

44. **velkti*

44.1. Verbum

И.-е. **uel-k-* имел значение ‘тянуть, волочить’, ср.: лит. *velkù, veĩkti* ‘тащить’, лтш. *vilkt* то же, авест. *varək-* ‘тащить’, лат. *sulcus* ‘борозда’, *sulcare* ‘пахать’, алб. *helk* ‘тяну, срываю’, оно же было унаследовано пр.-сл. **velkti* и всеми его славянскими продолжениями, в т.ч. др.-рус. *волочи* [Фасмер, т. 1, с. 342]. Бесприставочной форме значение ‘красть’ знакомо лишь в диалектах: печор. *воло́кчи* ‘тащить, воровать (о животных)’ [Печора, т.1, с. 83]. Тогда как приставочным — с древнерусского языка: др.-рус. *съволочи* ‘снять, сбросить’, ‘раздеть, отнять одежду у кого-либо’ (Лук X 30. Юр. ев. п. 1119 г.)

[Срезневский, т. 3, с. 662], ст.-рус. ‘отнять’ (Равел. а. 1674 г.), ‘снять одежду’ [СРЯ, т. 23, с. 194]. Др.-рус. *привлѣщи* приобретает значение ‘присвоить, завладеть’ наравне с заимствованными вместе с формой из ст.-сл. значениями ‘побудить прийти куда-н.’, ‘привести в к.-л. состояние’, ‘привлечь, склонить’ [СДРЯ, т. 8, с. 377] (ст.-сл. *привлѣщи* ‘притянуть, притащить, подтащить, привести силой’ [Старославянский словарь, с. 500]). Позднее образуются рус. *уволочить*, рус. жарг. *уволакивать* ‘красть’ [Елистратов, с. 420], диал. волог., печор. *разволочить* ‘унести, украсть, разворовать’ [Волог., т. 9, с. 11], [Печора, т. 2, с. 198].

44.2. Nomen agentis

В гнезде формируется единственное nomen agentis — ст.-рус. *сволочь* ‘сброд, воришки, негодяи’ (Южн. 65. 1601 г.) [СРЯ, т. 23, с. 195], возможно, с первичным ‘мусор, собранный в одно место’ [Шанский, с. 404]. Значение ‘вор’ у имени *сволочь* появилось, видимо, на основе значения ‘плохое’ < ‘мусор’, а не на основе семы ‘тащить’, как у производящего глагола. Это интересный случай формирования семантики кражи в пределах гнезда по разным мотивационным моделям.

45. **tvoriti*

И.-е. источник пр.-сл. (балто-слав.) **tvoriti* изначально имел значение ‘хватать’, ср. : лит. *tvėrti* ‘схватывать’, лтш. *tvert* ‘хватать, держать’, *tvarstīt* ‘хватать, ловить’, др.-прусск. *turīt* ‘иметь’ [Фасмер, т. 4, с. 34], в славянских языках развилось значение ‘делать, творить’, ср.: др.-рус. *тварь* ‘изделие’, ‘предмет’, ‘творение’, ‘мир, вселенная’, ‘устав, обычай’, ‘вид, облик’, ‘драгоценность’, ‘владение’ [Срезневский, т. 3, с. 930—932], ст.-сл. *тварь* ‘создание, творение’ [Старославянский словарь, с. 690]; др.-русс. *творь* ‘вид,

наружность', 'притворство', 'свойство' [Срезневский. т. 3, с. 938], ст.-сл. **творъ** 'создание, творение' [Старославянский словарь, с. 692], в укр., србхрв., словен., чеш., слвц., польск. и лужицких языках продолжения пр.-сл. **tvorъ* — 'создание, творение' [Фасмер, т. 4, с. 33]. На основе современной семантической модели многих индоевропейских языков (ср.: рус. *наделать, натворить* 'сделать что-то плохое, не так, как положено', англ. *make away* 'украсть') есть основания предполагать, что именно семантика 'создавать, делать' была базой для развития значения 'хулиганить, поступать противозаконно' (без участия первичного 'хватать'). Значение же 'хулиганить', как показывает настоящее исследование, неразрывно связано с 'воровать', отсюда др.-рус. **възтворити** 'присваивать' (Лавр. л.) [СДРЯ, т. 2, с. 131].

46. **teg-* / **tez-*

Пр.-сл. **teg-* / **tez-* имел значение 'тянуть, тащить' < и.-е. **tengh-* [Pokorny v. 1, p. 1067], ср.: укр. *тягти, тягнути* 'тянуть', блр. *цягнуць* то же, болг. *тѣгна* 'имею вес, обременяю', србхрв. *тѣгнути* 'тянуть, весить', чеш. *tahat* 'тянуть, таскать', словац. *t'ahat* 'тянуть, продвигаться', польск. *ciągnąć* 'тянуть' [Черных, т. 2, с. 278], др.-рус. **тагати** 'тянуть, дергать' [Срезневский, т. 3, с. 1097]. Эта семантика вместе со значением приставки **vu-* сформировало др.-рус. **вытазати, вытагати** 'отнимать, вырывать' (Гр. ок. 1300 г.) [СДРЯ, т. 2, с. 258], 'таща, извлечь', 'удалить', 'заставить отдать силой, хитростью' [СРЯ 18 в., т. 5, с. 60]. Глаголы с суффиксом *-ну-* подчеркивают быстроту действия: диал. псков. **вытянуть** 'вырвать, украсть, унести' [ПОС, т. 6, с. 87], рус. **стянуть** 'украсть', опять же на основе древнейшего значения корня.

47. **vezti*

У и.-е. **ueg'h-* : **uog'h-* > пр.-сл. **vez-* 'двигать везя, тянуть' [Фасмер, т. 1, с. 286] на основе обозначения особого типа передвижения предмета (таща, толкая) еще в и.-е. эпоху начало зарождаться значение 'воровать', ср.: алб. *vjeth* 'краду' [Фасмер, т. 1, с. 286]. В русском языке это значение фиксируется лишь в старорусский период у приставочного образования: ст.-рус. **сВЕЗТИ** 'везя, доставить куда-то', 'привезти ч.-л. в большом количестве', 'увезти откуда-н.', 'украсть, увезти к.-, ч.-л. тайком' (Равел. а. I 1567 г.) [СРЯ, т. 23, с. 107]. В развитии этой семантики не последнюю роль сыграло значение приставки: 'свезти в сторону'. Формально-семантическое сходство ст.-рус. **сВЕЗТИ** и алб. *vjeth* позволяет говорить о сходстве представлений о воровстве в весьма территориально отдаленных друг от друга индоевропейских языках.

48. **gręzъ*

Пр.-сл. **gręz-* 'погружать(ся), тонуть' (> рус. *грязь*) [ЭССЯ, т. 7, с. 151], ср.: лит. *gramzdýti* 'погружать', *gramzdùs* 'глубоко вязнущий' [Фасмер, т. 1, с. 463]. Продолжения в других славянских и индоевропейских языках не позволяют восстановить значение 'красть' ранее великорусского периода: диал. псков. **вЫгрузить** 'вынуть груз, освободить помещение, украсть, унести (*в амбари фсё выгразили*)' [ПОС, т. 5, с. 146]. Мотивационной моделью представляется перемещение / удаление предмета, усиленное префиксом **вЫ-** (ср. *вытащить*).

49. *čistь

Пр.-сл. *čist- 'чистый, ясный' имеет продолжения во всех славянских языках, ср. также: др.-прусск. *skijstan* 'чистый', лит. *skaidrūs* 'ясный, сияющий' [Фасмер, т. 4, с. 367]. Дальние родственные индоевропейские языки помогают восстановить и первичное значение, имплицитно присутствующее и в русском *чист-* - 'очищенный от чего-либо' (ср. однокор. англ. *sky* этимологически 'безоблачное небо', лат. *scindo* 'раскалывать', греч. *σχίζω* 'раскалываю', др.-инд. *chinátti* 'раскалывает' [там же]), которое и позволило в русском языке сформироваться значению 'воровать': рус. разг. *обчистить квартиру*, диал. псков. *вычистить* 'сделать чистым, украсть, унести (*фсё воры вычистили*)' [ПОС, т. 6, с. 101], смолен. *обчищать* 'обчищать, обкрадывать' [Смолен., т. 2, с. 515].

50. *ševeliti

Пр.-сл. *ševeliti 'двигать(ся)', ср.: блр. *шаволіць* 'шевелить, рыться', болг. *шáвам* 'двигаю', нж.-луж. *šawliś* 'бродить, шататься'; при др.инд. *суávate* 'двигаться', авест. *šyav-* 'приходить в движение', гот. *skewjan* 'странствовать' [Фасмер, т. 4, с. 420]. На основе обозначения передвижения предмета — диал. псков. *вышевелить* 'выпихнуть, украсть' [ПОС, т. 6, с. 103].

51. *luskati

Пр.-сл. *luska 'твердая оболочка чего-либо', *luskati / *luščiti 'снимать шелуху, обдирать', [ЭССЯ, т. 16, с. 188-191] при соединении с архаичной приставкой *ше-/ще-* образовало глагол, который и развил значение 'красть': диал. псков. *вѣшелушить* 'вылущить, вытрясти, вытащить, украсть (*фсё в саду*)'

вышгьлушыли, пака дома не была)' [ПОС, т. 6, с. 104], рус. жарг. *отшелушить* 'отобрать деньги' [Елистратов, с. 273].

Помимо пр.-сл. **luskati* как звонкий вариант основы существовали глаголы пр.-сл. **luzgati* 'бить, чистить, лущить', **luzgnoti* 'ударить, хлестнуть' [ЭССЯ, т. 16, с. 216—217] > рус. диал. *лузнуть* 'ударить, хлестнуть', с дальнейшими производными: диал. *лузать* 'лущить, щелкать', костр. *лузить* 'хлепать' [СРНГ, т. 17, с. 185]. Последняя диалектная форма подвергается поздней дифтонгизации корневого гласного в русских говорах, имеющей экспрессивную природу [Варбот, 2012, с. 63], подчиненной распределению силы звука в слове условиям фразовой интонации [Высоцкий, с. 29—32] и без влияния в данном случае народной этимологизации [Варбот, 2003, с. 49—62]: следы вторичной дифтонгизации обнаружены в русских воронежских говорах и офенском арго: ворон. *лаузить* 'красть, воровать' [СРНГ, т. 16, с. 293], офен. 'ругать' [Бондалетов, с. 51], семантическая база которых опять же — 'лущить, хлестать', относительно 'ругать' ср. семантически рус. *стебать* 'хлестать' и 'насмехаться'.

52. **ščekotati*

Пр.-сл. **skъkъt-* / **ščekot-* < и.-е. **skek-* 'прыгать, быстро двигаться' [Рокорну, v. 1, p. 922—923, v. 2, p. 573], ср.: цслав. *скъкътати* 'щекотать', болг. *скокот* 'щекотание', *скокотя* 'щекочу', сербохорв. *чкъкъати* 'щекотать' [Фасмер, т. 4, с. 500]. Глагола гнезда **skъk-* / **šček-* (на родство которых впервые указал Якобсон [Якобсон, с. 84—85]) обнаруживают развитие семантики от обозначения быстрого, резкого движения, прикосновения до отрывания, откусывания: сюда относятся др.-рус. *уцъкнѹти* 'ущипнуть', рус. *чкнуть* 'ударить', рус. диал. вост. *щечить* 'теребить, дергать, щипать; таскать украдкой', рус. диал. вост. *ущекотать* 'оборвать' [Варбот, 2012, с. 273—275], а также диал.

псков. *вѣщекотать* 'вытащить, украсть' [ПОС, т. 6, с. 107], смолен. *общекотать* 'обокрасть' [Смолен., т. 2, с. 517]. Значение 'украсть' базируется, очевидно, на 'обрывать': ср. диал. кур. *птицы ощекотали все ягоды, птица щечит вишню* [Варбот, 2012, с. 274].

53. *ščelkati

Вслед за Горяевым, предполагавшим родство *щёлкать* и *щель* [Горяев, с. 428], относим диал. псков. *вѣщелкать* 'вытащить, украсть' [ПОС, т. 6, с. 107] к пр.-сл. *ščel- 'драть, раздирать, расщеплять', откуда рус. *щель*, укр. *щіль*, блр. *щелка*, польск. *szczelina* 'щель', словен. *ščálja* 'осколок', ср. далее: лит. *skélti* 'раскалывать', лтш. *šķelt* 'раскалывать', лтш. *šķila* 'осколок', лит. *skiltis* 'отрезанный кусок', др.-исл. *skilja* 'разделять, раскалывать', греч. *σχάλλω* 'рублю, рою', хетт. *iškallai-* 'ломать, разрывать' [Фасмер, т. 4, с. 501], ср. особенно рус. карел. *вѣщелкать* 'вырвать, выдернуть (при прополке)' [Карел., т. 1, с. 316—317], свердлов. *вѣщелкать* 'выклевать' [СРНГ, т. 6, с. 63], ср. семантическую параллель *колоть орехи* — *щелкать орехи* [Варбот, 2012, с. 71, 200]. На основе древнейшей семантики 'раскалывать, разрубать', по модели 'удаление предмета' и формируется значение 'красть'.

54. *žul-

Первичным значением пр.-сл. диал. *žul- является 'резать', ср.: рус. арг. *жу́лить* 'резать', *жуль* 'нож' [Жаргон, с. 186], болг. *жу́ля* 'царапаю, тру, обдираю', сербохорв. *жу́лити* 'драть', словен. *žúlití* 'усиленно тереть', сербохорв. *гулити* 'драть' [Фасмер, т. 2, с. 65]. Русским говорам этот корень известен со значением 'обманывать': ср. рус. жарг. *жу́лить* 'обманывать' [Жаргон, с. 186], диал. псков. *жу́литься* 'мошенничать, хитрить, жадничать', *жулик* 'вор, мошенник; жадный,

скупой', *жу́ля* 'хитрец, плут' [ПОС, т. 10, с. 274—275], откуда народноэтимологическое переосмысление французское заимствования рус. жарг. *жульен* 'простак, нивный человек' [Жаргон, с. 186]. Лексема *жулик* хорошо известна СРЛЯ, куда она попала из русского арга, где *жулик* 'небольшой нож', 'ученик мошенника', 'мелкий воришка' [Жаргон, с. 186]. Поэтому можно предположить следующую цепь развития значения: 'резать' > 'обдирать' > 'мошенничать' / 'воровать' > 'обманывать'. Связь значений 'воровать' и 'обманывать' уже известна в данном ЛСП как результат изменения в направлении 'воровать > обманывать' или 'обманывать > воровать'.

55. **domъ*

Пр.-сл. **domъ* '(родной) дом' имеет продолжения во всех славянских языках [ЭССЯ, т. 5, с. 72—73] < и.-е. **domus*, служившего обозначением не строения со стенами и крышей, а общественной организации, семьи [Benveniste, p. 293]. Однако именно дом как постройка послужил основой для формирования *домушник* 'промышляющий квартирными кражами' > *домушничать* — как формы, так и значения. Именно место промышления преступника становится определяющим в данных образованиях. С формальной точки зрения *домушник* представляет собой образование с двумя суффиксами: *-*uch-* (весьма продуктивного пр.-сл. экспрессивного суффикса *nomina agentis*: пр.-сл. **lěp'uchъ* 'лентяй', **kon'uchъ* 'конюх', **otъčuchъ* 'отчим', **pastuch* 'пастух' [Sławski, s. 47]) > *-*uš-* перед *-*ьnikъ* (одного из важнейших пр.-сл. суффиксов отглагольных имен, изначально: *-*ьn-* + *-*ik-* [Sławski, s. 65—66]). Структура **domuchъ* как самостоятельное слово не зафиксирована.

56. **(x)lomъ / (x)lamъ*

Русское *хлам* является «темной» лексемой, не имеющей соответствий в славянских языках. Лексема впервые встречается в «Хождении за три моря» А. Никитина: **түрки много зла ми учиниша, хлам мой весь к собѣ взнесли в городъ,** — скорее в значении 'скарб, имущество' (ср. диал. киров. *хлам* 'носимые вещи вообще' [Фасмер, т. 4, с. 241]), здесь слово лишено какой-либо отрицательной коннотации. Известное СРЛЯ значение лексемы фиксируется в Словаре Академии Российской 1794 г.: *хлам* 'всякий сор, лом, от деревянного строения оставшийся' [САР 1794, т. 6, с. 548], далее — у Даля *хлам* 'сор, домашний скарб, куча всякой всячины' [Даль, т. 4, с. 1187]. Относительно имени *хлам* существует несколько этимологий, более и менее удачных. Согласно теории Срезневского, оно напрямую выводимо из ц.-слав. *хламиъ* 'холм' [Срезневский, т. 3, с. 1369]; согласно гипотезе Даля и Черныха — является усеченным образованием от греческого заимствования *хламида* 'всякая, похожая на рубаху несуразно длинная и широкая одежда' [Черных, т. 2, с. 341]. Но наиболее убедительным представляется возведение *хлам* к пр.-сл. **lomiti* > **lomati* / **lamati* 'разламывать, дробить на куски' [ЭССЯ, т. 16, с. 16—19], откуда именные образования **lomъ* 'что-то сломанное, осколок, черепок, валежник' [ЭССЯ, т. 16, с. 24—28] и пр.-сл. диал. **xlamъ* [ЭССЯ, т. 8, с. 23—24], начальное *x-* которого имеет характер экспрессивного наращения (см. теорию Якобсона об экспрессивных наращениях слов на *xv-* и т. д. [Фасмер, т. 4, с. 233], в иранских языках элемент *x(v)-* имел значение 'хороший, красивый' [Cirgiano, p. 110]).

К этому имени восходят диал. сибир., печор. *захлámостить* 'спрятать, засунуть', 'присвоить, похитить (*он тѣщин капитал сумел захлámостить, потому и разбогател*)' [СРГС, т. 1.2, с. 230], [Печора, т. 1, с. 275], сибир. *прихламостить* '(презрит.) присвоить, украсть' [СРГС, т. 4, с. 19]. С

формальной точки зрения глаголы не уникальны, экспрессивное наращение *-ст-* встречается достаточно часто в данном ЛСП (ср. *грабастать* и др.). Данные глаголы доказывают поздний характер отрицательной коннотации слова *хлам*. Изначально оно, как и *лом*, вероятно, служило обозначением результата хозяйственной деятельности (вырубки леса), и лишь затем изменилось в обозначение ненужных отходов и барахла вообще. Глагольные образования русских говоров продолжают значение *хлам*, в котором его употребил А. Никитин, тогда как рус. разг. *захламлять* 'заваливать ненужными вещами' является более поздним образованием. Семантика кражи у диалектизмов развивается на базе значения 'засунуть, спрятать' < 'отходы = бурелом'.

57. *oriti

Корень **or-* имел на индоевропейском уровне значение 'разделять', ср.: лит. *ardyti* 'разделять', лтш. *ardīt* 'распарывать, разрушать, разбрасывать', др.-инд. *árdati* 'растворяется', а на праславянском — 'разрушать, разорять': др.-рус. *оритель* 'разрушитель', ст.-сл. *разорити* 'разрушить', болг. *оря* 'разоряю', сербохорв. *оборити* 'сокрушать, свергать', *разорити* 'разорять', чеш. *obořiti* 'обрушаться, напасть' [Фасмер, т. 3, с. 152]. В СРЛЯ явно преобладает значение уничтожения денежно-материальных ресурсов противника: др.-рус. *разорю цр̑квь сию ржкотворенжж и трьми дньми инжнержкотворенж съзиджж* - Остр. ев.; *Поиде въ Новъградъ архієпископъ Іоакимъ и требища вѣсовская разори и Перуна постъче* - Псковск. Летопись 6497 г.), совр. рус. *разорить* 'нарушить, разрушить чье-л. материальное благополучие, довести до нищеты' [Шведова, с. 801], диал. сибир. *иззорить* 'разорить, обокрасть' [СРГС, т. 1.2, с. 269]. Мотивационной базой для значения 'красть' стало обозначение разрушения.

58. **gromъ*

Всем славянским языкам в тождественном значении знакомы продолжения звукоподражательных по происхождению пр.-сл. **gromъ* 'гром, гул, сопровождающий молнию' [ЭССЯ, т. 7, с. 138] и производящего глагола **grъmĕti* 'греметь, производить громкий шум, гул' [ЭССЯ, т. 7, с. 163—164]. К этому же гнезду принадлежат также рус. *разгромить* 'полностью победить или уничтожить', отглагольное *разгром* [Шведова, с. 793], ставшее интернациональным *погром* 'беззаконное насильственное действие (толпы, завоевателей), сопровождающееся грабежом, убийствами' [Шведова, с. 661], диал. сибир. *отгромить* '(экспрес.) отобрать силой' [СРГС, т. 3, с. 121]. Значение 'грабеж' развилось на базе семантики 'разорять' (ср. **orzbiti*), которая появилась у вторичного глагола *громить* на основе сопровождаемого разорение яростно-громкого шума. Не исключено и участие первичной семантики резкости и неожиданности — ср. *как гром среди ясного неба*.

59. **gludъ*

Интересен многочисленными формальными изменениями пр.-сл. **glud-*, представленный только диал. олон., арханг. *глудкий* 'гладкий, скользкий', *глудь* 'гололедица, гладь', диал. олон. *глюдь, глудкий* то же [ЭССЯ, т. 6, с. 145]. Далее в русских диалектах встречаются формы с экспрессивным изменением корневых согласных: диал. арханг. *глудить* 'скользить', с.-в.-русс. *глуздырь* 'птенец, еще не умеющий летать' [Фасмер, т. 1, с. 416]. Формы с экспрессивной меной начального *г* на *х* (диал. псков., твер. *хлудать* 'скользить, кататься на льду', 'врать' [Даль, т. 1, с. 551]) обнаруживают изменение значение 'скользкий' > 'отпираться от содеянного', 'обманывать', и далее 'воровать': диал. сибир.

хлю́здить 'плутовать, обманывать, мошенничать, кривить душой, присваивать себе чужое, отпираться от содеянного' [СРГС, т. 5, с. 216], *схлю́здить* 'украсть, сплутовать' [СРГС, т. 4, с. 494], *хлю́зда* 'лгун, обманщик, плут, мошенник' [СРГС, т. 5, с. 216]. Знакомо это значение и формам с аблаутным чередованием корня: диал. сибир. *сгль́здить*, *сгль́знуть* 'украсть, стащить' [СРГС, т. 4, с. 265]. Представляется, что семантика 'украсть' развилась именно на основе значения 'обманывать' (как в случае рассмотренного ранее *вор*) как значения более близкого к 'скользкий' (ср. *скользкий тип*).

60. *vortiti

Глагол **vortiti*, откуда рус. *воротить*, ст.-сл. *вратити*, болг. *вратя*, србхрв. *врати́ти*, словен. *vrátiti*, чеш. *vrátiti*, словц. *vrátiti*, польск. *wrócić* - все со значением 'поворачивать' [Фасмер, т. 1, с. 355], имел значение 'вращать, поворачивать'; ср. и.-е. соответствия: лит. *vartýti* 'поворачивать, вращать', лтш. *vàrtīt* 'валять, катать', др.-инд. *vartáyati* 'вращает, крутит', гот. *frawardjan* 'развращать' [там же]. На основе обозначения перемещения предмета глагол далее развивает семантику рассматриваемого поля: диал. карел. *своротѣть* 'сломать, снять одежду, украсть, оклеветать' [Карел., т. 6, с. 19], соседствующую снова с 'оклеветать, говорить неправду'; перм. *ворóчатъ* '(экспр.) воровать' [Перм., т. 1, с. 120].

61. *viti

Пр.-сл. **viti*: рус. *вить*, укр. *вити*, болг. *вия*, сербохорв. *вѹти*, словен. *víti*, чеш. *víti*, польск., в.-луж. *wić*, н.-луж. *wiś* - все со значением 'вить', восходящим к и.-е. периоду: ср. лит. *vuti* 'вить', лат. *viere* 'плести' и др. [Фасмер, т. 1, с. 322], -

имеют производные с экспрессивным расширением корня **vixati* / **vixnōti* : рус. -вихнуть, укр. *вихати* 'махать', блр. *віхаць* то же [Фасмер, т. 1, с. 323], далее сюда же рус. *вихлять* 'двигаться шатаясь', словен. *vihljati* 'веять, шевелить' [Фасмер, т. 1, с. 324]. К этому гнезду относится и диал. карел. *свихнѹть* '(экспр.) украсть' [Карел., т. 6, с. 14], значение которого является логическим продолжением семантики движения-кручения.

62. *rogъ

Этимологически темным является пр.-сл. **rogъ* (рус. *рог*, укр. *ріг*, блр. *рог*, др.-русс., ст.-сл. *рогъ* и т. д. — во всех славянских языках 'рог у некоторых видов животных' [Фасмер, т. 3, с. 489]. Балтославянский **rogъ* (ср. лит. *rãgas*, лтш. *ragas*, др.-прусс. *ragis*) не имеет соответствий в других и.-е. языках (ср. от и.-е. корня **ker-n-*: гот. *haúrn* 'рог', лат. *cornū* то же, бретан. *karn* 'копыто' [Walde, p. 276]). Сомнительной кажется попытка связать слав. **rogъ* с лит. *rogsóti* 'возвышаться', нем. *ragen* 'возвышаться' [Rejzek, s. 542-543], [Преображенский, т. 2, с. 207—208], о чем писал Фасмер, указав на родство пр.-сл. **rogъ* с лит. *raguvà* 'овраг, обрыв', лит. *rãgès, rõgès* 'сани', лтш. *ragavas* то же [Фасмер, т. 3, с. 489]. Кроме того, см. рус. диал.: смол. *рог* 'отдельная часть территории чего-л. (леса, поля)', твер. *рог* 'береговой мыс', южн. *рог* 'продолговатый овраг, отрог балки, поросшей лесом, кустарником', ворон. *рог* 'овраг' [СРНГ, т. 35, с. 117], также, видимо, рус. *у черта на рогах*. Данная метонимия 'часть тела' > 'тип рельефа' является достаточно распространенной у славян: ср., например, *нос* 'мыс', *хребет* 'горная цепь' и др. Овраг — форма рельефа в виде глубоких и крутосклонных незадернованных ложбин, образованных временными водотоками. «Овраги наносят большой вред сельскому хозяйству, расчленяя и уничтожая поля» [Докучаев, с. 54]. Участвуя в подобной номинации, **rogъ* становится в один ряд с такими словами, как

расселина, ущелье, трещина при мотивации 'треснувший (на две части)', в доказательство чему: рус. диал. *роговой лук* 'лук, составленный из двух козлиных рогов', *рогатина* 'ручное орудие, род копья, широкий двулезный нож на древке', южн. *рогáч* 'ухват' 'валец у сохи, рукоять', кур., воронеж. *рогачи́* 'ухват', *рогуля* 'дерево с развилкой', *рожén* 'вертел, рог', *рожны́* 'железные навозные вилы', твер. *рожнítь* 'толкать, пырять' [Даль, т. 4, с. 99—100], диал. вят. *рогá* 'рукоятка сохи', смол. *рог* 'место пересечения двух улиц' [СРНГ, т. 35, с. 117]. Кажется, производным можно считать и значение 'супружеская неверность, измены жены' как переосмысление значения 'раскалывать, треснуть', хотя в данном случае стоит предполагать и влияние индоевропейского образа различных богов в виде фалла [Топоров, 1994, с. 135]. На основе обозначения сельскохозяйственного орудия или же напрямую — рогов появляется диал. карел. *рогонúть* 'украсть, ловко стащить' [Карел., т. 5, с. 542] на базе значения 'подцепить', ср. в том же диалекте карел. *рог* 'ручка сохи, деревянные вилы' [Карел., т. 5, с. 536].

63. **bogъ*

Пр.-сл. **bogъ*, имеющее продолжения во всех славянских языках в тождественных значениях *бог*, является славянской формальной и семантической инновацией на основе представления о боге как о богатом, что родственно лишь др.-перс. *boga-* 'бог' [ЭССЯ, т. 2, с. 161]. Значение и.-е. корня восстанавливается как '(раз)давать, даровать, наделять, получать долю': ср. др.-инд. *bhágas* 'одаряющий', *bhájati* 'наделяет, делит' [Фасмер, т. 1, с. 182]. Производные от *бог* глаголы имеют разнообразные значения: ср.: рус. диал. *боговáть* 'гадать, размышлять', словен. стар. *bogovati* то же [ЭССЯ, т. 2, с. 160], с которым связано и хорв. *bogovati* 'богохульствовать' [там же], рус. диал. сев.,

костром. *божить* 'сильно хотеть, просить у бога' [СРНГ. т. 3, с. 64—65]. Но в значении карел. *забожить* 'взять, присвоить (*вы наловили, а я вашу рыбу забожу*)' [Карел., т. 2, с. 82] можно видеть отголосок первичной семантики наделения, дарения, только на место наделения становится 'брать самому', не дожидаясь вмешательства высшего существа.

64. **kudь*

Пр.-сл. **kudь* / *kudь*, ср.: др.-рус. *кудь* 'воля, желание, изволение', диал. сев. *куд* 'злой дух, бес', сев. *кудь* 'волхование' этимологически родственно пр.-сл. **kudo*, (р.п. ед.ч. **kudese*), ср.: др.-рус. *кудеса* 'чары, колдовство', диал. новг. *кудеса́* 'чудеса посредством нечистой силы', яросл., вят. *кудес* 'проказник, шалун', сербохорв. *кудош* 'виновник, нарушитель', польск. *kudyś* 'злой дух' [ЭССЯ, т. 13, с. 83—84]. Для пр.-сл. глагола **kuditi* на основе продолжений во многих славянских языках можно восстановить значение 'хулить, порицать' [ЭССЯ, т. 13, с. 82—83]. На более ранних этапах данный корень является производным от пр.-сл. **čud-* < и.-е. **keud-* также со значением волшебства, но лишённого каких-либо негативных коннотаций, как в случае с продолжениями **kud-* [ЭССЯ, т. 13, с. 83]. Славянским языкам знакома и префиксально усложненная форма, ср.: ст.-сл. *прокоуда* 'злой дух', *прокоудити* 'колдовать', польск. *przekudzić* 'портить, надоедать' [Фасмер т. 3, с. 374], диал. ю.-зап. *проку́да* 'проказа, дурачество, шалость; убыток, порча; проказник, шалун, бедокур; злорадный, лукавый человек', *проку́дить* 'шалить, дурить, творить пакости, забавляться дурачествами, вредя другим' [Даль, т. 3, с. 491]. На базе значения 'приносить вред, безобразничать' и под. формируется диал. карел. *спроку́дить* '(экспр.) украсть' [Карел., т. 6, с. 279].

65. *širь

Пр.-сл. *šir- (рус. диал. *ширѳой* 'чистый, открытый', укр. *шир* 'ширь, ширина', словен. *šir* 'широкий', чеш. *širý* то же [Фасмер, т. 4, с. 442]) не имеет достоверных соответствий за пределами славянских языков, в которых стабильно имеет значение 'широкий'. К этому гнезду принадлежит диал. карел. *расшира́батъ* 'растащить (*всё сено расширябали, найди его теперь; разграбили, расширябали всё, ничего в деревне не осталось*)' [Карел., т. 5, с. 496], развивший свое значение из 'разворошить, разбросать (сено)'. В структурном отношении вероятно экспрессивное расширение -б- (ср. рус. разг. *раздербанить* 'разодрать').

66. *perti

Пр.-сл. *perti (рус. *переть*, ст.-сл. *перѣж* 'лечу', др.-русс. *перѣ* 'лечу, двигаюсь', чеш. *peřej* 'сильное течение', *prt* 'лесная тропа', укр. *перть* 'тропинка, по которой гоняют овец' [Фасмер, т. 3, с. 240]) связано чередованием с *pariti 'вести, двигать' [Фасмер, т. 3, с. 207]. На основе семы 'быстрое движение' у данного корня в русском языке формируется диал. перм. *унперѣть* 'унести, украсть' [Перм., т. 2, с. 476], рус. разг. *сперѣть* то же.

67. *duti

Пр.-сл. *duti, во многих славянских языках смешавшийся с *dōti, не изменил своего индоевропейского значения в славянских языках: 'дуть, выдувать' у него сохраняется и в русском продолжении [ЭССЯ, т. 5, с. 166]. Аналогично глаголу *свистнуть*, производные *дуть* развивают новую семантику:

диал. перм. *сдутъ* 'взять, украсть (*волков много, где корову, где теленка сдуют*)' [Перм., т. 2, с. 326].

Как заимствование из старославянского в древнерусском языке появляется *въздоуѣхъ* > рус. *воздух*, от которого — рус. жарг. *воздушник* 'вор, жулик' [Елистратов, с. 68]. Лексема и ее значение восходят к устар. воровск. жарг. *воздушник* 'вор с возов, телег' на основе семы 'сдутъ, свистнуть'.

68. **duriti*

Исторически родственным гнезду **duti* является гнездо глагола пр.-сл. **duriti*, на славянской почве ставшим обозначением умопомрачения (отсюда рус. *дурак, дурь, дурнота*). На основе значения 'шалость, блажь, необдуманный поступок' (ср. диал. яросл. *сдуриться* 'необдуманно жениться' [Яросл., т. 9, с. 22]) образуется яросл. *сдурѣтъ* 'украсть, присвоить чужое', 'совершить нехороший поступок' [Ярос., т. 9, с. 22]. Кроме того, здесь, вероятно, можно усматривать и влияние значения 'дурачить' (ср. *лохотрон*).

69. **sěditi*

Пр.-сл. **sěditi* имел значение 'сидеть', восходящее к и.-е. уровню [Фасмер, т. 3, с. 618], а его каузатив **saditi* смог развить значение 'красть': диал. арханг. *въсадить* 'высадить растение, посадить в тюрьму, вынуть, унести тайком, украсть' [Арханг., т. 8, с. 170]) на основе значения помещения вовне, наружу, выраженного префиксом **vu-* 'из, наружу' (*высадить дверь*), вследствие чего глагол семантически сблизился с *вынуть*.

70. *gor-

Продолжениями пр.-сл. звукоподражательного *gor- являются укр. гол 'прижок в высоту в танце', польск. *hop* 'слово, использующееся по отношению к лошади', болг. *хол* 'прыжок в танце', србхрв. *хѡл*, словен. *hòp* то же [ЕСУМ, с. 562]. От него образовано диал. арханг. *гѡпнуться* 'упасть, свалиться' [Арханг., т. 9, с. 320]. Обозначение резкого движения обнаруживаем и у рус. угол. аргот. *гон-стон* 'уличное ограбление' [Жаргон, с. 134] (ср. *налёт*), формально, возможно, испытавшего влияние образований типа *прыг-скок*. Вторая часть сложного имени — из рус. жарг. *стопорѣть* 'грабить, совершать налет' > *стопорка* 'нападение на дороге' [Елистратов, с. 392] (куда, кажется, и рус. жарг. *штѡпать* 'обманывать' < угол. 'грабить' [Елистратов, с. 486]), восходящего к вторичному заимствованию из немецкого *Stop* < англ. *stop* (ср. рус. *стиль* — *штил*, *студия* — *штудия*, *студент* — *штудировать*). Значение 'обманывать' не связано с производящим глаголом, а развилось под давлением ЛСП 'присвоение чужого', вторично сближавшего исконно родственные концепты лжи и воровства у более новых образований.

Представляется затруднительным установить, являются ли диал. арханг. *гон* 'воровская шайка', *гѡпник* 'арестант, бандит, вор, разбойник, хулиган, озорник', *гѡпница* [Арханг., т. 9, с. 318] прямым продолжением значения 'подпрыгивать, на скакивать' или же в данном случае оно испытало влияние ГОП (городское общество призора), существовавшего в городах до революции для присмотра за бездомными. Думается, корень изначально обозначал уличную кражу с внезапным быстрым нападением на жертву, но затем вторично совпал с аббревиатурой, благодаря чему появились рус. угол. аргот. гол 'ночлежка' [Елистратов, с. 92], [Жаргон, с. 134], диал. арх. *гѡпня* 'бродяга' [Арханг., т. 9, с. 320]. Далее образуются арханг. *гѡпничать* 'промышлять разбоем, воровством, бродяжничать' [Арханг., т. 9, с. 319] и *гѡпничество* 'воровство, разбой' [Арханг.,

т. 9, с. 320]. Эти слова проникают в разговорный СРЯ начиная с 1980 г. и становятся обозначением особой прослойки городского населения, обычно молодежной, главной отличительной чертой которой является необразованность и грубость [Козлов]. Для этой группы воровство перестает быть средством существования, а становится лишь средством унижения жертвы, демонстрацией своего физического превосходства.

71. **loviti*

Пр.-сл. **loviti* 'ловить, хватать' имеет продолжения во всех славянских языках [ЭССЯ, т. 16, с. 106—107]. В русских диалектах на основе значения 'ловить рыбу' у глагола *ловить* развивается значение 'воровать (незаконно ловить рыбу)' (псков., твер.) [там же], как и у его приставочного производного: диал. казацк. *обловить* 'выловить рыбу в запретном месте, на чужих дачах; произвести хищнический лов на каком-либо водном объекте с целью выловить всю рыбу' [Малеча, т. 3, с. 21], от которого казацк. *обловицьк* 'браконьер, воровской рыбак' [там же]. Значение явно позднее, сформировавшееся после установления уголовной ответственности за ловлю рыбы в неустановленном для этой цели месте.

72. **bag(ъ)ръ*

Несмотря на многочисленные предположения о заимствовании этого слова, следует признать его принадлежность к гнезду пр.-сл. *bĕg-* с корневым *-ō-*, выражающим каузативный характер новообразования: 'бежать' — 'заставлять быстро двигаться' [ЭССЯ, т. 1, с. 132]. На основе первичного значения *'деталь, способствующая движению' (словацк. *bahor* 'деревянная гнутая часть колеса', укр. *багор* 'косяк колесного обода' [там же]) развивается

вторичное, ставшее обозначением орудия рыбной ловли: рус. *багор* 'длинный деревянный шест, на который насажен железный наконечник с острием и копьем', *багрó* 'металлический наконечник багра' [ЭССЯ, т. 1, с. 130, 132]. Производный глагол *багрить* значит 'тащить', на основе которого развивается значение диал. казацк. *сбáгрить* 'сбыть с рук ненужную вещь, отделаться от чего-либо; уворовать, стащить' [Малеча, т. 4, с. 25]; в СРЛЯ представлено только значение 'сбыть с рук ненужную вещь, отделаться от чего-либо'.

73. **těšiti*

Пр.-сл. **těšiti*, связанное чередованием с пр.-сл. **tixъ*, имело на славянской почве значение 'радовать, баловать' [Фасмер, т. 4, с. 54, 63]. На основе диал. олон., ряз., орлов., тул. кур. *тэшить* 'кормить грудью, доить (корову)' [Даль, т. 4, с. 450] (< 'делать приятное, доставлять удовольствие') как табуистического выражения [Зеленин, с. 56] формируется яросл. *умéшить* 'украсть' [Яросл., т. 10, с. 21].

74. **lězti*, **laziti*

Значение пр.-сл. **lězti*, **laziti* на основе точных продолжений в славянских языках восстанавливается как 'ползти, лазить' [ЭССЯ, т. 14, с. 65—66]. И.-е. источник — **lǝǵh-* 'ползти; плоский, низкий' [Фасмер, т. 2, с. 476]. Значение 'ползти' уже в и.-е. эпоху начало трансформироваться в 'подкрадываться': ср. лтш. *lėzēt* 'медленно идти, подкрадываться' [там же], рус. *лезть, лазить* 'влезать, проникать', 'искать, шарить', на основе которого — рус. диал. 'воровать' [ЭССЯ, т. 14, с. 65—66]. Семантическое новообразование продолжает усложняться формально: диал. яросл. *подзалáзить* 'проникать, залезать тайком с целью украсть ч.-н.' [Яросл., т. 8, с. 26], приставки которого

подчеркивают значение незаметности и незначительности: ср. *подзабрать* 'забрать немного'.

75. **klepati*

Пр.-сл. **klepati* восходит к звукоподражанию. Параллельно развились значения 'бить молотом' и 'клеветать', относительно последнего ср.: болг. диал. *клéпа* 'клеветать, болтать', *клéпѣм* 'сплетничать', чеш. *klepati* 'оговаривать, клеветать', русс. диал. *клепать* 'врать, сплетничать' [ЭССЯ, т. 10, с. 7—9] (ср. в семантическом плане русс. *трепать* 'говорит напрасно'). К этому же гнезду принадлежит и диал. яросл. *вклепáться* 'ошибиться', 'взять чужое, присвоить' [Яросл., т. 3, с. 23], вновь демонстрирующий наслоение семантики 'ошибиться' и 'воровать'. Формальная структура глагола указывает на производность семантики 'украсть' от 'бить молотом' > '(вы)бить' > 'взять' (ср. другое метафорическое образование рус. разг. *приклепаться* 'пристать, привязаться к кому-л.').

76. **lizati*

Пр.-сл. **lizati* имел значение 'лизать', что восстанавливается на точных продолжениях в славянских языках [ЭССЯ, т. 15, с. 162—163]. В русском языке на основе семы 'чистить (лизанием)' появилось рус. *слизнуть* 'украсть', диал. смолен. *облѣзанный* 'обобранный' [Смолен., т. 2, с. 502].

77. **libiti*

Пр.-сл. **libь/ь* 'хилый, слабый' [ЭССЯ, т. 15, с. 74] принадлежит и пр.-сл. **libovina*, давшее рус. диал. *любовина*, *любѣц* 'нежирное мясо', родство которых

на основе того, что раков ловят на сырое мясо, установил Лёвенталь, и поддержали Махек и Трубачев [Фасмер, т. 2, с. 493]. Сюда же относятся и диал. смолен. *лі́бить* 'ловить раков на приманку' (ср.: блр. *лібіць* то же) > смолен. *подлі́бить* 'украсть' [Смолен., т. 2, с. 626]. Следовательно, семантическое развитие — как у глаголов *подцепить*, *утащить* — предполагает акцент на скрытности действия.

78. **bresti*

Пр.-сл. **bresti* имел значение 'идти вброд', восстанавливаемое на основе точных продолжений в славянских языках [ЭССЯ, т. 3, с. 14], откуда пр.-сл. **brodъ* > **broditi* 'идти с трудом' [ЭССЯ, т. 3, с. 36]. Вторичный глагол с акцентированием семы 'медленно, осторожно' сформировал сложное приставочное образование диал. смолен. *посбрóдовать* 'украсть, похитить' [Смолен., т. 2, с. 676].

79. **dugъ*

Пр.-сл. **dugъ* (рус. *недуг*, болг. *недъг*, чеш., словц. *duh* 'процветание, польза') > пр.-сл. **dužьjъ* 'большой, крепкий' [ЭССЯ, т. 5, с. 167] помимо прямых продолжений в современных славянских языках имеют также следующие образования: диал. дон. казацк. *дугáч* 'наильник, грабитель' [Дон. Казацк., с. 142], *дужíть* 'грабить, применяя физическую силу' [Дон. Казацк., с. 143], *задужíть* 'отнять, взять силой' [Дон. Казацк., с. 167], образованные от *дуг-*, с мотивацией по применению силы. *Дугач* принадлежит к древнейшему типу пр.-сл. *nomen agentis* типа **bogaць*.

80. **capati*

Диал. прибайк. *зацапать* 'схватить (где-то зацапали килограмм зерна — вот и посадили)' [Прибайк., т. 1, с. 142] восходит к пр.-сл. **capati*, «экспрессивному слову звукоподражательного происхождения, практически не имеющему истории» [ЭССЯ, т. 3, с. 171], обозначающему хватание-сгребание: макед. *цапа* 'хапать, цапать', чеш. *capati* 'пихать, набивать', в.-луж. *sarac* 'хватать; ощупывать', рус. *цапать* 'хватать когтями, царапать', рус. диал. *ца́пать / цо́пать* 'хватать', блр. *цапаць* 'ловить, хватать' [там же] (ср. рус. *цап* 'мотыга'). В приведенном выше контексте из Прибайкалья значение *зацапать* можно точнее истолковать как 'похитить, своровать'.

81. **korbъ*

Диал. сиб., прибайк. *коробчить* 'запасаться, красть, воровать' [СРГС, т. 2, с. 119], [Прибайк., т. 4, с. 24] является дериватом рус. *короб(ка)* < пр.-сл. **korb-* (ср.: укр. *короб*, блр. *короба* 'сосуд, корзина', др.-русс. *коробъ*, ст.-сл. *кравни*, чеш. *krabice* 'коробка', словц. *krabica*, и др., являющегося исконно славянским наименованием плетеного сосуда [ЭССЯ, т. 11, с. 53-55]). Значение 'воровать' является прямым продолжением первого значения диалектизма 'запасаться' (ср. *прикарманить*).

82. **zъljъ*

Семантика пр.-сл. **zъljъ*- восстанавливается как 'злой' на основе точных продолжений в славянских языках [Фасмер, т. 2, с. 99]. Близкая семантика развилась параллельно в разных индоевропейских языках (ср. лит. *atžūlas* 'бесчеловечный', авест. *zūrah-* 'несправедливость' [там же]) на основе еще и.-е.

значения 'кривить душой': нов. перс. *zūr* 'фальшивый, ложь', лтш. *zvēlu* 'наклонять', др.-инд. *hválati* 'идет кривыми путями, петляет, спотыкается', авест. *zbaraiti* 'то же' [там же]. Видимо, именно семантика 'злой' стала в вост.-слав. говорах базой для значения 'красть' (ср. вышеописанная *вор*): диал. зап.-брян. *злѡдий* 'вор, злодей (*злѡдзий на злѡдзии сядзиць и злѡдзием паганяя*)' [Брянщ., с. 121], укр. *злѡдїй* 'вор', при диал. зап.-брян. *злыдень* 'нищий, крайне нуждающийся' [там же], сибир. *злы́дня* '(презрит.) скупой человек', *злы́дни* 'последние крохи' [СРГС, т. 1.2, с. 247] (ср. семантически *как украл* 'мало').

83. *porti

Пр.-сл. **porti* имел наследованное из и.-е. значение 'пороть, резать' [Фасмер, т. 3, с. 332], который вместе с приставкой **объ-* на базе 'отрезать' сформировал диал. одесс. *обпорѡть* '(экспрес.) обокрасть' [Фасмер, т. 1, с. 338].

84. *gordъ

Пр.-сл. **gord-* 'ограждение, забор, огороженный участок земли' [ЭССЯ, т. 19, с. 37], откуда рус. *город*. К этому гнезду относится и рус. жарг. *городу́шник* 'вор, крадущий с прилавков магазинов' (при угол. *городу́ха* 'кража под видом покупки') [Елистратов, с. 93]. Непосредственной производящей основой для *городуха* может быть рус. угол. жарг. *город* 'магазин' [Жаргон, с. 136], появившееся на основе метонимии город-магазин из устар. *поехать в город за покупками*, ввиду отсутствия магазинов в русских деревнях.

85. **dybati*

Исходным значением пр.-сл. **dybati* было 'поднимать вверх, вздымать', которое сохраняется, в частности, у рус. диал. *дыбать* [ЭССЯ, т. 5, с. 197—198]. От глагола *дыбать* образуется имя *дыба* 'дыба, колодезный журавль' [там же], от которого — рус. жарг. *ды́бить* 'красть, воровать' [Елистратов, с. 118]. Мотивация по движению предмета вверх — 'подцепить и поднять'.

86. **medvěď*

На место и.-е. именованя медведя, которое на славянской почве слилось с названием другого хищника — откуда пр.-сл. **gusь*, встает табуистическое **medvěď* < **medv-ěd-* 'поедатель меда'. В русском жаргоне *медведь* приобретает значение 'сейф', соответственно, *медвежатник* рус. 'охотник на медведей', жарг. 'вор, взломщик сейфов' [Елистратов, с. 216]. Значение развивается на основе метафорического переноса номинации самого крупного и опасного хищника восточно-европейских просторов на тяжелый, бронированный и закодированный шкаф, взлом которого приравнивается в славянских языках (ср. то же в польском [там же]) к охоте на медведя, охотой на которого промышляет только самый ловкий и сильный.

87. **mošьna*

Рус. *мошенник* восходит к *мошна* 'кошелек' < пр.-сл. **mošьna* то же [ЭССЯ, т. 20, с. 37—38], [Фасмер, т. 2, с. 667]. Таким образом, мотивационная модель — как у *карманник*.

88. *Гайдар*

Имена собственные также втягиваются в номинацию кражи. От имени министра финансов России Е.Т. Гайдара образуется рус. жарг. *нагайдáрить* 'наворовать' [Елистратов, с. 233], *сгайдáрить* 'украсть' [Елистратов, с. 366], мотивированные непопулярной экономической политикой Гайдара во время перестройки. Кроме того, можно еще предположить влияние рус. жарг. *нагар* 'куш, прибыль'.

89. **kolti*

Пр.-сл. **kolti* 'пронзать, колоть' [ЭССЯ, т. 10, с. 154—155], от которого образовано рус. утол. *наколóть* 'высмотреть (квартиру), украсть, пометить игральные карты' [Елистратов, с. 236]. Первичным значением глагола, очевидно, является 'разметка игровых карт', откуда 'высмотреть квартиру' (собственно 'пометить' объект кражи) и далее 'украсть'.

90. **križati*

К пр.-сл. диал. **križati* 'резать' (ср.: србхрв. *крижати* 'резать', рус.диал. *крыжевáть* 'рубить на части дерево', рус. *скрижаль* [ЭССЯ, т. 12, с. 178]) восходит рус. разг. *чекрыжить* 'обкорнать, обрезать (неаккуратно)', откуда рус. жарг. *обчекрыжить* 'обирать, обворовывать, обманывать' [Елистратов, с. 259]. На основе семантики 'обрезать' развивается 'воровать', далее 'обманывать'.

91. **dojiti*

Пр.-сл. **dojiti* 'доить, кормить грудью' [ЭССЯ, т. 5, с. 53—54] > рус. *доить* (*корову и под.*), на основе метафорического переосмысления 'сливать молоко'

развивается в рус. жарг. *доить* 'отбирать деньги' [Елистратов, с. 316] (один из первых случаев употребления - «Золотой теленок» Ильфа и Петрова). На основе этого глагола развивается и эвфемистическое *потрогать за вымя* 'обобрать, лишить материальных ценностей, разорить' [Елистратов, с. 316] (ср. выше яросл. *утешить*).

92. *kolěno

Рус. жарг. угол. *преклонить колена* 'обворовать в церкви прихожан' [Елистратов, с. 320] является метафорой обозначения ритуала коленопреклонения при молитве. Ложное соблюдение ритуала, преследующее цель смещения с толпой для облегчения промысла, можно считать базой мотивации для обозначения воровства.

93. *uti

Пр.-сл. *uti (ср. лит. *aĩti* 'носить обувь', лтш. *aut* 'обувать', авест. *aοθra-* 'башмак', лат. *exiō* 'разувать', *induō* 'надеваю' [Фасмер, т. 3, с. 109]) на славянской почве является связанным корнем: *obuti (рус. *обуть*, укр. *обути*, блр. *обуць*, др.-рус., ст.-сл. *обоути*, болг. *обуя*, сербохорв. *обути*, словен. *obúti*, чеш. *obouti*, словц. *obut'*, польск. *obuć*, в.-луж. *wobuć*, н.-луж. *hobuś* — все в значении 'надеть обувь' [Фасмер, т. 3, с. 109]), *orzuti (рус. *разуть*, др.-рус. *разути*, польск. *gozzuć*, н.-луж. *rozuś* — все со значением 'снять обувь' [Фасмер, т. 3, с. 435]; *jъzuti: др.-рус. *изути*, сербохорв. *йзути*, словен. *izúti*, чеш. *zouti se*, словц. *zut'*, польск. *zzuć* — все со значением 'снять обувь' [Фасмер, т. 2, с. 124]). Однокоренным также является *opuča [Skok, k. 2, s. 540]. В русском языке глагол приобретает метафорическое значение 'обмануть' и 'красть' < 'отнять последнее, нужное', изначально для обозначения ограбления путников в дороге:

рус. жарг. *разувать* 'разорять, пускать по миру, обирать', *разувайло* 'грабитель' [Елистратов, с. 346], диал. псков., твер. *разувай* 'загородный каба́к, где грабят' [Фасмер, т. 3, с. 435], рус. молод. сленг. *обуть* 'отобрать, отнять, ограбить' [Никитина, с. 446]. Думается, значения 'красть' и 'обманывать' изначально развивались параллельно у разных приставочных образований: 'красть' было связано с отдельительной приставкой **orz-*, а 'обманывать' — с приставкой **obъ-*. Эти образования сблизились семантически вследствие близости полей 'присвоение чужого' и 'обманывать'.

94. **ryba*

Пр.-сл. **ryba* является табуистическим наименованием рыбы в славянских языках, мотивированным пестрой, рябой окраской, создаваемой игрой света на чешуе (< **rębъ*) [Фасмер, т. 3, с. 525—526]). Но такое видение рыбы забыто в славянских языках, на его место приходит, вероятно, представление о ее скользкости, откуда рус. жарг. *срѣ́бить* 'украсть' [Елистратов, с. 361]. А на основе значения 'ловить рыбу' развивается рус. угол. *рыбак* 'вор (пляжный)', *рыбачить* 'совершать кражи на пляже' [Жаргон, с. 517] (ср. укр. диал. *вѹдити* 'ловить рыбу, красть' [Онишкевич, т. 1, с. 152]). Примечательно объединение антонимичных по существу значений в одном слове: рус. угол. аргот. *рыба* 'жертва преступления; хитрый опытный человек' [Жаргон, с. 517].

95. **skokati*

Пр.-сл. **skok-* 'прыгать' унаследовано из и.-е. [Фасмер, т. 3, с. 645]. Отглагольное имя *скак*, *скок* 'прыжок' в русском языке становится обозначением кражи, разбоя [Елистратов, с. 375] на основе резкого,

неожиданного движения вора; сюда же рус. жарг. *скока́рь*, *скаку́нчик* 'квартирный вор', *скакну́ть* 'обокрасть', *скачо́к* 'кража без наводки', *скаку́н* 'вор' [там же]. Эта группа является семантической параллелью к развитию значения 'воровать' в гнезде **gor-* с семантикой кражи, откуда *гопник* (см. выше).

96. **kury* / *kurъve*

Первичным значением пр.-сл. **kury* было 'курица, птица' (при **kurъ* 'петух'), которое принимает в славянских языках новое значение 'блудница, потаскуха', зафиксированное у цслав. *коуръва*, болг., макед. *курва*, сербохорв. *kûrva*, словен. *kûrba*, чеш., словац. *kurva*, в.-луж., польск. *kurwa*, словин. *kûrvā*, др.-рус. *кѣрва*, рус. *курва*, блр. *курва* [ЭССЯ, т. 13, с. 132]. Отсюда **kurъviti* 'распутничать, развратничать': см. цслав. *коуръвити*, болг. диал. *курвѣ*, сербохорв. стар. *kurviti*, чеш. *kurviti*, в.-луж. *kurwić*, н.-луж. стар. *kurwiś*, польск. *kurwić*, словин. *kûrvjīc*, укр. *курвити* [ЭССЯ, т. 13, с. 131]. На основе распространенной в преступной среде практики ограбления клиентов проституток (самими проститутками или сутенерами) появляется рус. жарг. *скѣрвить* 'украсть' [Елистратов, с. 376].

97. **slina*

Рус. *слюна* является сложным в этимологическом отношении словом, заменившим пр.-сл. **slina*, видимо, вследствие контаминации **slina* с **pl'ujō* [Фасмер, т. 3, с. 681]. От этого слова образовано рус. *слюнтяй* с первичным значением 'тот, у кого постоянно текут слюни', затем в СРЛЯ ставшее обозначением бесхарактерного человека, а в рус. угол. / рус. разг. - местного квартирного вора [Елистратов, с. 378], [Жаргон, с. 548]. Думается, русские

жаргонное значение этимологически не связано непосредственно с 'слюна', его основу следует искать в иерархии воровского мира.

98. *sъpati

Пр.-сл. *sъpati, *sъpнь > *sъль не менял своего значения с и.-е. периода и сохраняет его во всех славянских языках — 'спать, сон, сновидение' [Фасмер, т. 3, с. 717]. Благодаря многозначности суффикса -ник рус. жарг. *сѳнник* получает значение 'вор, обирающий спящих; квартирный вор', *сѳнник-темняк* 'вор, залезающий в неосвещенное помещение', при *сѳнник-святляк* 'вор, залезающий в квартиру днем' [Елистратов, с. 382]. В двух последних примерах *сонник*, кажется, акцентирует тайность, неявность деятельности вора.

99. *šъp-

Пр.-сл. *šъp- 'щипать' — на основе продолжений во всех славянских языках [Фасмер, т. 4, с. 507] < и.-е. *skēip- 'раскалывать, разделять, отделять, разобщать' [Черных, т. 2, с. 436]. К этому гнезду принадлежит рус. жарг. *щипач(ить)* 'вор-карманник' [Елистратов, с. 489], мотивация на основе семы 'отщипывать'.

100. *kydati

Пр.-сл. *kydati 'бросать, метать' (с продолжениями во всех славянских языках) < и.-е. *kūd- 'совершать резкое движение в сторону, от себя' [ЭССЯ, т. 13, с. 252—253]. На основе исходного значения в русском сленге развивается значение 'обманывать', а на его основе и 'красть': рус. жарг. *кидать* 'мошенничать при совершении коммерческих операций' [Никитина, с. 273],

кинуть 'украсть, отобрать, огрابتь что-либо, взять и не вернуть, обмануть' [Никитина, с. 275]. Уже после того, как это значение было закреплено в глагольных образованиях, образуются *nomina agentis* (рус. разг. *кидала* 'вымогатель, мошенник, аферист, обманщик', *кидальщик* 'мошенник, обманщик' [Никитина, с. 272-273]) и *nomina actionis* (рус. разг. *кидалово*, *кидняк*, *кидок* 'обман, воровство путем обмана, афера' [Никитина, с. 273]), созданные по регулярным словообразовательным моделям при сохранении двух значений 'обманывать', 'красть'.

101. *gryzti

Пр.-сл. **gryzti* 'грызть, терзать зубами' (с продолжениями во всех славянских языках) < и.-е. **g(h)reu-* 'размельчать, тереть' [ЭССЯ, т. 7, с. 160—161] развивает значение 'красть' подобно глаголу *рвать*: рус. молод. сленг. *обгрызатъ* 'обокрасть' [Никитина, с. 438], на основе сравнения кражи с процессом обгрызания.

102. *pustiti

Пр.-сл. **pustiti* 'привести в движение, сделать свободным' (с продолжениями во всех славянских языках) образовано от **pustъ* 'пустой, пустынный, дикий' [Фасмер, т. 3, с. 411]. Приставочный **ob-pustiti* развил значение 'переместить в более низкое положение', которое определило появление целого ряда метафорических значений, встречающихся у рус. жарг. *опустить* 'унизить, убить, отобрать, обокрасть' [Никитина, с. 454]. Учитывая рус. жарг. *опуститься* 'потерпеть убытки' [там же], можно предположить, что семантика 'красть' появилась из 'заставить терпеть убытки' < 'заставить страдать' на фоне представлений о тюремной иерархии в уголовном аргю.

103. **vъlsnŋti*

Пр.-сл. **vъlsnŋti* 'бормотать' (ст.-сл. *ВЪСНЖТИ* 'бормотать' [Фасмер, т. 1, с. 346], др.-рус. *ВЪЛСНҀТИ* то же [Срезневский, т. 1, с. 381]), от которого образовались следующие имена: пр.-сл. **vъlxvъ* 'колдун' (рус. *волхв* 'колдун, провидец', укр. *волхв* то же, др.-рус. *ВЪЛХВЪ* то же, ст.-сл. *ВЪЛХВЪ* 'маг', болг. *влѣхва* 'разбойник, чародей', словен. *vôlhva* 'чародейка' [ЕСУМ, т. 1, с. 423]) и пр.-сл. **vъlšьba* 'колдовство, волшебство' (др.-рус. *ВОЛЪШЬБА* 'колдовство', ст.-сл. *ВЪШЬБА* то же [Преображенский, т. 1, с. 94]). Nomina actionis в русском языке: др.-рус. *ВЪЛШВЕННЕ*, *ВЪЛШВЬНИКЪ*, *ВЪЛШВНИИ*, *ВЪШВИТИ*, *ВЪЛШСТВО*, *ВОЛШЕСТВО*, *ВЪЛШЕВНИИ* — все с производными от 'колдовство, волшебство' значениями [Срезневский, т. 1, с. 383—384]. К этому же гнезду относится и отыменный глагол рус. жарг. *сволшѣбствовать* 'украсть' [Никитина, с. 623]. Мотивация — 'заставить исчезнуть (как по волшебству)'.

104. **šaraxati*

Рус. разг. *шарáхатъ*, *шарáхнутъ* 'грабить, обворовывать' [Никитина, с. 815] при рус. *шарáхнутъ* 'сильно ударить, бросить ударяя', *шарáхнуться* 'броситься в сторону, удариться обо что-то' [Шведова, с. 1102] имеет надежные соответствия в других вост.-слав. языках: укр. *шарáхнути* 'броситься' — «экспрессивное усложнение звукоподражательной основы» [ЕСУМ, т. 6, с. 381], блр. *шарáхнуць* 'рвануть, резануть'. За корнем можно признать значение 'издавать звуки', он становится полнозначным в русском языке при обозначении быстрого, резкого удара, откуда 'красть'.

105. *čersti

От пр.-сл. *čersti, *čьrti 'резать' (ср. цслав. *чръсти, чрътж* 'резать', рус. *черта*) образованы *kортъкъ 'короткий' [ЭССЯ, т. 11, с. 100—104]. В русский церковнославянский язык вошли ст.-сл. *крат, кратъкъ*, откуда и рус. (=цслав.) *прекратить* 'завершить, перестать что-л. делать'. К этому же гнезду, вероятно, стоит отнести и диал. селигер. *прикратѣть* 'взять чужое, присвоить' [Селигер, т. 5, с. 122], на вост.-слав. происхождение которого указывает собственно-русская приставка *при-*, активно используемая в данном ЛСП (ср. др.-рус. *прибирати, прияти*, рус. *присвоить*, диал. *приубирать*). Представляется сомнительным сохранение древней семантики 'резать' у заимствованного корня, можно предполагать следующее развитие значения: 'укорачивать' (ср. *сокращать*) > 'уменьшать' > 'красть'.

106. *oda

К гнезду пр.-сл. *oda* 'удочка', ср. рус. *удочка* [Фасмер, т. 4, с. 148], относится рус. разг. *удило, удильщик* 'карманный вор' [Елистратов, с. 422]. Новая семантика объясняется метафорическим переносом рыбной ловли удочкой на «выуживание» воров предмета из кармана жертвы.

107. *pęti

Пр.-сл. *pęti, *ръпѣ 'натягивать' имеет продолжения во всех славянских языках [Фасмер, т. 3, с. 292], от него – пр.-сл. *pęta 'пятка' [Фасмер, т. 3, с. 424] и *pętro 'ярус, этаж'. От имен в некоторых славянских языках образуются вторичные глаголы: рус. *пятить* 'двигать назад', польск. *piętrzyć* 'двигать вверх, громоздить'. В молодежном сленге *пянуть* значит 'красть' [Никитина, с. 579],

ср. еще диал. сибир. *спя́тнуть* 'сдвинуть назад, стащить, украсть' [СРГС, т. 4, с. 417]. Мотивация — по обозначению способа передвижения предмета.

108. *ter'ati

Пр.-сл. *ter'ati: др.-рус. *тѣрати* 'губить, разорять', *потѣрати* 'погубить', укр. *теряти* 'терять', рус. *терять* то же, серб.-цслав. *тѣрати* 'гнать', болг. *тѣрам* 'гоню, подгоняю', сербохорв. *тјѣрати* 'преследовать (по суду)', словен. *terati* 'пытать' [Фасмер, т. 4, с. 50] — родственно пр.-сл. *terti 'тереть': ср. диал. олон. *тереть* 'бежать' [Фасмер, т. 4, с. 48]. К гнезду глагола *ter'ati принадлежит и волог. *потѣря* 'кража (у Клавдии потеря сделалась)' [Волог., т. 8, с. 15]. значение 'кража' является в данном гнезде своего рода эвфемизмом — обозначением кражи через утрату.

109. *drɔg/kъ

В настоящее время пр.-сл. *drɔgъ и *drɔkъ трактуются как праславянские варианты одного отглагольного имени, восходящего к пр.-сл. *dręgati 'дергать, дрыгать' [ЭССЯ, т. 5, с. 112], со значением 'кол; то, что пихают' < 'совать' [ЭССЯ, т. 5, с. 129—131]. К этому же гнезду относятся рус. *водрузить, дручить, удручать* и т. п. Если дериваты с корневым -g- сохранили значение 'впихивать', то дериваты с корневым -k- приобрели вторичное значение 'мучить'. При этом рус. простор. *дрычить* 'бить' и его производные можно признать гиперизмами к первичному *дручить*, которые в некоторых диалектах также приобрели значение 'красть': диал. волог. *сдрючить* [Волог., т. 9, с. 112], — на основе исходного 'отбить, выпихнуть'.

110. *tepti

Для гнезда пр.-сл. *tep- / *top- 'бить, раскалывать' реконструируется глагол пр.-сл. *tipati реконструируется на основе следующих славянских глаголов: болг. диал. *типам* 'брыкаться (о скоте)', 'ступать, топать', 'ударять', *типъм* 'ходить, стараться о чем-л.', сербохорв. *tipati* 'дотрагиваться', словен. *tipati* 'ощупывать, осязать', чеш. *tipati se* 'медлительно ч.-л. делать', рус. диал. волог., вят. *типать* 'тихонько ударить, схватить; украсть; укусить, клюнуть; красться', олон. *типаться* 'игра в догонки', урал. *натипаться* 'накусать (о комарах)', *потипать* 'пощипать, покусать, поклевать' [Варбот, 2012, с. 373]. Таким образом, первичное значение *tipati восстанавливается как 'ощупывать, осязать, дотрагиваться' < 'бить, ударять' [Варбот, 2012, с. 374—375]. Производным от *типать* является диал. яросл. *стипать* 'украсть' [Яросл., т. 9, с. 73]. Мотивация — по 'щипать'.

1.2. Заимствованная лексика

«Общепризнанно, что ни на одном из уровней языка не проявляется в такой высокой степени индивидуальность лингвистического факта, как индивидуальность слова в лексике» [Варбот, 2012, с. 207]. Это особенно отчетливо заметно при исследовании заимствований, с чем сопряжены основные сложности анализа заимствованной лексики. При обращении к заимствованиям в ЛСП 'присвоение чужого' представляется целесообразным ее рассмотрение по двум группам: заимствования, пришедшие в русский язык уже со значением 'красть', и заимствования, развившие эту семантику в русском языке. Подобная группировка помогает описанию закономерностей в формальном и фонетическом плане, облегчает этимологизацию словоформ.

«Надежность решения возрастает с увеличением количества систем, на фоне которых рассматривается слово» [Варбот, 2012, с. 208]. Важнейшим условием обнаружения заимствования является рассмотрение данной словоформы на фоне родственных языков. Само отсутствие ее в других языках, безусловно, не может считаться достаточным доказательством ее иноязычного происхождения, но вкупе с нехарактерной фонетической оформленностью должно служить сигналом для поиска возможной основы в другом, неродственном языке. Межславянское сравнение необходимо также и для выявления заимствований из близкородственного языка, ярким показателем которых становится корневая вариативность, являющаяся потенциальным признаком родства.

Итак, заимствования в данной работе разделяются на две группы: имеющие значение 'красть' в языке-источнике и развившие его на русской почве, использовавшие существующие мотивационные модели.

1.2.1. Заимствования, имевшие значение 'красть' в языке-источнике

111. *гробокопатель*

Несмотря на славянский тип словообразования и славянское происхождение обеих корней (**kopati* или **grobъ*), не их семантические модификации, а поморфемное калькирование др.-греч. *τυμβωρύχος* 'гробокопатель' *τυμβωρύχι* α 'гробокопание', образованные от *τυμβωρυχέω* 'вскрывать могилы' (при др.-греч. *τύμβος* 'могила' и *ὀρύχ*- 'копать'), привели к появлению др.-рус. *гробокопатель* 'тот, кто грабит могилы' (ААЭ 1490 г.) [СДРЯ, т. 2, с. 390] и др.-рус. *гробокопаньк* 'разграбление могил' [СДРЯ, т. 2, с. 390]. Специфическая лексика не удержалась в языке и исчезла довольно рано, что связано с изменением типа похоронных ритуалов.

112. *бандит*

В XVIII в. в русском языке появляется слово *бандит* 'разбойник, грабитель, наемный убийца' [СРЯ 18 в., т. 1, с. 136]. В XX в. зафиксировано диал. псков. *бандит* 'грабитель, убийца' [ПОС, т. 1, с. 106]. Это — древнейшее заимствование данного ЛСП, пришедшее через немецкий или польский (*Bandit*, *bandyt*) из итальянского (*bandito*). В итальянском языке *bandito* 'разбойник, преступник, мерзавец, изгнанник' является субстантивированным причастием прош. вр. глагола *bandire* 'сообщать, исключать, изгонять' < гот. *bandwjan* 'подавать сигнал' [Devoto-Oli, p. 283] и родственно сущ. *banda* 'группа повстанцев, группа разбойников, группа людей, не пользующаяся уважением', в Средневековье имевшему значение 'стяг' (< гот. *bandwa* 'знак' [там же]). Это слово сохраняет в СРЛЯ значение языка-источника: 'вооруженный грабитель, насильник, убийца, похититель' [СИС, с. 114] — и является одним из самых распространенных неофициальных именовании вора.

Любопытный феномен представляет собой развитие целого ряда *potina agentis* в данном гнезде в псковском диалекте. С заменой нехарактерного для русского языка суффикса *-ит* на более распространенный *-ист* зафиксирована лексема *бандйст*; с прибавлением суффикса повышенной экспрессивности появляется лексема *бандюга / бандюк*; под влиянием народной этимологии и контаминации с *дурь* появляется лексема *бандурь* — все со значением 'бандит' [ПОС, т. 1, с. 106].

Влияние этого гнезда сказалось на значении диал. псков. *бандэровец* 'бандит' [ПОС, т. 1, с. 106]. Изначально бандеровцы — члены Организации украинских националистов во главе со Степаном Бандерой, наименование которых в дальнейшем начало использоваться официальной пропагандой времен Второй Мировой войны для обозначения предателей и затем - бандитов: см. А.Ф. Федоров «Последняя зима», в которой упоминается сотрудничество

украинских националистов с немцами-фашистами по части шпионажа, вербовки рабочей силы для отправки в Германию, ведения боевых и партизанских действий против советских войск, совместных или совпадающих по времени карательных экспедиций против советских партизан, действий против мирного населения [Федоров]. Такая легкость в появлении нового значения объясняется, помимо внелингвистических причин, также и фонетическим сходством лексем *бандеровец* и *бандит*.

113. *пират*

Из др.-греч. *πειρατής* 'разбойник, грабитель' (от др.-греч. *πειράω* 'пытаюсь' [Фасмер, т. 4, с. 265]) через лат. *pirata* 'морской разбойник' и нем. *Pirat* то же в русском языке появляется небольшое по числу входящих в него членов гнездо: *пират*, *пиратский*, *пиратство*. Международная судебная практика хорошо знакома с пиратским захватом грузов, судов, которые затем могут продолжать курсировать под другим цветом, названием и флагом [Бойцов, с. 166], а контраргумент Клепицкого о том, что «пиратство не требует дополнительной квалификации по соответствующим статьям о преступлениях против собственности» [Клепицкий, с. 17], представляется не вполне оправданным. Пиратство принадлежит к одним из древнейших преступлений, распространившихся в околоевропейских морях с развитием торгового мореплавания и представлявших реальную угрозу. Основное отличие этого типа кражи от всех остальных сводится к тому факту, что преступление совершается на территории, не подвластной юрисдикции ни одного из государств, если же пиратство имеет место в водах или воздушном пространстве какого-либо государства, то оно трактуется соответственно как разбой, грабеж или иное [Бойцов II, с. 63—64]. Пиратство в настоящее время ближе к преступлениям против общественной безопасности, нежели к преступлениям против

собственности. Поэтому в большинстве стран мира пиратство выводится из числа хищений, а ставится в один ряд с терроризмом и бандитизмом.

Только в таком понимании это понятие знакомо русскому этносу. Однако современный человек стал свидетелем иного преступного присвоения, также получившего наименование «пиратство», — это действия, направленные на авторское право: компьютерное пиратство, аудио- и видеопиратство. Явление нелегального (подпольного) воспроизведения литературного произведения было широко распространено в СССР и носило наименование «самиздат»; люди, занимавшиеся таким видом издания книг, нарушали закон. Ситуация кардинально меняется с появлением сетевых электронных аудио-, видео- и библиотек, бесплатно предоставляющих всем желающим доступ к информации. Многие пользователи стали распространять в основном или исключительно копии произведений, авторы и издатели которых не разрешали этого делать, однако добиться исключения произведения из базы того или иного интернет-ресурса представляется крайне проблематичным. Таким образом, новый тип пиратства связан с электронной информацией в целом, а подобное наименование данного преступления, видимо, является калькой соответствующего английского термина *pirate* 'тот, кто размещает или использует нелегально размещенную информацию', появившегося из представления об интернете как о безбрежном океане — ср. англ. *surf the Internet*.

114. *плагиа́т*

На основе лат. *plagium* 'похищение' < *plagio* 'красть' [СИС, с. 631] в западноевропейских языках развивается значение 'присвоение чужого авторства', которое затем переключивается в русский язык (*плагиа́т*), вероятно, через немецкий. Лексема (вместе с порожденным гнездом: *плагиа́тор* (< нем.

Plagiator) и рус. разг. *плагиатить*), как и ее значение, являются сравнительно новыми, так как вплоть до Нового Времени не существовало понятия «авторское право»; в Средневековье, напротив, новый текст признавался тем совершеннее, чем он точнее воспроизводил более ранний текст. С развитием писательства как источника больших гонораров, с развитием конкуренции среди авторов этот тип воровства приобретает все бóльшую значимость, что является частью масштабного процесса глубокой материализации современного мира. Начало данному процессу во многом было положено воззрениями Фихте, первым заговорившем о телесности книги и продуктов умственного труда (*das Körperliche eines Buches und sein Geistiges*) [*Grundbegriffe*, s. 86]. Именно с этого момента (с 1793 г.) можно отсчитывать историю авторского права и, следовательно, плагиата, активно проникавших в законодательства Европы и России с XIX в.

115. компиляция

Из латинского через немецкий / французский в русский язык приходят слова *компиляция* (фр. *compilation* 'компиляция' < лат. *compilatio* 'ограбление') [*СИС*, с. 419], *компилятор* (< фр. *compilateur* то же) обозначающие явления, близкие к *плагиат*, *плагиатор*, однако при данном типе кражи не последнее значение имеет творческая обработка украденного: текст или идея не просто меняют своего автора, как в случае с плагиатом, но существенно перерабатываются новым автором и подразумевают соединением воедино нескольких текстов.

116. *клептомания*

Клептомания является одним из психологических расстройств, связанных с поражением волевой сферы человека: человек прекрасно осознает преступный характер содеянного, но предотвратить его не может. В русский язык слово пришло из немецкого (возможно, через французский): нем. *Kleptomanie* 'клептомания', при греч. *κλέπτω* 'краду' [СИС, с. 403], ср. еще *клептоман* (нем. *Kleptomane* то же) [Шведова, с. 339]. Но если в языке-источнике, древнегреческом, этот корень служил обозначением «бытового» присвоения, то под действием общей тенденции к терминологизации греческих и латинских корней европейскими языками лексемы получили значение болезненно обусловленной импульсивной, непреодолимой потребности что-то украсть. Понятие является довольно поздним, появившимся с началом изучения психических процессов, начавшимся с конца XIX в. Это — единственный тип кражи, направленный не на конкретный объект, а лишь на процесс: кража, а не обогащение или зависть, становится самоцелью поступка: при определении кражи говорится лишь о корыстной цели, а не о корыстном мотиве [Бойцов, с. 287]. Другой особенностью этого типа кражи является неожиданность появления влечения, возникающего, как считают психиатры, на фоне тяжелейших дисфорий, а по совершении желаемого больной испытывает чувство облегчения и удовлетворения [Блейхер, с. 355—356].

117. *глиссануть*

Рус. разг. *глиссануть* 'украсть, взять тайком' [Елистратов, с. 86] произведено от франц. аргот. *glisser* 'украсть, стащить' < фр. 'едва касаться, выскользнуть'.

118. *карабча*

Рус. диал. *кара́бча*, *карабчу́н* 'воришка' [Фасмер, т. 2, с. 190], от которого диал. сибир. *кара́мчить* / *кара́нчить* 'брать тайком, воровать, красть невесту' [СРГС, т. 2, с. 36], рус. шерстоб. *карамчѣло* 'вор', *кара́мчить* 'воровать' [Бондалетов: 121]. Следуя Фасмеру, возводим к тадж. *кагарѣик* 'вор' [Фасмер, т. 2, с. 190]. Следствием экспрессивного усложнения основы можно считать и диал. устар. сибир. *(с)харáнчить* 'воровать' [СРГС, т. 5, с. 204].

1.2.2. Заимствования, развившие значение 'красть' на русской почве

119. *карманник*

Достоверно не установлено точное происхождение слова *карман* в славянских языках (ср. др.-рус. имя собств. *Корманъ*, др.-польск. *kortan* / *korban* 'карман' [Фасмер, т. 2, с. 201]). В данной работе принимается теория о заимствовании данного слова из тюркских языков (< сев.-тюрк. *karman* 'карман, кошелек', алт. *karman* то же < тюрк. *kar-* 'врывать, проникать' [Фасмер, т. 2, с. 201]). На основе первичного значения 'карман', т. е. 'что-то скрытое и содержащее нечто ценное небольшого размера', развивается семантика поля 'воровать' у ряда однокоренных слов: рус. молод. сленг. *карман* 'карманный вор' [Никитина, с. 263], рус. диал. *карманничать* 'промышлять карманным воровством' [Даль, т. 2, с. 93], рус. перм. *обкарманить* 'обворовать' [Перм., т. 2, с. 18], русс. *карманник*, *прикарманить*. Причем последний теряет связь именно с карманными кражами и в разг. рус. является синонимом *присвоить*.

120. барыш

Рус. разг., диал. помор. *бары́ш* 'прибыль, излишек' [Даль, т. 1, с. 129], перм. 'удача, счастливый случай', смолен. *бары́ш* 'договор относительно подарков между женихом и невестой; сватовство', перм. 'поколение, склонное к легко нажитому обманом', челяб. *барышом придет* 'вернется с прибылью (о затратах на скотину)', урал. *барышэвать* 'торговать с прибылью' [СРНГ, т. 2, с. 125] восходит к кирг. *baruŝ* 'поход' [Фасмер, т. 1, с. 129]. На основе значения 'военный поход' > 'разбой' в русском языке развивается значение *барыш* 'легкая добыча, откат', с которым слово становится родоначальником гнезда: рус. помор. *бырышйтъ, бары́шничать, бары́шник* 'любитель для себя обманным путем накапливать средства и приобретать капитал; падкий на всякого рода прибыль' [Дуров, с. 23], рус. угол. аргот. *барыга* 'ростовщик, скупщик краденного', *барыжиться* 'жадничать', диал. казацк. *боры́га* 'спекулянт' [Малеча, т. 1, с. 158], рус. жарг. *бары́ка* 'вещевой рынок', *бары́шничать* 'спекулировать' [Жаргон, с. 52—53].

121. аманат

Диал. дон. *аманат* 'обманщик', 'вор' [СРДГ, т. 1, с. 4] (дон. казацк. *аманат* 'заложник, жулик, обманщик' [Дон. Казацк., с. 25]), дон. казацк. *аманатка* 'воровка' [Дон. казацк., с. 25] восходят к татар. < тур. < араб. *amanat* 'залог, поручение' [Фасмер, т. 1, с. 75]. Лексема одновременно появляется в РЛЯ XVIII в. и в некоторых русских говорах с этимологически верным значением 'заложник' [СРЯ 18 в., т. 1, с. 56], [СРГС, т. 1, с. 28]. Значение же 'вор' является вторичным, сформировавшимся на основе представления о невозвращенном залоге, захвате в плен (см. выше *полонить* 'красть'), под влиянием созвучного

глагола *обмануть*, откуда и 'обманщик'. В таком случае семантическая цепочка выглядит следующим образом: 'залог' > 'не вернуть, присвоить' > 'обмануть'.

В говорах донских казаков лексема становится основой словообразовательного гнезда со значением 'вести нечестную жизнь, спекулировать': *аманáтить* 'спекулировать', *аманáтничать* 'заниматься спекуляцией, перепродажей', *аманáтчик* 'купец, обманщик' [Дон. Казацк., с. 25—26]. Кроме того, благодаря созвучию корня с рус. *манатка* (др.-греч. *μαντίον* 'плащ' > др.-рус. *манътня*, *манътка* > рус. *манатка* [Фасмер, т. 2, с. 567]) образуется дон. казацк. *аманáтки* 'пожитки, мелкие вещи' [Дон. Казацк., с. 25].

122. баклажничать

Диал. псков. *бакла́жничать* 'воровать, дергать из баклаг' [ПОС, т. 1, с. 96] образовано от рус. *баклага* 'небольшой, обычно плоский сосуд с крышкой' < тат. *baklak* 'сосуд для воды' [Фасмер, т. 1, с. 110]. Мена *k/g* в заимствованиях из алтайских языков представляет собой явление достаточно распространенное в русском языке (ср. рус. *Байкал* < бурят. *Байгал*). С точки зрения семантики слово является вполне прозрачным — значение 'воровать' на основе обозначения места промысла вора (ср. *карманник*).

123. схимостить

Диал. новг. *схимостить* 'украсть' [НОС, т. 11, с. 12], скорее всего, связано с фин. *hiimat* 'чары' [Фасмер, т. 4, с. 237], откуда также сибир. *похимастить* 'сглазить', *похимаститься* 'показаться, почудиться' [СРГС, т. 3, с. 425—426], рус. диал. *химостить* 'ворожить, красть, врать', укр. *химорода* 'колдовство'. На русской почве вычленяется корень *-хим-* (ср. *схимить*, *схимзить* то же), а дальнейшее наращение корня в виде *-ст-*, знакомое по

данному ЛСП (*грабастать*), носит полуфункциональный, экспрессивный характер. Восстанавливается модель: ‘колдовать, заговаривать’ > ‘врать’ > ‘воровать’.

124. *сбулить*

На основе бурятского *булэ* ‘добывать рыбу загоном’ [Аникин, 2000, с. 141] в русских уральских говорах образуется ряд глаголов со значением ‘украсть’: *сбулѣть, сбулѣнить, сбаулить, сбулефѣлить* [СРГСУ, т. 5, с. 113], выстроенные в данном случае от морфологически простого к более сложным, усложненным экспрессивными наращенными. На основе исконного бурятского значения ‘ловить рыбу’ > ‘загонять, хватать’ и возникает новая семантика ‘воровать’.

125. *чужить*

Рус. *чужой* (< пр.-сл. **tjudjь*, из гот. *Þiuda* ‘народ’ [Фасмер, т. 4, с. 379]) имеет производный глагол диал. дон. казацк. *чужѣть* ‘жить за чужой счет, воровать’ [Дон. Казацк., с. 583]. *Чужбина* в литературном языке имеет только значение ‘чужая земля, не-родина’, тогда как в донских казацких говорах – ‘чужое добро’ [Дон. Казацк., с. 583], откуда дон. (казацк.) *чужбѣнник* ‘человек, стремящийся прожить за чужой счет’, ‘вор’ [СРДГ, т. 3, с. 196], [Дон. Казацк., с. 583]. В говоре представлена несколько отличная от СРЛЯ формально-семантическая цепочка: рус. дон. *чужбина* получает место *nomen objectis*, занятое в СРЛЯ прилагательным *чужой*, а сам корень становится обозначением лишь чужой собственности и лишается абстрактного значения СРЛЯ ‘неродной’.

126. ляпнуть

Диал. сибир. *ляпнуть* 'украсть' [СРГС, т. 2, с. 246], восходящий к саамск. *lierre* 'железный крюк с короткой деревянной рукояткой для извлечения больших рыб, пойманных на удочку', откуда сев.-рус. *ляп* в том же значении [Фасмер, т. 2, с. 552], развил значения 'украсть' на основе характера действия, совершаемого рыболовным крюком.

127. штукарь

В начале XVIII в. через укр. *штука* < польск. *sztuka* < нем. *Stücke* 'штука, кусок' [Фасмер, т. 4, с. 480] в русском языке появляется слово *штука* с сохранением значения языка-источника, от которого русским диалектам известны производные, проникшие затем в русское арго: *штукарь* 'пройдоха', 'скоморох' > *штукарить* 'подыматься на штуки, хитрости, проделки, проказничать' [Даль, т. 4, с. 646], отсюда далее диал. сибир. *штука́рь* 'бандит, жулик, вор, уголовный преступник' [СРГС, т. 5, с. 363]. Значение 'вор' у данного корня обязано своим появлением значению 'хитро, искусно изготовить что-либо' [Даль, т. 4, с. 646], откуда – 'хитрость, обман', далее – 'вор'.

128. замытарить

Рус. *мыто* 'пошлина за ввоз' (ср. др.-рус. *мыто* 'пошлина, налог', болг. *мито*, сербохрв. *mît* 'взятка', словен. *míto* 'взятка', чеш. *mýto*, словц. *myto*, польск. *myto* 'плата, награда' [Фасмер, т. 3, с. 26]) заимствовано из д.-в.-нем. *mûta* 'пошлина' [там же]. Скорее всего, славянским новообразованием является *мытарь* (хотя возможно и заимствование из д.-в.-нем. *mûtâri* [Фасмер, т. 3, с. 25]), от которого — рус. *мытарить* 'мучить' < 'обдирать пошлинами, налогами'.

На основе значения 'собирать (незаконный) оброк' образуются диал. казацк. *замытáрить* 'присвоить нечестным путем' [Малеча, т. 2, с. 55] и экспрессивное казацк. *замытрафь́рить* 'спрятать, уворовать' [там же]. Последнее, видимо, является следствием сложения двух глагольных основ: *мыт-* и *фур-* / *фыр-*: ср. диал. псков., твер. *фурáть*, *фúргать*, *фúркать* 'бросать, швырять', укр. *фúркати* 'вспархивать', сербохорв. *фúрати* 'бросать', польск. *furknać* 'упорхнуть', рус. *фы́рнуть* 'швырнуть'; вят., псков., тверс. *фúрить* 'сильно дуть, течь'; олон. *фы́ркать* 'сорить деньгами', укр. *фíркати* 'швырять', рус. *фóркать* 'бить', укр. *фóркати* 'прыскаться', болг. *фь́ркам* 'лететь', сербохорв. *фр́кати* 'сопеть', словен. *fřkati* 'шмыгать, брызгать', чеш. *frkati* 'фыркать', рус. *фáркать* 'фыркать' — все звукоподражательного происхождения [Фасмер, т. 4, с. 210—211, 213]. Таким образом, мотивация — 'обдирать налогами' + 'сдуть'.

129. каймашник

Примером обозначения «узкопрофильной» кражи можно считать диал. казацк. *каймáшничать* 'воровать каймак', *каймашник* 'казак-малолеток, ворующий каймак для вечеринок' [Малеча, т. 2, с. 153—154], образованные от тюрск. *қаймақ* 'густые сливки с топленого молока, вид кисломолочного продукта'. Мотивация по объекту кражу.

130. шабашики

Рус. *шабáш* 'конец работы' восходит через польск. *szabas* и еврейско-нем. *Schabbes* к др.-еврейск. *שַׁבָּת* 'суббота' [Фасмер, т. 4, с. 391], конечное *-ш-* в русском слове является результатом межслоговой ассимиляции. Лексема известна многим русским говорам в значении, производном от 'суббота' как единственного свободного от работы дня у евреев: 'конец работы, время

роздыха, стой!' [Даль, т. 4, с. 617]. Лексема становится активным началом собственного гнезда: рус. диал. *шаба́шки* 'дрова, щепки, уносимые плотниками с собой домой', диал. *шаба́шничать* 'прогуливать рабочие дни' [там же], яросл. *шаба́шить, шаба́шничать* 'зарабатывать деньги на стороне' [Яросл., т. 10, с. 67], яросл. *шаба́шка* 'что-либо взятое незаконно; служебная машина, которая используется для незаконных перевозок в целях личной наживы' [там же]. Значение 'незаконно присвоить' восходит к цепочке развития значения: 'отдыхать' > 'использовать что-л. (материал, время) вне работы' > 'незаконно присваивать'.

131. *пошкодить*

Диал. смолен. *пошко́дить, пошко́довать* 'украсть' [Смолен., т. 2, с. 694] образовано от рус. *шкода* 'вред, ущерб', заимствованного через польск. *szkoda* из д.-в.-нем. *scado* 'вред' [Фасмер, т. 4, с. 449]. Значение 'украсть' — из 'причинять ущерб'. Модель сходна с *потеря*.

132. *позычить*

Диал. дон. казацк. *позы́чить* 'взять в долг; украсть' [Дон. Казацк., с. 391] восходит к заимствованию из польск. *pożyczyć* 'одалживать', которое от польск. *pożytek* 'польза, выгода' [Фасмер, т. 3, с. 304]. В русском языке путем обратного словообразования с XVI в.: *зычить* 'желать' [Фасмер, т. 2, с. 110]. Значение развивается на основе семы 'быть должным, в долгу' > * 'не вернуть долг' > 'утаить, украсть' (ср. *аманат*).

133. *ошкуй*

Диал. помор. *ошкуй* 'белый медведь; грабитель' [Мосеев: 240] восходит к коми *oš* 'медведь', елатемск. *oškiś* то же [Фасмер, т. 3, с. 180] при с оформлением при помощи рус. разг. суффикса *-уй-* (*обалдуй*). Значение 'грабитель' могло развиваться на основе представления о белом медведе как о хищнике (см. гнездо **хут-* выше). Возможно еще и влияние *ошкурить* 'оборвать, очистить' по созвучию.

134. *кустарник*

Рус. *кустарь* 'ремесленник' является заимствованием из ср.-нж.-нем. *kunster* 'знаток искусства, ремесла' [Фасмер, т. 2, с. 432]. Из-за формального сходства со славянским корнем **kust-* в русских говорах появляется *кустáрник* в том же значении, который под влиянием негативного отношения к мелкой буржуазии принимает в подмосковных говорах также и значение 'вор, мошенник' [Иванова, с. 569] (ср. распространенное в данном ЛСП 'купец' > 'мошенник' на базе представления о «торгашестве»). Эта лексема проникает и укореняется в русском арго: рус. угол., арест. *кустáрь* 'вор-одиночка; осужденный, изготавливающий различные запрещенные предметы по заказу администрации' [Жаргон, с. 304]. Оба значения основаны на 'ремесленник', но с различной акцентуацией: в первом значении акцент сделан на 'торгаш', во втором — на 'мастер', кроме того, во втором случае не исключено влияние значения обособленности.

135. *оттасовать*

Диал. одесс. *оттасовать* '(экспрес.) украсть' [Карпенко, т. 1, с. 365] производно от заимствованного фр. *tasser* 'накладывать грудой' (*tas* 'куча'), в РЛЯ карт. *тасовать*. В говоре же мотивация значения кражи достаточно прозрачна: 'сгребать в кучу' > 'красть'.

136. *фараонить*

Диал. одес. *фараонить* 'воровать' [Карпенко, т. 2, с. 253] восходит к др.-егип. *per^o* 'дворец' через греч. *φαραών* 'царь Древнего Египта' [Фасмер, т. 4, с. 185]. В русском языке (изначально в языке петербургских мазуриков) *фараон* 'полицейский' (впервые отмечен в прозе Н. Лескова), откуда *фараонить*. Значение 'полицейский' возникло изначально в английском языке из-за сходства головных уборов английских полицейских с головными уборами египетских фараонов. Значение же 'воровать' обязано своим появлением, видимо, отрицательному отношению к органам власти в преступной среде (ср. рус. жарг. *замитьковать* 'украсть' < *митька* 'постовой милиционер' [Никитина, с.214]) и низкому социальному статусу воров, особенно карманников, в ней.

137. *сбарчить*

Рус. шерстобит. *сбарчить* 'украсть' [Бондалетов, с. 129] — производное от *барка*, которое восходит к фр. *barque* / нем. *Barke* < ит. *barka* < ср.-лат. *barica* < греч. *βάρις* < копт. *bari* 'египетское судно, лодка' [Фасмер, т. 1, с. 127] с семантической трансформацией 'увезти на лодке' > 'воровать'.

138. *бомбануть*

Рус. разг. *бомбануть* 'ограбить, отобрать, вымогать, обобрать' [Елистратов, с. 45], образованный от *бомбить* 'зарабатывать на жизнь частным извозом' [там же], восходит к ит. *bomba* 'бомба' (< 'жужжащий снаряд' < греч. *βόμβος* 'жужжание'), пришедшему в русский язык через польск. *bomba* то же или нем. *Bombe* то же [Фасмер, т. 1, с. 191]. Значение 'красть' основано на метафорическом перенесении значения 'налететь, напасть'.

139. *натараканить*

Рус. разг. *натараканить* 'наворовать, натащить' [Елистратов, с. 242] восходит к вост.-слав. *таракан* / *торокан*, которое, по мнению Якобсона, является заимствованием уничижительного употребления тюрк. *tarkan* 'сановник' [Фасмер, т. 4, с. 21]. В русском угол. арго *таракан* — 'глупый человек, сотрудник милиции' [Жаргон, с. 581]. Семантическое развитие как в случае с *фараонить* при влиянии первичного 'таракан'.

140-142 *спионерить, скоммуниздить, скомсомолить*

Кажется, можно вместе рассмотреть образования *(с)пионерить* и *скоммуниздить* 'воровать' [Елистратов, с. 375, 386], *скомсомолить* 'украсть' [Никитина: 638] вследствие сходства мотивации и оформления глаголов. Значение 'красть' обязано своим происхождением теории о коммунистическом общественном строе при полной ликвидации частной собственности, с вольной и грубой интерпретацией известной формулы советского времени: *все вокруг колхозное — все вокруг мое*.

143. *пациент*

Рус. разг. *пациент* 'тот, кто намечен жертвой обмана', 'жертва карманника' [Елистратов, с. 282] < нем. *Patient* 'пациент' < лат. *patients* 'претерпевающий'. Семантика 'жертва карманника' образована на шуточном представлении кражи как заботы о человеке (ср. рус. разг. *пассажир* 'предполагаемая жертва жульничества, тот, кого обвешивают' [Елистратов, с. 280]).

144. *отработать*

Рус. *работа* является заимствованием из ст.-сл. *рабоѣта* (**orbota* 'труд, нужда, тягота' [Фасмер, т. 3, с. 427]). Ироническим продолжением является рус. жарг. *отработать* 'украсть' [Никитина, с. 465] при переосмыслении полученного незаконным путем как заработанного.

145. *приватизировать*

От лат. *privatus* 'лишенный (должности)' через польск. *prywatny* 'частный' появляется в русском языке *приватный* то же. Недавним новообразованием русского языка с данным корнем является глагол *приватизировать*, ставший обозначением оформления жилья, земли и предприятий в частную собственность. Просторечие откликнулось на новое слово и явление в жизни русского этноса и выразило сомнение в законности массовой приватизации формированием ирон. *приватизировать* 'украсть' (< 'сделать своим') [Никитина, с. 550].

146. *ремонтник*

Рус. *ремонт* (< фр. *remonte* < *remonter* 'снова подниматься, восходить' [Крысин, с. 609],) в дальнейшем формирует *ремонтник, ремонтировать*. В уголовной среде, крайне агрессивно относящейся ко всем видам инакомыслия и необычного поведения, у данных словоформ формируется значение 'избивать, грабить гомосексуалиста', просочившееся в русское просторечие [Никитина, с. 596]. В основе мотивации лежит представление о гомосексуализме как о заболевании, требующем насильственного лечения.

147. *свинтить*

Рус. *винт* < польск. *gwint* < нем. *Gewinde* 'резьба, нарезка' [Фасмер, т. 1, с. 317] образует на русской почве гнездо отыменных глаголов, обозначающих способ вращения винта и его закрепления, завинчивания, чему способствует вторичное формальное сходство с рус. продолжениями пр.-сл. **viti*. На основе метафорического переосмысления отвинчивания шурупа, винта формируется рус. жарг. *свинтить, свинчивать* 'украсть, взять без разрешения' [Никитина, с. 621].

148. *фитиль*

Рус. разг. *фитиль* 'хулиган, бандит (*а вдруг какой фитиль в темном переулке?*)' [Никитина, с. 749] восходит к тур. *fıtıl* 'фитиль' [Фасмер, т. 4, с. 197]. Жаргонное значение, кажется, является метафоризацией огня фитиля как неожиданного и опасного появления преступника (ср. *гоп-стоп*).

149. *шакалить*

Рус. разг. *шака́лить* 'отбирать, совершать грабёж' [Никитина, с. 813] развивает значение поля в уголовной среде, где *шакалить* 'воровать у сакамерников' < *шакал* 'грабящий сакамерников' [Жаргон, с. 680] (от рус. *шакал* < фр. *chacal* < нов.-перс. *šayāl* < др.-инд. *ṣṛgālās* – все в значении 'шакал' [Фасмер, т. 4, с. 395]). Семантика грабежа развилась на основе отрицательных коннотаций названия хищника, питающегося чужой добычей.

150. *слимонить*

Рус. разг. *слимо́нить* 'украсть' [Никитина, с. 642] восходит к жарг. *лимон* 'миллион' на основе созвучия с *миллион*. Лексема является примером редкого обозначения кражи по объекту.

* * *

Итак, за исключением гнезд слов, имевших значение присвоения чужого в языке-источнике (*гробокопатель, бандит, пират, плагиат, компиляция, клептомания*), данное ЛСП развивает семантику присвоения по уже известным русскому языку моделям: 'векторное перемещение предмета в пространстве' (*оттасать, сбарчить*), 'хватать, взять' (*сбулить, чужить, ляпнуть, глиссануть*), 'применять силу' (*ремонттировать*), 'быстрое, неожиданное совершения действия' (*бомбануть, фитиль*), 'отклонение от нормального (аморальное) поведение' (*схимостить, штукарь*), 'уподобление другому лицу по схожести поведения' (*ошкуй, фараонить, натараканить, шакалить*), 'специализация по предмету / объекту кражи' (*карманник, баклажничать, каймашничать, слимонить*), 'причинять зло' (*пошкодить*), 'сделать своим' (*спионерить, скомсомолить, скоммуниздить, отработать, приватизировать*), 'поворачивать' (*свинтить*), 'социальный статус жертвы' (*пациент*).

Не отмечены заимствования, развивающие значение кражи по следующим моделям: 'отдирать, отделять', 'перемещение преступника', 'место промышления', 'утрачивать / заставляя исчезать', 'копить', 'выуживание'.

Негативное отношение русского этноса к незаконному получению прибыли находит свое отражение в развитии значения 'воровать' только среди производных заимствованных слов по модели 'получение прибыли' (*аманат, замытарить, позычить, шабашничать, кустарь*).

1.3. Темные лексемы

Изучение темных слов является важной и специфической задачей этимологии. Редкие слова, составляющие четверть словаря старославянского языка, число которых могло достигать более 95% отдельного памятника древнерусского языка, отражают процессы изменения словаря. Несмотря на проблемность отождествления, темные редкие слова «имеют прямое отношение к процессам утраты древних лексем и появлению новообразований, не закрепившихся в языке» [Варбот, 2012, с. 189]. Среди них могут оказаться как архаичные, утраченные впоследствии основы, так и новообразования, не удержавшиеся в языке в дальнейшем. Тем самым их изучение существенно обогащает как данные о праславянском наследии, так и о современных славянских языках. При рассмотрении темных слов приходится считаться с проблематичностью их филологической достоверности и нередкой гипервариативностью, что существенно усложняет анализ и увеличивает степень гипотетичности любых решений относительно их значения и происхождения, проявляющейся в сосуществовании нескольких версий, среди которых трудно предпочесть одну. «Результаты этимологических исследований имеют гипотетический характер, что и объясняет в значительной степени не только факты смены версий происхождения определенного слова, но и

возможность их сосуществования» [Варбот, 2012, с. 196], что связано также с сочетанием алгоритмических и неалгоритмических процедур в этимологическом исследовании [Супрун, с. 41—42].

Хотя и следует остерегаться далекоидущих выводов о семантическом развитии и возможной праязыковой реконструкции темных слов, они сравнимы с археологической находкой [Malkiel, 1962, с. 201], которую невозможно проигнорировать («Покажи мне камень, который отбросили строители. Он — краеугольный камень!» [Наг-Хаммади, с. 377]): темная лексема может являться потенциальным реликтом, полезным или даже необходимым для восполнения словарного состава языка. «Поэтому представляется, что научная добросовестность обязывает и лексикографов, и этимологов идти на известный риск, связанный с исследованием темных слов и гапаксов» [Варбот, 2012, с. 193].

151. *счалить к -čal-*

Именные производные с корнем *-чал-* в вост.-слав. языках стабильно имеют значение 'веревка' и под.: укр. *чал* 'веревка, трос', укр. спец. *зчал*, *зчálка*, *зчáлок* 'веревка' [там же]; рус. диал. *чал*, *чалка* 'обмот, завязка, всякая веревка' [Даль, т. 4, с. 581], диал. *отчáлок* 'обрывок, веревка, отвязанная от другой' [Даль, т. 2, с. 766], диал. *причáл* 'веревка, которой что-л. привязано', диал. *причáлок* 'конец веревки, обрывок' [Даль, т. 3, с. 459], диал. *счáлок* 'веревка, завязка, привязь, перемот', волж. *счал* 'несколько концов веревки, связанных в одну веревку' [Даль, т. 4, с. 371]. Глаголы, образованные от именных основ в русских диалектах, имеют значение 'привязывать': ср. рус. диал. *чáлить* 'привязывать, связывать' [Даль, т. 4, с. 581], диал. *отчáливать* 'отвязывать связанное, привязанное' [Даль, т. 2, с. 766], диал. *причáливать* 'прикреплять завязкой' (*причаль веревку за бревно; причаль корову, чтоб не ушла; причаль лодку к*

обманщик, окутала', укр. *огудина* 'вор' [Даль, т. 2, с. 648]. Относительно формы *подгундорить* можно предположить влияние рус. *гундеть*, *гугнивый*, диал. псков. *гундóсить* 'невнятно говорить, выпрашивать, клянчить', *гундос* 'попрошайка' [ПОС, т. 8, с. 89] (ср. рус. арх. *гундорить* 'издавать невнятные звуки (о ребенке)' [Арханг., т. 10, с. 157]). Таким образом, развитие семантики реконструируется следующим образом: 'издавать (невнятные) звуки' > 'намеренно туманно говорить, вводить в заблуждение' > 'воровать'.

153. *поддеюлить* к **dĕ(ja)tī*

Древним значением пр.-сл. **dĕ(ja)tī*, **dĕdjo*, унаследованным от и.-е. **dhĕ-*, было 'ставить, класть', откуда затем развивается вторичное значение 'делать' [ЭССЯ, т. 4, с. 230]. На базе значения 'делать' (вероятно, ловкого, проворного действия) появляется значение 'красть': рус. сибир. *обделать* 'отремонтировать, украсть' [СРГС, т. 3, с. 18] (ср. рус. разг. *обделать делишки, я его сделал*). На основе настоящего времени **dedjo* приставочного глагола *поддеть* 'приподнять' с экспрессивными суффиксами формируется диал. помор. *поддедѳлить* 'подцепить, подхватить' [Дуров, с. 308], яросл. *поддедѳливать* 'поддевать (о еде), делать колкое замечание, задевать' [Яросл., т. 8, с. 25], яросл. *поддедѳлило* 'повезло' [Яросл., т. 8, с. 25], подмоск. *поддедѳлить* 'выпросить, подговорить' [Иванова, с. 369], сев. *выдидѳливаться* '(неодобрит.) красоваться, выражаться' [СГРС, т. 2, с. 220] — ср. рус. разг. *выделываться*), яросл. *поддедѳрить* 'поднять повыше, подпернуть (об одежде)' [Яросл., т. 8, с. 25], волог. *поддедѳлить* 'взять с собой' [Волог., т. 7, с. 91] и, наконец, новг., яросл. *поддедѳлить* 'украсть' [НОС, т. 8, с. 29], 'присвоить, раздобыть' [Яросл., т. 8, с. 25]. Ср. С той же основой волог. *поддѳжить* 'поддеть, поймать' [Волог., т. 7, с. 91]. Семантической базой для 'красть' является 'ловко схватить'. Параллельно с

'красть' развивается и значение 'обманывать': смолен. *поддедјолить* 'обмануть', ср. смолен. *поддѣлать* 'очаровать, заколдовать' [Смолен., т. 2, с. 623].

154. *разбутыскать* к **butiti*

Диал. урал. *разбуты́скать* '(экспр.) растащить' [СРГСУ, т. 5, с. 52] может быть связано с пр.-сл. **butiti*: сербохорв. *бу́тити* 'сбивать (масло)', словен. *bútití* 'сильно удариться', др.-рус. *бѹтити* 'сильно ударить', рус. диал. *бу́тити* 'бить, колотить'; **butati*: болг. *бу́там* 'толкать; сбивать масло', макед. *бу́та* 'толкать', сербохорв. стар. *butati* 'трогать, ударять', словен. *bútatí* 'толкать, бить(ся)' [ЭССЯ, т. 3, с. 102]. На базе значения 'толкать, выбить' формируется значение 'растащить'. С формальной точки зрения корневое *-ск-* является наращением экспрессивного характера, широко известное данному ЛСП (*грабастать* и др.).

155. *баянить, баклать, бачить* к **bajati*

Диал. яросл. *прибая́нить* 'обмануть, присвоить чужое' [Яросл., т. 8, с. 82], видимо, входит в гнездо **bajati* 'шептать, заговаривать, говорить', ср.: болг. *ба́я* 'шептать, заговаривать', диал. болг. *бае* 'лечить заговорами', макед. *бае* 'колдовать, заговаривать', сербхрв. *бајати* 'заговаривать', словен. *bajati* 'гадать, заговаривать', укр. *баяти* 'заговаривать' [ЭССЯ, т. 1, с. 138], др.-рус. *баяти* 'ворожить', 'рассказывать басни', 'говорить, болтать' [СРЯ, т. 1, с. 83]. С формальной точки зрения диалектизм испытал влияние производного к *баять* имени *баян*. Результатом экспрессивного расширения основы являются глаголы *сбаклать* и *сбачить* [ЭССЯ, т. 1, с. 120], которые также известны русским говорам в значении 'красть': диал. урал. *сбакла́ть* '(экспр.) украсть, стащить' [СРГСУ, т. 5, с. 111], волог. *сба́чить* 'украсть' [Волог. т.9: 95]. Семантическое развитие в обоих случаях можно представить следующим образом: 'гадать' /

'болтать' (ср. рус. диал. *ба́кать* 'болтать' [Фасмер, т. 1, с. 109]) > 'лгать' (ср.: чеш. *bájeti* 'говорить небылицы', польск. *bajać* 'рассказывать небылицы' [ЭССЯ, т. 1, с. 138]) и далее > 'красть'.

156. сбукчить к **bukati*

Диал. урал. *сбукчить* 'украсть' [СРГСУ, т. 5, с. 113] можно отнести к гнезду глагола пр.-сл. **bukati* 'реветь, плакать, кричать, мычать' при первоначальной звукоподражательной семантикой 'издавать звук' [ЭССЯ, т. 3, с. 88]. Др.-рус. *боу́чити* 'гудеть, реветь' [СДРЯ, т. 1, с. 325], ст.-рус. *бүчати* 'глухо шуметь, гудеть' [СРЯ, т. 1, с. 360] стали базой для обозначения резкого движения (ср. **buknōti* 'наброситься, ударить' [ЭССЯ, т. 3, с. 88]), откуда далее — значение 'воровать'. Таким образом, не исключено, что *сбукчить* 'украсть' изначально — 'резко совершить действие'.

157. убахтить к **bahati*

В основе пр.-сл. **bahati* 'бить, колотить' лежит оноματοпоэтический звуковой комплекс **bah-*, передающий удар, стук [ЭССЯ, т. 1, с. 134]. К рус. *бахать* как продолжению пр.-сл. **bahati* восходит и рус. шерстобит., диал. *уба́хтить* 'украсть' [Бондалетов, с. 131], развившее значение поля как *сбукчить*.

158. сдебрить к **dъbrъ*

Диал. новг. *сдебрить* 'украсть что-то у к.-л.' [НОС, т. 10, с. 31] образовано от *дебри* < пр.-сл. **dъbrъ* 'яма, ров, овраг' [ЭССЯ, т. 5, с. 176], родственного с пр.-сл. **dъbno* и **duplo*. Семантика глубины у лексемы *дебри* полностью

замещена новой 'труднопроходимая, дикая часть леса', позволившей развиваться значению 'украсть' с мотивацией по месту действия преступника. Кроме того, возможно предположить влияние глагола *стибрить*, структура которого очень близка к *сдебрить*. Семантическое развитие у *сдебрить* не является уникальным, такая же модель встречается у *дорожничать* (см. выше **d̥yrgati*).

159. *спулить*

Рус. *пуля* < польск. *kula* 'шар' (при вторичном рус. *п* под влиянием слов *палить*, *пушка* [Фасмер, т. 3, с. 405]). На базе 'пуля, стрелять' в русском языке развивается значение 'быстро бросать' (ср.: *пулей (в магазин)*), откуда далее диал. новг., помор., печор. *спу́лить* 'украсть' [НОС, т. 10, с. 139], [Дуров, с. 388], [Печора, т. 2, с. 305], рус. жарг. *пуля́ть* 'перепродавать, спекулировать' [Елистратов: 337].

160. *сбентерить*

Диал. урал. *сбенте́рить* '(экпр.) утащить, взять без спроса' [СРГСУ, т. 5, с. 111], волог., моск. *сбе́ндить* 'украсть' (кажись она у меня мазило-то сбендила) [СРНГ, т. 36, с. 168], кажется, являются однокоренными с диал. южн. *бинди́жник* 'портовый грузчик', смолен. *би́ндюг* 'большая извозная телега, на которую можно накладывать около ста пудов груза' [СРНГ, т. 2, с. 292], укр. *бендю́гі* то же, рус. диал. южн. *бенди́ги* 'сани для возки соломы, навоза и т. д.' [СРНГ, т. 2, с. 241], южн. *бенди́г(а) / бинди́г(а)* 'рычаг, бревно, вставленное в основание мельницы для поворота ее' [Даль, т. 1, с. 81], 'поперечное бревно, связывающее борта судна и поддерживающее мачту', [Фасмер, т. 1, с. 166]. Гнездо восходит к ср.-нж.-нем. *Bindinge* 'узел, завязка, связь' [там же]. Вероятнее предположить изначальное появление лексемы в мореходной сфере,

с расширением далее на основе метонимического переноса по сходности функции (ср. *чалить* 'связывать, пришвартовывать'). Мотивация же глагола *сбентерить* 'утащить' — на базе 'переносить какую-л. ношу, груз' (< 'завязывать кулем').

Кажется, можно предположить участие данной лексики в образовании диал. перм., вят. *спáндерить* 'стянуть, стащить, украсть' [Даль, т. 4, с. 286], откуда сибир. *спáндер* 'вор, мошенник, нечестный человека, обманщик' [СРГС, т. 4, с. 399]: под влиянием *сбентерить* развился неэтимологический корневой -н-. Вряд ли можно признать версию Фасмера о производности от выражения *с пана драть* [Фасмер, т. 3, с. 732] достоверной. Глагол *спáндерить* восходит, кажется, к имени *пáдер(а)*: диал. новг., псков., арханг., перм., сиб. *пáдера*, *пáдерь* 'буря с вихрем, дождем, снегом; зимнее ненастье, вьюга', перм. устар. *пáдерит* 'идет мокрый снег', кур., псков., н.-новг. *пáдера* 'стерва, падаль' [Даль, т. 3, с. 7], волог., новосиб., мурман., печор., олон., твер., костром., псков., пенз., ленингр., сибир. и др. *пáдерá*, *пáдеро* 'ненастье', яросл., твер. *пáдера* 'заморенная лошадь, корова и под.', вят. *пáдера* 'верхний слой лыка' [СРНГ, т. 25, с. 127—129]. Вслед за Преображенским [Преображенский, т. 2, с. 3] восстанавливаем морфологическую структуру данных образований как **ра- + *-der-* (**drati*, **dero* — о котором см. выше). Пр.-сл. именной префикс **ра-*, соответствующий глагольному **ро-* (см. выше), сохраняет в данном случае свое исходное значение 'после, под': ср. рус. *пáвечерье* 'время незадолго до вечера', *пáсынок* как 'следующий после сына, не совсем сын', *пáбирок* 'остаток винограда, оставшийся несобранным', др.-прусс. **ра-* 'по, после, соответственно' [Фасмер, т. 3, с. 181]. Таким образом, для именных образований *пáдера* и под. восстанавливается исходное значение 'выдранное', на базе которого — 'воровать' у *спандерить*, от которого далее *спадер* 'вор' > 'обманщик'.

161. *охахалить*

Диал. карел. *о́хахалить* '(экспр.) взять, забрать ч.-л. без спросу, обобратить' [Карел., т. 4, с. 342], как вост.-в.-рус. *х́халить* 'шататься празднично, надувать людей, волочиться за кем-либо' [Даль, т. 4, с. 543], урал. *схохау́лить* 'украсть' [СРГСУ, т. 6, с. 81], вероятно, образован от рус. *хахаль*. Относительно рус. *хахаль* 'обманщик, плут, щеголь, хват, волокита' [Даль, т. 4, с. 543] отвергается теория Махека о его связи с пр.-сл. **koxati* (чеш. *kochati* 'любить, ласкать', словц. *kochať* sa 'увлекаться, наслаждаться', польск. *kochać* 'любить, обнимать', рус. диал. *кохать* 'любить', укр. *кохати* 'любить' [ЭССЯ, т. 10, с. 110-111]) как западнославянского диалектизма. Принимается теория Ж.Ж. Варбот о связи рус. *хахаль*, диал. новг. *хахарь* с чеш., польск. *chachar* 'негодяй, бездельник, бродяга': форма РЛЯ объясняется заменой суффикса *-арь* на более экспрессивный *-аль* (*враль*). В пользу этой версии свидетельствует близость значений 'бродяга' и 'волокита' и то, что вост.-сл. языки заимствовали много бранной лексики из зап.-сл. языков [Варбот, 2012, с. 209]. Относительно же чеш. *chachar*, попавшего затем в польский язык, наиболее убедительной на сегодняшний день является теория возведения его к *tachar, zachar* 'бездомный, вредитель, хулиган' < имена собств. *Matěj, Zachariáš* [Machek, 1971, s. 195]. Таким образом, для карел. *о́хахалить* предполагается следующая цепочка развития значения: 'бродяжничать' > 'обманывать' > 'воровать'.

162. *лямзить*

Для группы диалектизмов: диал. н.-новг. *ля́мзить* 'воровать', *ля́мза* 'вор' [Фасмер, т. 2, с. 551], новг., перм. *сля́мзить* 'украсть', тверск. *сля́бать* 'украсть', кашин. *сля́бзить, сля́пзить* 'украсть' [Фасмер, т. 3, с. 681], кашин. *сля́псить* 'украсть, стащить' [Фасмер т.3: 682], яросл. *сля́сить, сля́шить, сля́щить*

'украсть' [Яросл. т.9: 48], волог. *слѣма(и)ть* 'присвоить чужое, украсть' [Зорина, с. 257], волод., олон. *слѣмишть* 'украсть' [Фасмер, т. 3, с. 681], — можно предположить связь с рус. *лямка* 'широкий ремень для крепления чего-л. в вытягивания'. Рус. *лямка* < фин. *lämsä* 'петля, аркан, повод', саам. *lamca* 'узда', саам. новр. *lavčče* 'петля', *lets* 'петля' [Фасмер, т. 2, с. 551]. Из русского языка, как предполагается, в том же значении *лѣм(к)а* заимствована украинским и белорусским языками [ЕСУМ, т. 3, с. 339]. Учитывая фин. *lämsä*, можно считать структуру *лямзить*, *лямза* непосредственно связанной с источником заимствования. Мотивация — тождественная с *чалить*.

163. *сбусать* к *bûsen*

Волог. *сбусать* 'украсть' [Волог., т. 9, с. 98], кажется, входит в одно гнездо с рус. *бусырь*, *бусорь*, *бусарь* 'барахло, старье', восходящими к тат. *büsr-* 'бисер' [Фасмер, т. 1, с. 252], откуда ставроп. *с бусарью* 'с придурью' [там же]. Видимо, источник значения 'красть' следует видеть в 'барахлить' — как в значении глагола по производящему имени существительному.

164. *стигостить* к **stigi*

Рус. твер., вят. *сти́госить*, моск., казан., твер. *сти́гусить* 'украсть' отмечены Фасмером как неясные [Фасмер, т. 3, с. 759—760]. Кажется, можно обратиться к пр.-сл. **stigi* 'догонять, достигать, преследовать' > рус. *-стигать*, *-стичь*. При этом в *стигостить* предполагается экспрессивное расширение основы (ср. *грабастать*, *гундеть* — *гундосить*). Развитие семантики в таком случае реконструируется как 'гнать' > 'воровать'.

165. *сбуздать*

Относительно происхождения диал. дон. казацк. *сбуздать* 'украсть' [Дон. Казацк., с. 473] возможны две гипотезы. Во-первых, оно может быть родственным диал. ворон. *буздануть* 'ударить с силой', рус. устар. *буздыхан* 'жезл, палица', восходящим к тур. *bozdoğan* 'дубинка, палица' [Фасмер, т. 1, с. 232], при семантическом развитии 'ударить' > 'выбить, отнять с силой'. Во-вторых, это может быть результатом этимологически неверного обратного словообразования и переразложения: *об-уздать* > *о-буздать*. Тогда этот глагол принадлежит гнезду пр.-сл. **oz-*, родственного *(*v*)*ez-* с первичным значением 'тесно переплетать, вязать', от которого 'воровать' через 'схватить'.

166. *самырить* к **тыг-*

Диал. дон. казацк. *самырить* 'украсть' [Дон. Казацк., с. 495], вероятно, восходит к диал. влад. офен. *мамúra*, *мамор* 'топор', *мамурить* 'рубить' [Даль, т. 2, с. 296], *помамúra* 'порубка', *вымамурить* 'вырубить' [Бондалетов, с. 70, 79]: ср. рус. угол. *мамúra* 'топор', 'пожилая воровка' [Жаргон, с. 334]. Кажется, офен. корень восходит к **тыг-* (/tur-/mur-) 'бить, разбивать на куски, крошить' [ЭССЯ, т. 20, с. 254] при дальнейшей редупликации корня, частотной в офени. Семантически 'красть' < 'рубить' (ср. также рус. офен. *срубить* 'украсть' [Бондалетов, с. 87]). В формировании значения 'пожилая воровка' можно предположить влияние неродственного *мымра* < пр.-сл. **тумга* 'невнятно говорящий' > 'угрюмый' > 'неприятный человек' > 'страхотворный' [ЭССЯ, т. 21, с. 41].

167. *xab-

Рус. жарг. *захобáчить* 'взять, схватить, цапнуть не свое, без спросу' [Елистратов, с. 150] восходит к **xobotь* < **xabati/ xabiti* 'хватать, цапать', ср.: чеш. диал. *chábit* 'схватить, украсть', рус. диал. *хабить* 'хватать, присваивать' [ЭССЯ, т. 8, с. 7—9]. Данный глагол толкуется как экспрессивный вариант глаголов **xapati*, **capati* [там же]. Для жаргонизма можно реконструировать мотивацию, сходную с *грабить*. Примечательно такое же развитие значения в чешском. К этому корню с той же мотивацией относятся и диал. селигер. *прихáбрить* 'присвоить чужое, украсть' [Селигер, т. 5, с. 149], *прикáбрить* 'украсть, прикарманить' [Селигер, т. 5, с. 118], представляющие собой экспрессивное изменение основы с гипервариативностью корневого согласного.

168. чиграш

Рус. жарг. *чигрáш*, *чегрáш* 'маленький ребенок, мелкий вор' представляется производящей основой глагола *чигрáшить* 'заниматься мелким воровством, хулиганить' [Елистратов, с. 465]. Первичное значения слов *чиграш*, *чеграш* восстанавливается как 'разновидность голубя', изначально — в арго голубятников, кроме того, ср. диал. прикасп. *чагрáва*, *чегрáва* 'маленькая чайка' [Даль, т. 4, с. 580]. Основой русской словоформы является, кажется, тюрк. прилагательное со значением 'темно-серый', ср.: чагат. *čegär* 'буланный (о лошади)', казах. *šaγar* 'сероглазый', алт. *šokur* 'пестрый', чув. *tšagər* 'желтоватый, бурый' [Фасмер, т. 4, с. 310]. Вариантность корневого гласного на русской почве, таким образом, может быть результатом заимствования из разных тюркских языков. Голубь — одна из самых распространенных городских птиц, питающихся незначительным подножным кормом, что и послужило причиной

для метафорического переноса к 'вор' (ср. *мазурик* < *мазура* 'голубь с темными пятнами на голове, шее, zobу, крыльях или хвосте', *воробейник*).

169. *шпана*

Рус. жарг. *шпан(á)*, *шпаню́к* 'мелкий вор, хулиган' [Елистратов, с. 485], кажется, восходит к (ги)шпанский < польск. *hiszpański* 'испанский' < лат. *Hispania* 'Испания'. Как известно, ранее (например, в Москве) особую породу голубей называли «шпанским голубем» (ср. рус. диал. *вихру́н* 'шпанский голубь, рыжий, с завойчатым вихром по обе стороны шеи' [Даль, т. 1, с. 208-209], «голуби шпанские называются козырные» [СРЯ 18 в., т. 9, с. 76]), откуда, видимо, и метафорический перенос с редко летающей птицы, вьющейся под ногами и урывающей крошки прямо из-под носа прохожих, на пронырливого преступника (ср. *чиграш*, *воробейник*, *мазурик*).

170. *шиш-*

Рус. жарг. *шу́шара*, *шу́шера* 'мелкий вор', простор. 'сброд, ничтожные люди' [Елистратов, с. 488] (рус. диал. 'хлам, старье, шваль' [Фасмер, т. 4, с. 493]) неоднократно рассматривалось этимологами: Горяев предполагал источник в ср.-в.-нем. *schar* 'толпа', Преображенский — *шустать* 'шелушить' [там же], что затруднительно формально и семантически. В тех же значениях русским диалектам известны лексемы и с другим вокализмом: диал. *шиш* 'разбойник, бродяга', перм. *ши́шара*, калуж. *ши́жголь* 'сброд, сволочь, шваль' [Даль, т. 4, с. 636], корень которых имеет в своей основе звукоподражание, вопреки теории Маркова о заимствованном характере *шиш* < эст. *siśś* 'разбойник, грабитель' [Фасмер, т. 4, с. 444]. В таком случае, группа лексем с корневым *-и-*, кажется, является родственной рус. диал. *шиш*, *шиши́га*, *шишига́н* 'бес, черт, злой

кикимора, домовой', вост.-в.-русс. *шиш́мора* 'кикимора, приведение', 'вор, плут, скряга, обманщик' [Даль, т. 4, с. 636]. Сходная структура *шишимора* и *кикимора* (пр.-сл. **kukati* 'кричать, хрипеть' [ЭССЯ, т. 13, с. 260]) указывает на неразборчивое издавание звуков как основу табу при едином втором корне пр.-сл. **moga* 'ночное злое существо, причиняющее страдание' [ЭССЯ, т. 19, с. 211 — 214]. Таким образом, *шиш*, ставший обозначением таинственного, неразборчивого звука, вначале приписываемого нечистой силе, стал обозначением самого нечистого духа, а затем и человека, причиняющего зло. Значение 'причиняющий вред, зловердный' следует признать основой для 'красть, грабить'. С формальной точки зрения формы шушара, шушара можно рассматривать как следствия влияния со стороны глаголов типа *шустать*, *шуршать*.

171. *зашиморить*

Большую сложность представляет диал. сибир. *зашимо́рить* 'украсть, смошенничать' [СРГС, т. 1.2, с. 236], ср., видимо, родственные рус. угол. *ши́ма* 'карман, сообщник вора-карманника' [Жаргон, с. 689], диал. н.-новгор. *ши́маться* 'таиться, таимничать' [Даль, т. 4, с. 633]. Возможна трактовка данных лексем как производных или испытавших влияние со стороны жарг. *шмон* < идиш *שמנה* 'восемь' (в Одесской тюрьме до революции в восемь утра в камерах устраивали обыск). Таким образом, *зашиморить* 'стащить из тайника'.

172. *лох* к **olsь*

Интересным с этимологической точки зрения является в настоящее время широко распространенное рус. жарг. *лох* 'невнимательный человек, разиня, ограниченный, безвкусно одетый человек' [Никитина, с. 356], появившееся из

угол. арго *лох* 'жертва преступления' [Жаргон, с. 322]. Есть версия возникновения слова от диал. арханг. *лох* 'отощавший лосось после нереста в реках' < фин., карел. *lohi* 'лосось' [Фасмер, т. 2, с. 524]. Но следует, кажется, учитывать наличие в офенском языке лексемы *лох* 'взрослый мужчина' [Бондалетов, с. 18]. Офенский язык отличается "гипертрофированной вариативностью фонемного состава многих лексем" [Бондалетов, с. 99] ввиду своей единой цели – быть непонятным непосвященному. Лексема *лох* известна в офени еще в двух вариантах: *лос*, *лог* 'мужчина, мужик' [Бондалетов, с. 88]. Если исходить из варианта *лос*, то можно предположить *лось* (пр.-сл. **olsь* 'лось, олень') в качестве исходной словоформы. Основанием является большое количество офенской лексики, вошедшей в состав уголовного жаргона, и наличествующее уже в офени значения 'мужчина'. Семантическая модификация тоже находит множественные параллели в русских аргос, где распространена анималистическая и флористическая ономатика: *перец*, *кабан*, *петух*. Изначательно *лось* 'мужчина' связано, вероятно, с представлением о сильном, благородном, крупном животном, но учитывая расхожее представление о рогатом животном, ставшем символом обманутого, введенного в заблуждение человека, можно предположить, что офен. 'мужчина' трансформировалось в угол. 'жертва преступления'. Уже в русском просторечии появляются экспрессивные лексемы типа *лохан*, *лохер* 'невнимательный человек, разиня, ограниченный, безвкусно одетый человек' [Никитина, с. 56–57] и *лохотрѳн* 'уличная беспроегрышная лотерея, устраиваемая мошенниками' [Никитина, с. 356].

173. **sь(je)*

И.-е. местоимение **kis* > пр.-сл. **sьje* 'этот' [Фасмер, т. 3, с. 590–591] служит основой для вост.-слав. *сяк* (др.-рус. *сяко*, рус. *сяк*, укр. *сяк*, блр. *сякі*

[Фасмер, т. 3, с. 826]), образованного по примеру **takъ* при помощи постпозитивной частицы **къ*. Возможно, *сяк*, подобно рус. *тот*, укр. *той* 'черт' [Зеленин, с. 56 и сл.], стало основой для табуированного рус. офен. *усякрить*, *усяприть* 'украсть' [Бондалетов, с. 87] с экспрессивным *-р-*.

174. *варнак*

Диал. псков., костр., перм., сиб. *варна́к* '(беглый) каторжник', 'мошенник, хулиган', 'наглец' [СРНГ, т. 4, с. 56], перм. *варна́к* '(экспр.) жулик, мошенник (*варнак молоко украл*); озорник, шалун; бранное обращение' [Перм., т. 1, с. 77], рус. угол. арготизм *варна́к* 'опытный вор; беглец, склонный к бродяжничеству человек' [Жаргон, с. 89], сибир. *варнак* 'каторжный', *варна́чка* 'ссылно-каторжная' [Даль, т. 1, с. 167] не имеет надежной этимологии. Фасмер отмечает его как неясное [Фасмер, т. 1, с. 275], Куркина возводит его к диал. кур., ряз. *варна́кать* 'болтать, врать' [Куркина, с. 166]. Правдоподобнее, кажется, видеть в образовании *варнак* арготизм, вышедший из офенского языка, где *варнак* имеет значение 'петух', в конечном счете — из н.-греч. *ὄρνιθα* 'курица' [Бондалетов II, с. 24—25], [Бондалетов III, с. 71], при офен. *микрый варнак* 'цыпленок' [Приёмывшева, с. 243], офен. *варна́тка* 'курица, возлюбленная' [Аникин, 2003, с. 120—121], диал. сиб. *варна́вка* 'красивая утка с петушьим гребешком' [Даль, т. 1, с. 166], откуда диал. *варна́чить* 'браниться, ругаться' [там же] — ср. рус. разг. *разкудахтаться*. Изначально лексема *варнак* заместила лексему *петух*, значения же 'каторжник', 'вор' имеют в своей основе, кажется, тюремные клички согласно тюремной иерархии (ср. совр. рус. аргот. *петух*).

175. *ворон*

Относительно рус. стар. *вѣрон* 'налет, набег, нападение, грабеж, разбой' [Даль, т. 1, с. 245] существует этимология, возводящая данную лексему к пр.-сл. **verp-* 'рвать', ср.: др.-рус.-цслав. *вьрпсти* 'рвать, грабить' с дальнейшим расширением значения до 'ругаться': ср. польск. *lawtorić* 'гневаться, сердиться', сербохорв. *врпѡлити* се 'беспокоиться' [Фасмер, т. 1, с. 354]. В древнерусском языке имена и глаголы с данным корнем имели значение, близкое к 'разбой' — 'разбивать', см.: др.-рус. *воропъ* 'нападение' ('стремительное наступление' [СРЯ, т. 3, с. 34]) в выражении *пѣстити на воропъ: Ѡтоѡше (Половци) школо града. недѣль .ѡ. и раздѣлишася на двоѡ. ѡдина старша оу града рать борюще. а друзи поидоша Кыквѣ. пѣстиша(сѡ) на воропъ межи Киевъ и Вышегородъ* (Пов.вр.л. 6601 г. - Лаврентьевская и Ипатьевская) [Срезневский, т. 1, с. 303] — цслав. *врапъ* 'насилие, сила' *И поплѣнить плѣнъ ѡа и похѡсити на врапъ ѡа* - Изб. 1073 г. [Срезневский, т. 1, с. 313] и их производные: цслав. *врапѣти* 'усилиться', *сѡврапѣтиста* 'сжиматься' и уменшит. *воропьць* то же что *воропъ* [там же], др.-рус. *наворопити* 'напасть' (*Потомъ же услышавше Половци, яко умерлъ есть Володимѣръ князь, присѣнушася вворзѣ и наворопиша изгономъ къ Барачю* - Лавр. л.6633 г.), *навороплати* то же многократ., *вѣрадити вѣ наворопъ* 'послать в разъезд' (Ип.л.), *наворопникъ* 'передовой' (*Наворопници же, перешедше Хоролъ, взиндоша на шоломя, глядающе, кдѣ узрять ѣ*) (Ип. л. 6692 г.) [Срезневский, т. 2, с. 271]. Таким образом, мотивация кражи как в уже рассмотренном *разбой*.

176. *тибрить*

Рус. разг. *(с)тибрить* 'украсть' (ср. русс. волог. *подтибрить* 'заполучить, раздобыть' [Волог., т. 7, с. 115]) генетически неясна [Фасмер, т. 3, с. 759]. Глагол известен офенскому языку [Бондалетов, с. 14], поэтому его этимологизацию невозможно проводить без обращения к данному аргю, где офен. *тибас* 'вор' [Бондалетов, с. 14], откуда рус. офен. *стибасить* 'красть' [Бондалетов, с. 43]. Кажется, для последнего можно предположить заимствованную природу — греч. *τυμβάς* 'колдунья, ведьма' — при мотивационной базе 'совершающий нечто плохое'; в таком случае гнездо семантически сходно с диал. *волшебствовать, химостить и злодей*. Кроме того, глагольная форма *тибрить*, возможно, испытала влияние диал. *тыбр-* как усложнения основы *тыр-* (см. выше *тырить*).

177. *спорить*

Диал. поволж. *спóрить* 'украсть' [Мызников, с. 430], кажется, образовано от *спорый* 'быстрый, успешный', ср.: укр. *спорий* то же, блр. *спор* 'успех, прибыль', др.-рус. *споръ* 'обильный', болг. *спор* 'прибыль, урожай', словен. *spòr* 'обильный, питательный', чеш. *spory* 'крепкий, коренастый, сжатый, емкий, насыщенный', слвцк. *spory* 'щедрый, обильный', польск. *spogu* то же, в.-луж., н.-луж. *spogu* 'щедрый, обильный, бережливый' [Фасмер, т. 3, с. 738], при другой ступени вокализма — пр.-сл. **spěti*, откуда рус. *спеть, успеть*, имеющие продолжения в сопоставимых значениях по всем славянским языкам [Фасмер, т. 3, с. 734]. Исходное значение гнезда, видимо, — 'быть в состоянии, стремиться', ср.: др.-рус., ст.-сл. *спѣти* 'стремиться, спешить', в.-луж. *spěc* 'удаваться' [там же]. Русским диалектам глагол *спóрить* известен в следующих значениях: арханг., яросл., курган., волог., костр., перм. 'расходовать понемногу, экономить', псков., новг. 'удаваться', волог. 'приносить пользу' [СРНГ, т. 40, с. 225], при

смол., влад., яросл. *спориться* 'увеличиваться, прибавляться по количеству, размеру' [СРНГ, т. 40, с. 226], *спóркий* арханг., моск. 'быстрый', твер. 'быстро расходуемый (о деньгах)', олон. 'пригодный', твер., новг., псков., смол. 'выгодный, экономный, такой, которого хватает надолго' [СРНГ, т. 40, с. 227], *спорина́* кур., яросл., якут. 'умение, ловкость в труде, достаток, прибыль', твер., псков., волог., перм. забайк. 'увеличение хлеба в весе при выпечке, припек', казацк., олон., арханг., урал., яросл., калуж., калуж. 'удача, счастье, успех' [СРНГ, т. 40, с. 224]. Таким образом, базой значения 'украсть' для глагола *спорить* можно признать 'ловко, прибыльно увеличить'.

178. *юхтить*

Рус. шерстобит. *юхтить* 'красть', *объюхтить* 'обирать', *съюхтить* 'украсть', *юхтельник* 'вор' [Бондалетов, с. 87, 130, 135] можно связать с диал. кур. *юхнуть* 'отставить', псков., твер. 'ударить кого-л.', псков., твер. *юхнуть* 'исчезнуть', кур., воронеж. *объюхтáть* 'надуть в игре' [Фасмер, т. 4, с. 536: [неясно], рус. офен. *припод(ь)юхтить* 'приподнять' [Бондалетов, с. 81]. Возможно, производящую основу следует искать в укр. *юхта* 'затвор у печи, через который чистят трубу', родственное рус. *вьюшка* то же (< *вить* (**viti*, *vьjǫ*)) [ЕСУМ, т. 6, с. 528]. Мотивацией, в таком случае, становится 'выбить, вычистить'.

179. *скеросинить*

Скеросинить (шутл.) 'украсть' [Никитина: 637], думается, не имеет ничего общего с *керосин* < нем. *Cerosin* 'озокерит, горный воск' < греч. *κηρός* 'воск' [Фасмер т.2: 225], а образовано от груб. *хер* при дальнейшей намеренной контаминации с *керосин*.

Итак, слова с семантикой ‘присвоение чужого’ принадлежат к следующим этимологическим гнездам (расположенным в алфавитном порядке):

*bag(ь)гъ: казацк. *сбагрить*

*biti: др.-рус. *разбон, розбон, разбонникъ, розбонникъ, ра(о)збоннични, разбонниковъ*; ст.-рус.: *отбити*, ст.-рус.-цслав. *разбонинство*; рус.: *разбойничать, разбойничество*, смолен. *выбой*, сибир. *разбойничиться*

*blesti: казацк. *блудить*, новг. *блудничать*, урал. *сблудничать*, новг. *блудить*; новг. *блуд*, казацк. *блудний*, урал. *блудень, блудёна*, сев., новг. *блудня*; новг. *сблиндить*

*blazьnъ: новг. *сблажить*

*bogъ: карел. *забожить*

*bresti: смолен. *посбрóдовать*

*buriti: урал. *убуровить*

*bъrati: др.-рус. *бърати, бърание*; ст.-рус.: *отвирать, обрати, обобрати, vybrати, забрати, прибирати*. СРЛЯ: *отбирание*. В диалектах и жаргоне: поволж. *собирать*, псков. *берять*, сибир. *забарабать*, урал. *приубирать, приубрать*, перм. *убарабать*

*carati: прибайк. *зацапать*

*carapati: новнг. *царапнуть*

*čersti / *kert-: селигер. *прикратить*

*čistiti: псков. *вычистить*, смолен. *обчищать*

*derti: др.-рус. *одьрати*; ст.-рус. *одирати*; псков. *дёрнуть, ди/ерануть*, новг. *ободрать*, казацк. *обдирать*, дон. *поддирать*, карел., арханг. *выдернуть*. СРЛЯ: *ободрать (как липку), сдирать (=списать и под.)*

*dojiti: жарг. *доить*

*domъ: *домушник, домушничать*

*drog/kъ: волог. *сдрючить*

*dugъ: казацк. дугач, дужить, задужить

*dur-: яросл. сдурить

*duti: перм. дуть, жаргон. воздушник

*dybati: жарг. дыбить.

*dyrgati: разбойник с большой дороги, урал. дорожник — дорожничать, подорожник — подорожничать, большедорожник — большедорожничать,

*gludъ: сибир. (с)хлюздить, сглыздить, сглызнуть

*gorъ: арханг. гоп, гопник, гопница, гопничать, гопничество

*gordъ: жаргон. городушник

*grebti: др.-рус. грабити, ограбити - ограбляти, пограбити, разграбити, изграбити, грабежь, изграбежь, разграбежь, грабление, розграбление, пограбление, грабитель; ст.-рус. рабитися, грабля, грабительство, грабьць, грабежникъ, грабежныи, грабежное, грабежчикъ, грабильщикъ, грабежливыи, пограбленныи. РЯ XVIII в.: награбить, грабительствовать, грабаздать. В русских диалектах зафиксированы: новг. сгрибчить, сиб. грабью грабить, карел., перм. грабастать, яросл. приграбастать, грабуздать, волог. награбостить, урал. гарабать, сгорамкать, урал. гарамчи, арханг. гробызнуть, псков. граб(ь), арханг. выграбить, печор. повыграбить, сибир. грабья, перм. грабодитель, арханг. грабёжник, псов. грабальщик, грабат, урал. грабастой, грабастень, псков. граблёное, перм. грабодитель. СРЛЯ: ограбление

*grozъ: псков. выгрузить

*gryzti: молод. сленг. обгрызать

*gъnati: др.-рус. загънати; рус. угнать, угонка, угонщик; зап.-бран. увагнать, урал. угонить

*gъmĕti: сибир. отгромить

*ĵeti: др.-рус. имати, переяти, отяти, отъяти, отъимати, отънимати, отоймати, поотнимати, поотняти, зяяти, заимати, изъяти, изнимати, выимати, пояти, поимати; имѣние; ст.-рус.: възяти, взимати, отняти,

ИЗОТЪЯТИ; ОТЪНИМАНИЕ, ОТЪЯТИЕ, ОТЯТИЕ, ПОЯТИЕ, ВЗИМАНИЕ, ПРИЯТИЕ.

СРЛЯ: *вынуть*. В диалектах и жаргоне: карел. *снять*, псков. *вынять*

**klepati*: яросл. *вклепаться*

**kolëno*: угол. *преклонить колена*

**kolti*: уголовн. *наколоть*

**korbь*: прибаек. *схоробшить, схоромчить*

**krasti*: др.-рус. *красти, покрасти, окрасти; кража, покража, крадьба, крадын, неокраден, неокрадомый, (о)крадение*; ст.-рус. *крадывати, окрадати, покрадати, покрадовати, окрадывати; окраженыи, покражный, непокрадомый, непокрадомъ, перекрасти, крадва, крадежемъ, (свято)крадежество, святокрадение, святокрадство, крадежник, святокрадец, крадьливый*; РЯ XVIII в.: *накрасться*; СРЛЯ: *украсть, выкрасть, обокрасть*; в русских диалектах зафиксированы: сибир. *скрадом скрадывать*, зап.-брянск. *обкрасть*, дон. *скрасть*, сибир. *скрадывать*, волог. *разокрасть*, ср.-приирт. *сделать покрадки*

**križati*: жарг. *обчекрыжить*

**kuditi*: карел. *спрокудить*

**kury*: жарг. *скурвить*

**kydati*: жарг. *кинуть, кидалово, кидняк, кидок*

**lëšь*: урал. *лесовать*

**lëzti / laziti*: яросл. *подзалазить*

**libiti*: смолен. *подлибить*

**lizati*: смолен. *облизанный*, рус. *слизнуть*

**loviti*: псков., твер. *ловить*, казацк. *обловить, обловщик*

**lubь*: урал. *опалубить*

**lupiti*: др.-рус. *лоупити, полоупити, из(ъ)лоупити, лоупежь, лоупление*; ст.-рус. *лупитель*

**luskati*: псков. *вышелушить*, воронеж. *лаузить*, жарг. *отшелушить*

*medvěď: жаргон. *медвежатник*

*mošna: *мошенник*

*myzgatī: урал. *мызнуть*, сибир. *смызнуть*

*tʲknoʦi: др.-рус. *оумькати, оумькывати, оумъчати, оумькание*, урал. *умчать*

*nyriti: урал. *пронырь*, офен. *унарить*

*oritī: рус. *разорить, разоритель, разорение*, сибир. *иззорить*

*ɕda: разг. *удило, удильщик*

*pakostʲ: др.-рус. *пакость, пакостити*, сибир. *капость, покóсливый*, карел. *спакостить*

*paxati: новг. *опахать*, арханг. *выпахать*

*pelnʲ: др.-рус. *плєняти*, ст.-рус. *поплєнити*, урал. *полонить*

*pɕti: сибир. *спятить*, молод. сленг. *пятить*

*pizda: *спиздить*

*porti: одесс. *обпороть*

*pʲrati: перм. *упереть*, откуда затем рус. разг. *спереть*

*rogʲ: карел. *рогонуть*

*ryba: жарг. *срыбить, рыба́к, рыба́чить*

*rʲvati: казацк. *урвать да удрать*, псков. *вырвать*, урал. *рвачливый*, рус. *рвач*

*sɕdti: арханг. *высадить*

*sila: ст.-рус. *насиловати, понасиловати, насильство*

*skokatī: жаргон. *скак, скок, скокарь, скакунчик, скачок, скакун скакнуть*

*skrebtī: дон. *скропчить*

*slina: рус. разг., угол. *слюнтяй*

*stati: разг. *ставить хату*

*stradati: урал. *страдавать*

*stebati: урал. *стебануть*, селигер. *пристебрени́ть*

*strekati: жаргон. *строчить*

*svistěti: арханг. *высвистать*, рус. разг. *свистнуть*

*svojbь: ст.-рус. *своити, присвояти, присвоивати, присвояти, присвоити; присвоение, просвонтель*

*sьrstь: сибир. *обшерстить*, новг. *обшершить*

*sьpati: жаргон. *сонник, сонник-темняк, сонник-светляк*

*šaraxati: разг. *шарахать, шарахнуть*

*ševeliti: псков. *вышевелить*

*ščekati: псков. *выщекотать*, смолен. *общекотать*

*ščelkati: псков. *выщелкать*

*ščьpati: жарг. *щипач(ить)*

*širiti: карел. *расширабать*

*taskati: псков. *вытащить*, беломор. *растаскать*, яросл. *растащиловка, растащи́ха*, рус. разг. *утащить, вытащить и растащить*

*tajiti: др.-рус. *тать, татьба, татьбина, татьство, татьбити, татекрадственный, святотатець, святотатство*

*tepti: яросл. *сти́пать*

*terbiti: одесс. *потрѣбить*,

*terjati: волог. *потеря*

*těšiti: яросл. *утешить*

*teḡati: др.-рус. *вытязати, вытягати*; рус. *стянуть*, псков. *вытянуть*

*tvoriti: др.-рус. *възтворити*

*tьrgati: др.-рус. *отътъргноути, отторгати*

*tyriti: новг. *ты́рнуть*, сибир. *стырить*, урал. *стурить*, офен. *стюрить*, сибир. *стыр́ок, тырка*; жаргон: *тырить, тырбанить, стыривать, стыбзить, натырить, оттыривать; стырщик, тырбаж, тырбанка, тырбень*

*uti: жаргон. *разувать, разувайло, обусть*, псков., твер. *разувай*

*velkti: др.-рус. *свълочи*, ст.-рус. *сволочь*; рус. *уволочить, уволакивать*, печор. *волокчи, разволочить*

*vesti: др.-рус. *оувести, оуводъ*; рус. (из-под носа) *увести*, жарг. *уводить*

*vezti: ст.-рус. *свезти*

*viti: карел. *свихнуть*

*vojъ: др.-рус. *воевати, повоевати, повоеваныи, повоевание*

*volděti: ст.-рус.-цслав. *обовладѣти, овладѣти, овладати, завладѣти, завладати, завлаживать*

*vorgъ: новг. *ворог*

*vorgъjъ: *воробейник*

*vьrati: ст.-рус. *вор, вориха, воровати, своровати, воровывати, изворовати, воровство*. СРЛЯ: *ворюга, воришка, воровка, наворовать, обворовать, воровской*. В диалектах и жаргоне: арханг. *ворина, ворёнка, ворьина, ворьё, ворить, воровивати, воряивать, вороваться, воровой, воровитой*, печор. *ворище, ворко*, дон. *воряга*, прикам. *ворига*, дон. *воркаган, воркаганить, вуркуганить*, поволж. *уворовать*, дон. *воровливый, воруций*, псков. *воровастый, воровой*

*vьlsnqti: жарг. *сволшебствовать*

*vьrtěti / vortiti: карел. *своротить*, перм. *ворочать*

*(x)la/omъ: печор. *захламосить*, сибир. *прихламосить*

*xoriti: помор. *захапать*, псков. *дохопать*, сибир. *хамать*, перм. *захамить*, помор. *захавать*, сибир. *брать хапом*, помор. *хápало*; разг. *хапуга, хапун*

*xutiti: др.-рус. *похытнати, похватнати, възхытнати, изхытнати, изхычоу, исхитити, расхитити, расхыщати, прехватати, похватати; хыщение, възхыщение, възхытание*; ст.-рус.: *захватить, похищать, похичать, похытать; захватъ, позыщене, расхититель, възхыщеникъ, похищеникъ, похитникъ*. СРЛЯ: *выхватить; похититель, хищничать, хищничество*. В диалектах и жаргоне представлены: смолен. *спохитеть*, казац. *захитить*, карел. *ухитить, схитить*, казацк. *прихитить*; сибир. *хитство*, урал. *самохват*, диал. *похитка*, урал. *хитник* — *хитничать*, волог. *похитчик*

*zь/yjъ: зап.-брян. *злódий*

**žegti*: карел. *жогнѹть*, помор. *жѳгать*, урал. *жогán*

**žul-*: жарг. жулик

В состав поля входят заимствования, имевшие значение присвоения чужого в языке-источнике. Все данные заимствования принадлежат РЛЯ, среди которых к непосредственным (корневым или поморфемным) заимствованиям относятся: *бандит*, *клептомания*, *компиляция*, *пират*, *плагиат*; разг. *глиссануть* также является корневым заимствованием из французского, но усложненное русскими глагольными суффиксами; тогда как др.-рус. *гробокѳпанне* является поморфемной калькой древнегреческого композитума.

Другая группа заимствований, входящих в поле, развила соответствующее значение в русском языке, причем по моделям русского языка. Диалектные заимствования являются либо непосредственными заимствованиями: дон. *аманат*, помор. *ошкуй*, либо производными от заимствований: псков. *баклажничать*, дон. *замытарить*, казацк. *каймашник*, сибир. *ляпнуть*, жарг. *отработать*, одесс. *оттасовать*, разг. *приватизировать*, казацк. *позычить*, смолен. *пошкодить*, жарг. *ремонттировать*, шерстобит. *сбарчить*, урал. *сбулить*, жарг. *свинтить*, разг. *скомсомолить*, *скоммуниздить*, *слимонить*, *спиионерить*, новг. *схимостить*, одесс. *фараонить*, яросл. *шабашка*, сибир. *штукарь*, дон. *чужить*.

Заимствования русского жаргона и сниженно-разговорного пласта СРЛЯ, развившие значение присвоения чужого по выявленным мотивационным моделям русского языка, являются либо непосредственными заимствованиями: разг. *барыш*, разг. *пациент*, разг. *фитиль*, либо производными от заимствований: разг. *бомбануть*, *карманник*, разг. *натараканить*, угол. *кустарь*, разг. *шакалить*.

В ходе исследования для ряда темных лексем впервые определены корень / основа и / или первичная мотивация:

РЛЯ: разг. *тибрить*

жаргонизмы: жарг. *захобачить*, аргот. *лох*, угол. *мамура*, жарг. *пулять*, разг. *скеросинить*, жарг. *чиграш*, *чиграшить*, жарг. *шпана*, *шпанюк*, жарг. *шушара*, *шушера*

диалектизмы: псков., костром., перм., сибир. *варнак*, сибир. *зашиморить*, сибир. *зурган*, диал. *кара́бча*, *карабчун*, сибир. *карамчить*, *карапчить*, н.-новг. *лямза*, *лямзить*, сибир. *обделать*, карел. *охахалить*, сибир. *поддедюлить*, урал. *подгундорить*, яросл. *прибаянить*, селигер. *прикабрить*, *прихабрить*, урал. *разбутыскать*, урал. *сбаклать*, волог. *сбачить*, урал. *сбентерить*, казацк. *сбуздать*, урал. *сбукчить*, волог. *сбусать*, новг. *сдебрить*, кашин. *слябзить*, новг., волог. *слямать*, перм. *слямзить*, волог., олон. *слямшить*, яросл. *слясить*, *сляшить*, *слящить*, казацк. *смамырить*, перм., вят. *спандерить*, *спандер*, поволж. *спорить*, новг., помор., печор. *спулить*, псков., офен. *стибасить*, твер., вят. *стигостить*, моск., казан., твер. *стигустить*, карел. *счалить*, офен. *тибас*, шерстобит. *убахтить*, офен. *усякрить*, *усяприть*, шерстоб. *юхтить*, *юхтельник*.

Таким образом, ЛСП 'присвоение чужого' в русском языке представлено производными из порядка ста пятидесяти гнезд славянского (русского) и заимствованного происхождения. Основой поля являются этимологические гнезда исконно славянского происхождения. Заимствования проникают в данное ЛСП уже с древнерусского периода путем поморфемного калькирования иноязычной лексемы (др.-рус. *гробокопание*), поэтому данное раннее заимствование относится более к семантическим, нежели морфологическим — новые корни в русском языке не появляются. Иностранные корни в составе лексем русского языка появляются примерно с XVIII в., когда впервые зафиксирована лексема *бандит*. Наиболее активно заимствующим явился период XX в., ознаменовавшийся появлением краж нового типа — интеллектуальной, отличающейся нематериальностью и отсутствием личного контакта преступника и жертвы.

Единство поля с морфологической точки зрения можно наглядно представить в Таблице № 1, отражающей процентное соотношение частей речи в разные периоды развития русского языка:

Таблица №1

	Verbum	Nomina agentis	Nomina actionis I	Nomina actionis II	Украденный предмет/признак этого предмета	Прил./сущ., обознач. степень проявления признака	Наречие, отвеч. на вопрос <i>как?</i>
Пр.-сл.	51%	13%	19%	17%	0%	0%	0%
Др.-рус.	55%	7%	7%	18%	10%	1%	1%
Ст.-рус.	55%	15%	6%	15%	5%	1%	4%
XVIIIв.	57%	28%	0%	7%	0%	7%	0%
СРЛЯ	43%	23%	3%	18%	2%	5%	5%
Диалекты	70%	18%	1%	0%	3%	5%	3%
Жаргон	65%	20%	2%	1%	0%	0%	0%
ИТОГО	56%	15%	6%	13%	4%	3%	2%

Как видно из приведенной таблицы, ЛСП 'присвоение чужого' является полем глагольной семантики («В языке пик языковой специфики приходится, как правило, на глагол» [Трубачев, 1988, с. 219]): во все исторические периоды существенно преобладают глагольные образования или *nomina actionis I, II* (первый – первичные образования, второй – образования через ступень прилагательного или существительные усложненной структуры). Кроме того, и на более поздних этапах образование вторичных глаголов усложненной структуры (отыменных, экспрессивных и т. п.) занимает важное место в данном ЛСП. Незначительное место в рамках русской языковой картины мира занимают обозначения украденного предмета и слова, обозначающие степень проявления признака типа *крадучий, воровливый*. Нерелевантность обозначения действующего лица указывает на подчеркиваемый русским языком динамизм поля с маркированной безличностью, что, скорее всего, связано с тем, что для кражи актуальна незаметность, быстрота ее совершения.

Частотность и количественные показатели образований в этом поле являются величинами достаточно константными на протяжении всей истории русского языка, исключение видится лишь в количестве наречий как относительно молодой части речи с размытыми границами, число которых увеличивается со временем.

Некоторые наблюдения относительно словообразовательных характеристик поля. Для образований различных этимологических гнезд характерно: использование широкого набора префиксов (**u-*, **vy-*, **ob-*, **sъ-*, **za-*, **оть-*, **pri-*, **vъz-*, **raz-*, **pod-*, **jъz-*, **na-*, **po-*), суффиксов *nomina actionis* (**-j-*, **-еньj-*, **-stv-*, **-k-*), суффиксов *nomina agentis* (**-Ø-*, **-(ьn)ik-*, **-l-*, **-tel-*). «Многие архаичные префиксально образованные имена позволяют предположить, что некогда префиксация была в славянском именном словообразовании обычной, чем теперь» [Никонов, с. 103], но уже с позднепраславянского периода всем начавшимся выделяться славянским диалектам была свойственна префиксация глагола и суффиксация имени. Одной из основных черт данного ЛСП в плане набора иностранных аффиксов является практически полное их отсутствие; исключение составляет только *банд-ит*, диал. *банд-ист*, жарг. *тырб-аж*. Как показал еще Костомаров, темп освоения суффикса *-ист-* возрастает крайне быстро: если до XVIII в. русскому языку было известно лишь *евангел-ист*, в эпоху Петра I — 13, то в СРЛЯ их количество превышает 1000 [Костомаров, 1956]. Суффикс *-аж-* вычленился из французских заимствований на рубеже XVIII-XIX вв. — впервые в 1801 г. в слове *багаж* [Будагов, с. 45], но за полтора века своего существования в русском языке освоился до полной автономии — присоединения к заимствованным основам (*метраж*, *типаж*) и образования эмоционально-окрашенной лексики (*подхалимаж*, *тырбаж*), а также присоединения к исконно русским основам без дополнительного экспрессивного, эмоционально-окрашенного значения (*листаж*).

Специфическая семантика поля повлияла на ограничение формирования форм на *-ся*. Однако при анализе обнаружены и уникальные с морфологической (и как следствие, с семантической) точки зрения образования: др.-рус. *гравитися* ‘грабить друг друга’, др.-рус. *перекрасти* ‘украсть краденое’.

Поле изобилует оценочными образованиями, оценочность может передаваться: 1) самим корнем (большинство жаргонизмов и диалектизмов), при потере семантической окрашенности корень может стремиться к вторичному усложнению оценочного характера, основным способом которого можно считать суффиксоид *-ст-* / *-зд-* (*грабастать*) и мену корневого гласного, реже — согласного (*вуркуганить*, *уцупизнуть*); 2) аффиксами, в основном представленными суффиксами прилагательных (*воровливый*, *крадучий* и под.), передающими негативную оценку данного явления обществом.

II глава. Мотивационные модели и типы мотивации

Обязательной составляющей этимологического толкования слова является определение первичной мотивации, указывающей на признак, легший в основу номинации, который был выбран этносом в качестве существенного и поэтому крайне важен для восстановления картины мира. Термин «первичная мотивация» соответствует именно этому избранному при номинации признаку в отличие от возможной вторичной мотивации, возникающей в истории многих лексем как результат народной этимологии. Далее в работе наряду с термином «первичная мотивация» используется как синоним термин «мотивация». Как показано в первой главе, определение первичной мотивации, носящей характер языковой концептуализации, не является примером научной спекуляции, оно опирается в значительной степени на формальные структурные характеристики образований внутри каждого гнезда и его семантику. В работе для большинства гнезд были приведены реконструкции вплоть до индоевропейского периода, чтобы показать непрерывность развития значения и исключить возможность протоомонимии. Однако первичная мотивация определяется по последнему (в формировании слова) словообразовательному акту или семантическому переходу. «Понятие семантического перехода представляет собой способ отразить тот факт, что некоторые два смысла неслучайным образом выражаются в каком-то языке одним и тем же словом» или выводимы одно из другого семантически [Ан. Зализняк, с. 36]. Не последнее значение для восстановления первичной мотивации имеет изучение народной культуры и внеязыковой действительности, что отражено для ряда гнезд в первой главе. Важность привлечения реалий внешнего, неязыкового мира для лингвистического анализа доказывал Н. Хомский, в рамках теории которого все изменения в языке носят характер интерфейса, т. е. являются результатом связи

языковой и неязыковой системы при постоянно существующем давлении со стороны концептосферы [Chomsky, p. 56]. Но существенно и противоположное направление взаимодействия этимологии и исследования народной культуры: «Результаты этимологического исследования лексики включаются в реконструкцию народной духовной культуры» [Варбот, 2012, с. 204]. «Особое значение лингвистические данные имеют для реконструкции интеллектуальной («духовной») культуры, являясь едва ли не единственным источником хотя бы приблизительных представлений о менталитете и уровне интеллектуального развития человеческих коллективов, говоривших на том или ином языке ту или иную доисторическую эпоху» [Милитарев, с. 99].

Важным инструментом семантического анализа в этимологии являются семантические параллели. Для этимологии важны исследования как дальних семантических параллелей [Kiparsky, 1959, p. 227; Kiparsky, 1966, p. 70], так и параллелей из близкородственных и территориально близких языков и их диалектов, что помогает во многом исключить общечеловеческие восприятия и видения [Jakubowicz, p. 214]. Данная работа, определяя первичные мотивации лексем ЛСП «присвоение чужого», одновременно обнаруживает сходство, параллелизм мотиваций в целых группах лексем, так что они могут быть объединены в определенные модели мотивации. В качестве доказательства синонимии семантических переходов внутри моделей принимается параллельность / схожесть словообразовательной цепи, которая, собственно говоря, и создает определенные модификации значения.

В данной главе будет предпринята попытка воссоздания одного фрагмента «если не картины мира, то схемы, хотя бы не противоречащей объективной» [Трубачев, 1988, с. 203], т.е. целого фрейма, представленного набором мотивационных моделей, при выявлении специфически русских (славянских) механизмов языковой концептуализации без учета выявления промежуточных этапов и временных характеристик, о которых — см. гл. III.

«Семантическое поле представляется целесообразным рассматривать с гораздо большим допущением диахронического аспекта, что на практике и делается исследователями, так как поле — это своеобразное *осуществление тенденции взаимосвязей форм*, их экспансии, воспроизводство морфологических и семантических моделей» [Трубачев, с. 4] (*курсив мой* — Ю.М.). В данной главе мотивационные модели и наполняющие их лексемы представлены как «хронологически взаимно приуроченные термины», «актуальность синхронного аспекта здесь невелика» [Трубачев, с. 3—4]. «Между архаизмом и инновацией установима связь четкой преемственности, выражающаяся в воспроизводстве семантической модели» [Трубачев, с. 7]. Сама обширная синонимичность ЛСП свидетельствует о мозаичном отражении действительности в языке, соединяющем не синхронные, а разновременные реакции, восприятия, толкования, лишь частично соответствующие актуальному осмыслению мира носителями языка [Трубачев, 1994, с. 11—12, 17], [Топоров, 2000], [Мокиенко, 1999, с. 200]. При этом устойчивость во времени некоторых мотивационных моделей доказывает неизменность восприятия этносом тех или иных явлений (стабильными можно признать лишь законы мышления и психологии, которые взаимно влияют на значение лексем [Guiraud], [Traugott]), отражая национальную специфику восприятия, и лишь детальный анализ мотивационных моделей способен выявить эту национальную специфику на разных хронологических этапах.

Любая структура, в том числе и языковая и семантико-полевая, устроена неоднородно: в ней наличествует ядро и периферия. При этом строгость организации семантического пространства ослабляется от ядра к периферии, что можно наблюдать в экспрессивной и жаргонной лексике, сохраняющей двойственность своего значения. Но ядерно-периферийное распределение не является статическим, большая гибкость периферии позволяет аккумулировать формальный и семантический потенциал, которые на следующем историческом

этапе окажутся в центре системы. В постоянной мене ядра и периферии и заключается основной механизм структурной динамики, по мнению Ю.Н.Тынянова [Тынянов, с. 145].

В данной работе выявленные мотивационные модели будут рассматриваться по принципу существенности для русской (славянской) картины мира, за основу чего принимается количество корней и лексем, развивших искомое значение по той или иной модели. В каждую модель также будут включены и заимствования, развившие значение воровства в русском языке (они будут отделены чертой, символизирующей их второстепенность ввиду их инородного происхождения). Подобные заимствования, попадая в русский язык, не только принимают новое оформление, но и начинают втягиваться в семантические закономерности русского языка — в данном случае, развивать значение 'красть' по уже существующим в русском языке моделям. После перечня заимствований в скобках будут указаны корни, к которым были возведены в данной работе темные лексемы поля. Подобная подача материала охватит все обнаруженные лексемы данного ЛСП за небольшим исключением в виде заимствований, уже имевших значение 'красть' в языке-источнике, и темных лексем, этимологический анализ которых затруднителен на данном этапе исследования.

Корни группируются внутри моделей по «общему знаменателю значений» [Panagl, p. 319]. Следует признать существование определенного набора сем у каждого из праславянских корней, лежавших в основе вербализации внешнего мира, несмотря на сомнения Трубачева относительно компонентной делимости значения [Трубачев, 1980, с. 8]. Конкретное значение, из которого развилось значение 'красть', будет указано как первичная мотивация непосредственно рядом с конкретным корнем. Именно отвечая на вопрос, какие два признака ментально сближены в акте номинации, можно воссоздать фрагмент языковой картины мира [Толстая, с. 4]. Наличие подгрупп в некоторых моделях не только

не нарушает стройности анализа, но и лишний раз доказывает полевой характер существования лексики в языке, объединяющейся в модели по последнему словообразовательному акту и последнему семантическому переходу.

1) Наиболее важным и существенным для данного поля стоит признать мотивационную модель *'векторное перемещение предмета в пространстве'* — вывод, который можно сделать на основе обилия гнезд, развивших значение 'красть' на основе семантики движения:

**bag(ь)riti* 'быстро гнать': казацк. *сбагрить*

**buriti* 'тащить, волочить тяжесть': урал. *убуровить*

**dybati* 'поднимать, вздергивать': жарг. *дыбить*

**grebti* 'рыть, сгребая': др.-рус. *грабити, ограбити - ограбляти, пограбити, разграбити, изграбити, грабежь, изграбежь, разграбежь, грабление, розграбление, пограбление, грабитель*; ст.-рус. *рабитися, грабля, грабительство, грабьць, грабежникъ, грабежныи, грабежное, грабежчикъ, грабильщикъ, грабежливыи, пограбленныи*. РЯ XVIII в.: *награбить, грабительствовать, грабаздать*. В русских диалектах зафиксированы: новг. *сгрибчить*, сиб. *грабью грабить*, карел., перм. *грабастать*, яросл. *приграбастать, грабуздать*, волог. *награбостить*, урал. *гарабать, сгорамкать*, урал. *гарамчи*, арханг. *гробызнуть*, псков. *граб(ь)*, арханг. *выграбить*, печор. *повыграбить*, сибир. *грабья*, перм. *грабодитель*, арханг. *грабёжник*, псов. *грабальщик, грабат*, урал. *грабастой, грабастень*, псков. *граблёное*, перм. *грабодитель*. СРЛЯ: *ограбление*

**grōziti* 'тянуть': псков. *выгрузить*

**gъnati* 'заставить двигаться что-либо': др.-рус. *загънати*; рус. *угнать, угонка, угонщик*; зап.-бран. *увагнать*, урал. *угонить*

**kydati* 'резко двигать вовне': жарг. *кинуть, кидалово, кидняк, кидок*

- **тъкнѣти* 'передвигать': др.-рус. **оумькати, оумькывати, оумъчати, оумькание**, урал. *умчать*
- **пахати* 'грести': новг. *опахать*, арханг. *выпахать*
- **рѣти* 'двигать, тащить': сибир. *спятить*, молод. сленг. *пятить*
- **рърати* 'быстро двигаться, лететь': перм. *упереть*, откуда затем рус. разг. *спереть*
- **сѣдти* 'перемещать вовне': арханг. *высадить*
- **stradati* 'сгребать': урал. *страдавать*
- **ševeliti* 'двигать(ся)': псков. *вышевелить*
- **širiti* 'разворошить, разбросать': карел. *расширабать*
- **тѣгати* 'тянуть, тащить': др.-рус. **вытязати, вытягати**; рус. *стянуть*, псков. *вытянуть*
- **turiti* / **tyriti* 'гнать' > 'толкать, побуждать': новг. *ты́рнуть*, сибир. *стырить*, урал. *стурить*, офен. *стюрить*, сибир. *стырѡк, тырка*; жаргон: *тырить, тырбанить, стыривать, стыбзить, натырить, оттыривать*; *стырщик, тырбаж, тырбанка, тырбень*
- **velkti* 'тянуть, волочить': др.-рус. **сѣволочи**, ст.-рус. **сволочь**; рус. *уволочить, уволакивать*, печор. *волочки, разволочить*
- **vesti* 'передвигать': др.-рус. **оүвести, оүводъ**; рус. *(из-под носа) увести*, жарг. *уводить*
- **vezti* 'тянуть, двигать везя': ст.-рус. **свѣзти**

Заимствования:

одесс. *оттасать* 'сгребать в кучу',
шерстобит. *сбарчить* 'гнать'

(Темные лексемы:

сибир. *обделать*, сибир. *поддедюлить* 'ловко, проворно перемещать' — к
**dě(ja)ti*

твер., вят. *стигостить* 'гнать' — к **stigti*
 урал. *разбутыскать* 'толкать' — к **butiti*)

Семантическая трансформация по данной мотивационной модели происходит в основном на основе трех значений-катализаторов: 'тащить', 'гнать', 'грести', которые, тем не менее, не стоит разводить в разные семантические модели ввиду того, что при любом из значений, непосредственно из которого начало развиваться значение 'красть', превалирует все же общая семантика векторного перемещения предмета при смене его хозяина. При этом направление вектора от хозяина или к похитителю является в данном случае нерелевантным при более широком значении.

2) Мотивационная модель '*отдиране, отделение*':

**biti* 'отрубить, выбить': др.-рус. *разбой, розбой, разбойникъ, розбойникъ, ра (о)збойничии, разбойниковъ*; ст.-рус.: *отбити*, ст.-рус.-цслав. *разбойнство*; рус.: *разбойничать, разбойничество*, смолен. *выбой*, сибир. *разбойничиться*

**carapati* 'рвать, разрывать': новнг. *царапнуть*

**čistiti* 'расколоть': псков. *вычистить*, смолен. *обчищать*

**dročiti* 'отбить': волог. *сдрючить*

**derti* 'рвать, драть': др.-рус. *одьрати*; ст.-рус. *одирати*; псков. *дёрнуть, ди/ерануть*, новг. *ободрать*, казацк. *обдирать*, дон. *поддирать*, карел., арханг. *выдернуть*. СРЛЯ: *ободрать (как липку), сдирать (=списать и под.)*

**križati* 'обрезать, кромсать': жарг. *обчекрыжить*

**lizati* 'обчищать': смолен. *облизанный*, рус. *слизнуть*

**luskati* 'выдирать, отрезать': псков. *вышелушить*, воронеж. *лаузить*, жарг. *отшелушить*

- **luriti* 'сдирать, отрывать': др.-рус. *лоупити, полоупити, из(ъ)лоупити, лоупежь, лоупление*; ст.-рус. *лупитель*
- **porti* 'отрезать': одесс. *обпороть*
- **rvati* 'дробить, отделять': казацк. *урвать да удрать*, псков. *вырвать*, урал. *рвачливый*, рус. *рвач*
- **skrebtі* 'скоблить, чесать': дон. *скропчить*
- **stebati* 'хлестать, бить': урал. *стебануть*, селигер. *пристебренить*
- **srstь* 'выдранное': сибир. *обшерстить*, новг. *обшершить*
- **šaraxati* 'резко отдирать, выбивать': разг. *шаряхать, шаряхнуть*
- **ščelkati* 'колоть': псков. *выщелкать*
- **ščьpati* 'раздирать, разобщать': жарг. *щипач(ить)*
- **taskati* 'трепать, драть': псков. *вытащить*, беломор. *растаскать*, яросл. *растациловка, растациха*, рус. разг. *утащить, вытащить и растащить*
- **tepti* 'отбить': яросл. *стипать*
- **tyrgati* 'оторвать, сорвать': др.-рус. *отътъргноути, отторгати*
- **verpti* 'рвать': рус. стар. *вороп*
- **(x)lamъ / (x)lomъ* 'отрезанное': печор. *захламостить*, сибир. *прихламостить*
- **žul-* 'обдирать, отрезать': жарг. *жулик*

(Темные лексемы:

урал. *сбукчить* 'выбить' — к **bukati*

шерстобит. *убахтить* 'колотить' — к **bahati*

перм., вят. *спандерить* 'отодрать' — к **pa-dьrati*

яросл., волог., казацк. *сбондить* 'отрезать'

казацк. *смамырить* 'отрубить')

Данная модель, как и ранее рассмотренная в п. 1), также является полицентричной с двумя основными ядрами, акцентирующими либо процесс битья, либо процесс отделения-отдиранья.

3) Мотивационная модель '*хватание*':

**bogъ* 'наделяющий': карел. *забожить*

**byrati* 'братъ': др.-рус. *бьрати, бьрание*; ст.-рус.: *отбирать, обрати, обобрати, vybrati, забрати, прибирати*. СРЛЯ: *отбирание*. В диалектах и жаргоне: поволж. *собирать*, псков. *берять*, сибир. *забарабать*, урал. *приубирать, приубрать*, перм. *убарабать*

**sarati* 'схватить': прибайк. *зацапать*

**jeŕi* 'братъ': др.-рус. *имати, переяти, отяти, отъяти, отъимати, отънимати, отоймати, поотнимати, поотняти, зяяти, занимати, изъяти, изнимати, выимати, пояти, поимати; имѣние*; ст.-рус.: *възяти, взимати, отняти, изотъяти; отънимание, отъятие, отятие, поятие, взимание, приятие*. СРЛЯ: *вынуть*. В диалектах и жаргоне: карел. *сняти*, псков. *выняти*

**klepati* 'взять, схватить': яросл. *вклепаться*

**kolti* 'накалывать': уголовн. *наколоть*

**loviti* 'хватать': псков., твер. *ловить*, казацк. *обловить, обловщик*

**libiti* 'подцепить, взять': смолен. *подлибить*

**lubiti* 'захватить целиком': урал. *опалубить*

**rogъ* 'подцепить': карел. *рогонуть*

**xoriti* 'хватать': помор. *захапать*, псков. *дохопать*, сибир. *хамать*, перм. *захамить*, помор. *захавать*, сибир. *братъ хапом*, помор. *хápало*; разг. *хапуга, хапун*

**xytiti* 'схватить': др.-рус. *похытнати, похватнати, възхытнати, изхытнати, изхычоу, исхитити, расхитити, расхыщати, прехватати, похватати; хыщение, възхыщение, възхытание*; ст.-рус.: *захватить, похищать, похичать, похытать; захватъ, позыщение, расхититель, възхыщникъ, похищникъ, похитникъ*. СРЛЯ: *выхватить; похититель, хищничать*,

хищничество. В диалектах и жаргоне представлены: смолен. *спохитеть*, казац. *захитить*, карел. *ухитить*, *схитить*, казацк. *прихитить*; сибир. *хитство*, урал. *самохват*, диал. *похитка*, урал. *хитник* — *хитничать*, волог. *похитчик*

Заимствования:

урал. *сбулить* 'хватать',
дон. *чужить* 'брать чужое',
сибир. *ляпнуть* 'подхватить',
разг. *глиссануть* 'касаться',

(Темные лексемы:

жарг. *захобачить* 'схватить')

Данная мотивационная модель представлена образованиями, значение 'брать, хватать' для которых является этимологически первичным, или образованиями, втянувшимися в обозначение процесса хватания лишь по сходству движения (**kolti*, **loviti*, **lib-*) или результата (**bogъ*). Таким образом, при формировании значения присвоения чужого данные два типа образований отличаются лишь степенью метафоричности, которая усиливается в образованиях второго типа.

4) Мотивационная модель '**применение силы**':

**dugъ* 'применять силу': казацк. *дугач*, *дужить*, *задужить*

**gromiti* 'отбирать силой': сибир. *отгромить*

**oriti* 'разрушать, разорять': рус. *разорить*, *разоритель*, *разорение*, сибир. *иззорить*

**relнь* 'насильственно завладеть': др.-рус. *плєнѣти*, ст.-рус. *поплєнити*, урал. *полонить*

сила* 'естественная мощь, сила': ст.-рус. **НАСИЛОВАТИ, ПОНАСИЛОВАТИ, НАСИЛЬСТВО

војь* 'применять силу, воевать': др.-рус. **ВОЕВАТИ, ПОВОЕВАТИ, ПОВОЕВАНЫИ, ПОВОЕВАНИЕ

volděti* 'применять силу: ст.-рус.-цслав. **ОБОВАДѢТИ, ОВЛАДѢТИ, ОВЛАДАТИ, ЗАВЛАДѢТИ, ЗАВЛАДАТИ, ЗАВЛАЖИВАТЬ

Заимствования:

жарг. *ремонттировать* 'избивать гомосексуалиста'.

Данная модель состоит в основном из производных из гнезд, первичное значение которых предполагает применение физической силы, но некоторые приобрели подобную сему достаточно поздно (уже в письменную эпоху) путем метафорического переноса с обозначения раскатистого звука (**grom-*). Данная модель представляется уникальной в ЛСП 'присвоение чужого', т. к. является единственной, отталкивающейся в формировании значения 'красть' от значения 'применять силу', причем исторически древнейшими гнездами, в которых впервые возникает новая семантика, становятся в древнерусском языке гнезда пр.-сл. **сила, *pelнь* и сугубо для обозначения военной добычи, трофея. Но несмотря на то, что история пишется победителями, которые рассматривают свою военную добычу как вполне законное приобретение, уже в древнерусском языке у образований двух гнезд отмечены значения 'грабить', возможно под влиянием экстралингвистического фактора — татаро-монгольского нашествия. Уникальность данной модели заключается также в том, что она описывает единственный способ обогащения, в котором человек может рассчитывать только на свои физические способности. Несмотря на кажущуюся очевидность предположения о древности такого типа хищения ввиду его большей примитивности (первобытности), языковые данные явно указывают на противоположное. Кража, воровство всегда расценивались обществом как поступки низкие и недостойные, это было преступление, направленное на

имущество, принадлежащее априори другому человеку, в основном соплеменнику, соседу в широком смысле слова. Действия же, описывающиеся лексемами, входящими в данную модель, исторически подразумевали некую праведную, еще ветхозаветную месть, оправдываемую обществом.

5) Мотивационная модель **'быстрое, неожиданное совершение действия':**

* *duti* 'быстрое действие, как свистнуть': яросл. *сдурить*, перм. *дуть*, жаргон. *воздушник*

* *gorь* 'быстрое действие, как прыжок': арханг. *гоп*, *гопник*, *гопница*, *гопничать*, *гопничество*

* *skokatі* 'неожиданное, резкое движение вверх': жаргон. *скак*, *скок*, *скокарь*, *скакунчик*, *скачок*, *скакун* *скакнуть*

* *svistěti* 'мгновенно, как свист': арханг. *высвистать*, рус. разг. *свистнуть*

* *ščekotati* 'быстро, как откусив': псков. *выщекотать*, смолен. *общекотать*

* *žegti* 'быстро, как ужалить': карел. *жогнуть*, помор. *жогать*, урал. *жоган*

Заимствования:

разг. *бомбануть* 'налететь',

разг. *фитиль* 'вспыхнуть',

(Темные лексемь:

новг., помор., печор. *спулить* 'быстро бросить')

Все входящие в данную модель пр.-сл. корни обозначали действие, совершение которого ограничено коротким промежутком времени ввиду его скоротечности и резкости, будь то свист, или укол, или прыжок и под. Именно резкость и неожиданность действий, слабо поддающихся контролю, становятся основополагающим фактором развития значения 'красть' у данных словоформ.

Периферийными моделями вследствие меньшего количества входящих в них образований можно признать следующие:

б) Мотивационная модель 'перемещение преступника':

**bresti* 'идти с трудом, осторожно': *смолен. побрѡдовать*

**krasti* 'осторожное передвижение': др.-рус. *красти, покрасти, окрасти; кража, покража, крадьба, крадыи, неокраден, неокрадомый, (о)крадение*; ст.-рус. *крадывати, окрадати, покрадати, покрадовати, окрадывати; окраженыи, покражный, непокрадомый, непокрадомъ, перекрасти, крадва, крадежемъ, (свято)крадежество, святокрадение, святокрадство, крадежник, святокрадец, крадливый*; РЯ XVIII в.: *накрасться*; СРЛЯ: *украсть, выкрасть, обокрасть*; в русских диалектах зафиксированы: сибир. *скрадом скрадывать*, зап.-брянск. *обкрасть*, дон. *скрасть*, сибир. *скрадывать*, волог. *разокрасть*, ср.-приирт. *сделать покрадки*

**lězti* 'подкрадываться': *яросл. подзалáзить*

**myzgatí* 'ерзать, шататься': урал. *мызнуть*, сибир. *смызнуть*

**nyriti* 'ловко передвигаться, изворачиваться': урал. *проньрь*, офен. *унарить*

**tatъ* 'тайно, скрытно передвигаться': др.-рус. *татъ, татъба, татъбина, татъство, татъбити, татѣкрадственный, святотатѣць, святотатство*

Исторически данная мотивационная модель, описывающая кражу по перемещению ее совершающего, относится к индоевропейскому периоду и тем самым является первой в ЛСП 'присвоение чужого'. С расширением поля данная модель вытесняется более актуальными моделями из ядра ЛСП 'присвоение чужого', начиная с праславянского уровня, однако производные из гнезда пр.-сл. **krasti* сохраняют до уровня СРЛЯ положение одного из самых

употребительных в русском языке наименований кражи. Основой данной модели явились корни гнезд, обозначающих незаметное, тихое передвижение, но в дальнейшем в диалектах данная модель расширяется до вовлечения в свои рамки корней, обозначающих юркое передвижение (**nyr-*, **myzg-*).

7) Мотивационная модель '*отклонение от нормального поведения (аморальное поведение)*':

**blazьnь* 'притворяться, кривляться': новг. *сблажить*

**blęsti* 'сбиваться с правильного пути': казацк. *блудить*, новг. *блудничать*, урал. *сблудничать*, новг. *блудить*; новг. *блуд*, казацк. *блудний*, урал. *блудень*, *блудёна*, сев., новг. *блудня*, новг. *сблиндить*

**gludь* 'быть скользким, изворотливым': сибир. *(с)хлюздить*, *сглыздить*, *сглызнуть*

**vьrati* 'врать, кривить душой': ст.-рус. *вор*, *вори҃ха*, *воровати*, *своровати*, *воровывати*, *изворовати*, *воровство*. СРЛЯ: *ворюга*, *воришка*, *воровка*, *наворовать*, *обворовать*, *воровской*. В диалектах и жаргоне: арханг. *ворина*, *ворёнка*, *ворьина*, *ворьё*, *ворить*, *воровивати*, *воряивать*, *вороваться*, *воровой*, *воровитой*, печор. *ворище*, *ворко*, дон. *воряга*, прикам. *вори҃га*, дон. *воркаган*, *воркаганить*, *вуркуганить*, поволж. *уворовать*, дон. *воровливый*, *воручий*, псков. *воровастый*, *воровой*

Заимствования:

новг. *схимостить* 'колдовать, врать'

сибир. *штукарь* 'хитро делать что-либо'

(Темные лексемы:

урал. *подгундорить* 'вводить в заблуждение' — к **gosti*

урал. *сбаклать, сбачить, прибаянить* 'лгать' — к **bajati*)

Данная модель является одной из самых молодых в ЛСП 'присвоение чужого', первые свидетельства лексем которой относятся не ранее чем к старорусскому периоду. Модель является сугубо великорусской инновацией, ее корневая база не находит семантических параллелей в других славянских языках. Модель маркирует существенный сдвиг в миропонимании и мировидении русского этноса — вербализует как основной компонент кражи на русской почве обман, нечестность, хитрость, имплицитно присутствующий уже в древнейшей мотивационной модели поля, описанной в п. 6). Видимо, достаточно сильное влияние на образования данной модели оказала смена религии у славян: именно христианство акцентирует свое внимание на бессмертной душе и ее управлении телом и поступками, хотя непосредственным творцом модели стоит признать именно язык. «Язык может в процессе функционирования сам становиться творцом мотивационных моделей, то есть определять восприятие явлений носителями языка» [Мокиенкоб 1999б с. 379]. Пропуская все, в том числе и имущество человека, через призму представлений о воле и грехе, религия рассматривает собственность в категориях морали. Не меняя сам концепт, религия возводит собственность в новый ранг, беря за основу моральные постулаты с особым вниманием к личности собственника. Таким образом, для религиозного сознания оказывается существенным различие «дарителя» собственности, главным среди которых становится бог, что вновь превращает собственное владение и распоряжение предметом в его лишь временное пользование, одалживание, как во времена, предшествующие формированию частной собственности как исключительного права. Как ни парадоксально, данная концепция, разрабатывавшая более абстрактное, чем конкретное понимание собственности, не уделяла внимания индивидуальному поведению человека, не называла конкретные преступления [Grundbegriffe, s. 72]. Особое

внимание уделялось лишь церковному имуществу, что находит свое отражение в рамках данного ЛСП в виде лексем с компонентом *свято-* (*святотатство, святокрадение*). Отсутствие «религиозных» сложных лексем среди образований данного типа мотиваций можно объяснить не только диалектной основой всех входящих в мотивационную модель слов, но и самой нехарактерностью оных ввиду априорного нерассмотрения религией подобных случаев получения собственности. Именно смена данного ракурса стала одной из основ европейской Реформации: так, М. Лютер называл именно держателей собственности «экономами бога» [Grundbegriffe, s. 73]. Поэтому не случайно в рамках данной мотивационной модели в языке вербализируется именно моральный аспект кражи — отклонение от нормального поведения, принятого обществом для гармоничного сосуществования. За основу берется уже известный своей греховностью мотив обмана как блуждания, лукавства. Связь ‘обманывать’ и ‘ошибаться’ довольно устойчивая в русском языке и возможна у разных форм одного слова: ср. *обмануть – обмануться*.

8) Мотивационная модель *‘уподобление другому лицу / животному по сходству в поведении’*:

**kolěno* ‘прихожанин / молящийся’: угол. *преклонить колена*

**slina* ‘слабак’: рус. разг., угол. *слюнтяй*

**vorgь* ‘враг’: новг. *ворог*

**vorgьjь* ‘юркая и подвижная птица’: *воробейник*

Гайдар ‘непопулярный политик’: *гайдарить*

Заимствования:

помор. *ошкуй* ‘как хищник’,

одесс. *фараонить* ‘как полицейский’,

разг. *натараканить* ‘как таракан’,

разг. *шакалить* 'питающийся чужой добычей',

(Темные слова:

жарг. *чиграш* 'юркая и подвижная птица',

жарг. *шпана* то же)

Формирование данной модели, кажется, начинается с втягиванием в обозначение вора слов, обозначающих врага в широком смысле слова (*враг*, *Гайдар*, *ошкуй* и др.), что встречается на всех уровнях русского языка, начиная с древнерусского. Как периферийную можно рассматривать лексику, во-первых, сформировавшую значение 'красть' на основе уподобления вора животному, коннотативно связанного народным мышлением с воровством, или, во-вторых, сформировавшую значение 'красть' на основе иерархии уголовного мира (*преклонить колена*, *слюнтяй*, *фараонить*, *замитьковать*). Детерминация кражи при помощи зоонимов является индоевропейской универсалией. Так, др.-инд. *muṣṇāti* 'воровать' восходит к др.-инд. *muṣa* 'мышь', так же как и нем. *mausen* к *Mause* с теми же значениями [Maurohofer, s. 341].

9) Мотивационная модель '*место промышления*':

**domъ* 'влезать в дом': *домушник*, *домушничать*

**dьrgati* 'промышлять на дорогах': *разбойник с большой дороги*, урал. *дорожник* — *дорожничать*, *подорожник* — *подорожничать*, *большедорожник* — *большедорожничать*

**gordъ* 'воровать с прилавков': жаргон. *городушник*

**lěszъ* 'воровать на плохоохраняемой местности': урал. *лесовать*

**sъpati* 'ограбление квартир': жаргон. *сонник*, *сонник-темняк*, *сонник-светляк*

(Темные лексемы:

новг. *сдебрить* — к **dъbrь*)

Наименование человека по его местообитанию являлось одной из ключевых его номинаций в истории славянской культуры, начиная со времени расселения древних славянских племен с их традиционными названиями. В процессе экономико-политического развития социума биотоп человека дополняется другими, более существенными на данном этапе развития общества принципами (моделями) номинации: по профессии, по родственным связям, по особенностям поведения, что нашло свое отражение, например, в прозвищах и далее в фамилиях. Широкое распространение получили наименования по отношению к труду, по поведению в социуме (см. в рамках данного ЛСП модели 'отклонение от нормального (аморальное) поведение' и 'уподобление другому лицу'). Лексика, соответствующая данной мотивации по месту промысла вора, относится к новому времени, на что указывает отсутствие точных параллелей в других славянских языках и в древнеславянских письменных памятниках, а также ареальная диалектная ограниченность соответствующих лексем. Общей исходной семантической основой модели является, вероятно, представление о неохраняемой, дикой и обширной местности, такой как дебри, лес, дорога. На протяжении всей истории человечества перечисленные биотопы исключались из пространства, затронутого культурой и законом, они существовали по своим, более примитивным законам, ориентированным на преимущества физического превосходства и легкость ускользания в таком пространстве. Именно подобные внецивилизационные пространства становятся основой для формирования данной модели. Прозрачность и актуальность словообразовательной структуры данных лексем указывает на сохранения концепта ничейного пространства (где законы если и действуют, то менее эффективно) очень долго — вплоть до

Нового времени. И таким образом, данная мотивационная модель оказывается связанной с первичной для всего ЛСП «присвоение чужого» в русском языке моделью «незаметного перемещение преступника» (*красть, тать* и др.), являющейся и.-е. наследием [Виск: 789]. Другая подгруппа лексем в рамках данной мотивационной модели (*домушник, сонник, городушник*) принадлежит к более новой части соответствующего фрагмента языковой картины мира, отражающей преимущественное внимание к преступлениям в том или ином законодательно охраняемом социотопе.

10) Мотивационная модель '*специализация по предмету кражи*':

**medvěď* 'взломщик сейфов': жаргон. *медвежатник*

**тоъна* 'залезать в сумку': *мошенник*

**uti* 'снимать обувь с путников': жаргон. *разувать, разувайло, обувь*, псков., твер. *разувай*

Заимствования:

разг. *карманник* 'карманный вор',

псков. *баклажничать* 'воровать из баклаг',

казацк. *каймашничать* 'воровать каймак',

разг. *слимонить* 'украсть миллион'.

Особняком в ЛСП 'присвоение чужого' стоит модель, описывающая преступника, специализирующегося на каком-либо объекте кражи. Прозрачность и простота морфологической структуры образований модели указывают на достаточную ее молодость, кроме того, отсутствуют точные параллели в других славянских языках. Большинство образований формируются с участием суффикса *-ник-*, указывающего именно на связь нового понятие с обозначаемым производящей основы, т. е. указывает на то, что присваивается.

11) Мотивационная модель '*причинение зла*':

* *duriti* 'шалить, совершать нехороший поступок': яросл. *сдурить*

* *kuda* 'нечисть': карел. *спрокудить*

* *pakostь* 'вред': др.-рус. *пакость, пакостити*, сибир. *капость, покóсливый*, карел. *спакостить*

* *tvoriti* 'хулиганить': др.-рус. *възтворити*

* *zъljъ* 'злой': брянск. *злодей*

Заимствования:

смолен. *пошкодить* 'причинять вред, ущерб',

(Темные лексемы:

карел. *охахалить* 'хулиганить'

жарг. *шушара* 'черт'

офен. *усякрить* 'черт'

разг. *тибрить* 'злодей')

По данной мотивационной модели лексемы формируются двумя путями: во-первых, через производящую основу, обозначающую совершение некоего поступка, вызывающего отрицательное отношение общества; или, во-вторых, через производящую основу, ставшую наименованием нечистой силы. Исходя из количественного сопоставления двух подтипов можно предположить, что кража для русского социума слишком «человечна» и сравнительно редко приписывается потусторонним силам. Возможно, причину этого следует искать в народных представлениях о потусторонних силах, за которыми закрепляется не только сфера мистического и сверхъестественного, но и справедливого. Исчезновение предмета с его обычного места если и приписывается

потусторонним силам, то только в качестве игры при отсутствии каких-либо меркантильных интересов. Меркантильное же коварство — черта сугубо земная и присуща исключительно человеку, что и находит свое отражение в типах номинации кражи в рамках данной мотивационной модели.

12) Мотивационная модель '*исчезновение (заставлять исчезать)*':

* *čersti* 'укорачивать, уменьшать': селигер. *прикратить*

* *gryzti* 'тереть, измельчать': молод. сленг. *обгрызть*

* *terjati* 'утрачивать': волог. *потеря*

* *vʹlsnŋti* 'заставить исчезнуть как по волшебству': жарг. *сволшебствовать*

(Темные лексемы:

шерстобит. *юхтить* 'вычистить')

Данная мотивационная модель описывает кражу как процесс (неожиданного) исчезновения предмета, сравнимый с процессом истребления, стирания. В ядре модели находятся производные пр.-сл. **gryzti*, **terjati* с семантической трансформацией 'тереть' > 'утрачиваться', к которым по схожести процесса отрезания-укорачивания с процессом истребления-стирания примыкают производные пр.-сл. **čersti*. Позднее с переосмыслением исчезновения с физического истребления-стирания на магическое в данную модель втягиваются и образования пр.-сл. **vʹlsnŋti*, где, таким образом, происходит смещение акцента с первичного обозначения процесса трения на его результат — исчезновение.

13) Мотивационная модель '*собственно присвоение*':

**svojь* 'делать своей собственностью': ст.-рус. *свонти, присвояти, присвоивати, присвояти, присвонти; присвоение, присвонтель*

Заимствования:

разг. <i>спионерить</i>	}	'пользоваться бесхозностью',
разг. <i>скомсомолить</i>		
разг. <i>скоммуниздить</i>		

жарг. *отработать* 'как честно заработанное',
 разг. *приватизировать* 'сделать своей собственностью'.

Само понятие 'свой' при имплицитной, всепроникающей культурной дихотомии «свое» - «не свое» [Трубачев, 1991, с. 157] является очень древним для славянской культуры, унаследовавшей его из индоевропейской, что поддерживается и формально — архаичной формой слова **svojь*. Пр.-сл. **svojь* представляет собой семантический реликтовый архаизм славянских языков и культуры: русскому *свой* до сих чуждо противопоставление коллективного и индивидуального, что связано с происхождением пр.-сл. **svojь* от и.-е. **su-* 'род, рожать, родной' [Szemerényi, s. 42—44]; это дает основания Бенвенисту утверждать, что славянское *свой* «лежит вне категории лица» [Бенвенист, с. 361], что дает, в свою очередь, право говорить о примате коллективности на ранней стадии зарождения понятия собственности, подчиненной идеологии рода [Рыбаков, с. 143]. Основываясь на лингвистическом материале, а именно на родстве и.-е. **gnō-* 'знать' и **gen-* 'родить, быть в родстве' [Трубачев, 1991, с. 158], можно с уверенностью говорить, что само понятие своего / не-своего было известно всем индоевропейцам с древнейших времен, но было более социальным. В дальнейшем собственность начала материализоваться. Свое превратилось из познанного и родного, близкого в собственность, имение, а

позднее на основе понятия о своем / чужом формируется понятие собственности как «всеобъемлющее, исключительное, абсолютное обладание вещами, иными благами, выражающее через соответствующие субъективные права прямую связь ("без посредников") человека с вещью, иным благом» [Алексеев, с. 66]. В широком же смысле собственность - отношение к вещам «как к своим» [Венедиктов, с. 34]. В древнерусском языке впервые вербализуется возможность преступного закрепления собственности за другим хозяином. Формирование значения 'присвоить чужое' у образований от пр.-сл. **svojь* в древнерусском языке скорее всего является отражением в языке более древнего семантического смещения. Остальные образования, развившие значение кражи по данной модели, представленные исключительно заимствованными корнями, относятся к XX в. и отражают формирование иронично-насмешливого отношения к строительству коммунистического общества и его лозунгов — ср. шутил. *все вокруг колхозное — все кругом мое*; или же относятся ко времени перестройки, ознаменовавшемуся массовым переходом государственной собственности в частную.

14) Мотивационная модель '*накопление*':

**korьbь* 'запасаться': прибаек. *схоробшійть, схоромчійть*

(Темные лексемы:

волог. *сбусать* 'бедокурить'

поволж. *спорить* 'прибыльно увеличивать')

Модель, отталкивающаяся от общего значения 'запасаться, копить', представлена малочисленными образованиями. Ни для одного из входящих в данную мотивационную модель корня значение 'копить' не является первичным:

для пр.-сл. **korbь* первичное значение восстанавливается как 'вид плетенного сосуда', для пр.-сл. **gьbnŏt i* — 'гнуть'. Таким образом, значение 'красть' является следствием метафорического переноса, напрямую не связанного с первичным значением корней.

15) Мотивационная модель '*отклонение от законного состояния*':

**viti* 'крутить': карел. *свихнуть*

**vortiti* 'поворачивать': карел. *своротить*, перм. *ворочать*

Заимствования:

жарг. *свинтить* 'отвинчивать шуруп',

(Темные лексемы:

карел. *счалить* 'связывать, крутить'

урал. *сбентерить, сбендить* 'связывать, крутить'

н.-новг. *лямзить* 'скручивать')

В противоположность ранее рассмотренной модели, описывающей кражу по векторному перемещению предмета, данная модель описывает кражу по круговому движению. Основой для формирования значения присвоения чужого, таким образом, представляется либо связанное с семантикой кручения значение 'свернуть что-либо с законного положения', или же связанное с семантикой кручения значение 'запутывать'. В первом случае кража рассматривается с сугубо физической стороны (привязать чужое к себе), во втором же — с нравственной, приближаясь, таким образом, к ранее рассмотренной модели, описывающей кражу как аморальное преступление. Кажется, следует склониться к первой версии, к чему побуждают и сами формы лексем (см.

выше), явно связанные скорее с процессом перемещения собственности, нежели с процессом введения в заблуждение, запутывания.

16) Мотивационная модель '*(низкий) социальный статус жертвы*':

**kury* 'ограбление клиентов проституток': жарг. *скурвить*

pizda* (blinь*) то же: *спиздить, сблиндить*

**pustiti* 'унизить': жарг. *опустить*

Заимствования:

разг. *пациент* 'как при заботе о больном',

(Темные лексемы:

аргот. *лох* 'мужчина'

сибир. *варнак* 'петух')

Модель, описывающая кражу по социальному статусу жертвы, проникает в русский язык из уголовного жаргона, на что указывают сами гнезда, в рамках которых появляется искомое значение. Данные корни явно связаны с номинацией социальных ролей в уголовном мире, яркой чертой которого является пренебрежительное отношение к человеку, занимающему низкую ступень в иерархии этого мира или не являющемуся его частью. Образования данной модели подчеркивают зависимое положение жертвы, ее подчинительное и унижительное положение.

Это ни в коей мере не «порнографические глаголы», это — «осколок более древнего пласта культуры с ее высоко телесным видением мира» [Бахтин, с. 234]. Исторически сложилось, что для русской арготической лексики характерны наименования для гениталий, зада и брюха как трех основных смеховых эмблем: 1) смеховой субъект или инструмент (мужской половой

орган), 2) смеховой локус (брюхо), 3) смеховой объект, вмещающий в себя идею страдательности [Елистратов, с. 639]. Соответственно, эти три элемента имеют свои основные характеристики: фалл — ловкость, хитрость, сметливость; брюхо — сила, мощь, необузданность; зад, vagina — страдательность. Не до конца ясно, почему язык выбрал именно корень **pizd-* для обозначения кражи, тогда как зачастую корни **pizd-* и **xuj-* выступают в качестве синонимов в подобных образованиях (ср. качественные прилагательные от обеих корней). Видимо, в данном случае причину номинации именно при помощи корня **pizd-* следует видеть в субъекте совершения кражи — проститутке.

17) Мотивационная модель '*извлечение*':

**dojiti* 'доить': жарг. *доить*

**těšiti* 'доить': яросл. *утешить*

**ođa* 'выдернуть': разг. *удило, удильщик*

**ryba* 'удить рыбу': жарг. *срыбить, рыбац, рыбачить*

В рамках русской языковой картины мира обозначение рыбной ловли и дойки также становятся обозначением кражи путем метафорического переосмысления извлечения чего-либо. Модель является сравнительно поздней, представлена не очень широко.

18) Мотивационная модель '*получение прибыли*':

Заимствования:

дон. *аманат(ничать)* 'не вернуть залог'

дон. *замытарить* 'собирать незаконный оброк'

казацк. *позычить* 'не вернуть долг'

яроsl. *шабашничать* 'использовать что-л. в своих интересах, для собственной выгоды'

угол. *кустарь* 'торгаш-мошенник'

Особенностью данной модели является ее развитие исключительно на почве заимствований. Причинами подобного ограничения, видимо, следует признать экстралингвистические. Неприятие русским обществом дани и поборов является основой формирования значения присвоения чужого. Модель получает расширение после законодательного разграничения законно и незаконно полученных доходов. Под незаконно полученные доходы попадают любые поборы, налагаемые сверх установленных налогов, использование рабочего времени или казенного орудия труда, любые манипуляции с продаваемым товаром или залогом

* * *

В составе ЛСП 'присвоение чужого' в русском языке выделено 18 мотивационных моделей, развивших значение кражи «сходными, но не абсолютно идентичными путями» [Меркулова, с. 81]. Основными моделями поля в рамках русской языковой картины мира оказываются модели: 'векторное перемещение предмета в пространстве', 'отдираание, отделение', 'хватание', 'применение силы', 'быстрое, неожиданное совершение действия', - занявшие центральное положение в ЛСП 'присвоение чужого' благодаря обилию гнезд, развивших по данным моделям значение присвоения. Эти модели можно считать ядром поля. Отличительной особенностью всех ядерных моделей следует признать вполне конкретную, физическую составляющую значений входящих в них гнезд. Остальные модели находятся на периферии поля, и материальность их значения уменьшается при увеличении степени метафоричности. Исторически первая модель, описывающая кражу по типу перемещения преступника, акцентирующаяся на его осторожном, незаметном

перемещении, на современном этапе развития русского языка не располагается в ядре поля, но находится достаточно близко к нему благодаря гнезду **krasti*, производные которого сохраняют одну из главных позиций в номинации кражи в СРЛЯ, и благодаря достаточно широкой диалектной вовлеченности. Важной семантической инновацией является появление модели, обозначающей кражу через отклоняющееся от нормального поведение преступника. Данная модель также занимает приядерное положение благодаря образованиям гнезда **vъrati*, несмотря на то, что формирование модели можно отнести к явлениям диалектным. В первой главе уже было выдвинуто предположение о влиянии смены религии на смещение акцента в оценке кражи с физической на духовную составляющую. Стоит еще раз, однако, подчеркнуть, что христианство как новая для славян система религиозных культов и ритуалов лишь повлияла, но не создала новую семантическую модель. Понятие кражи формировалось еще на индоевропейском уровне на основе представления об осторожном, тайном передвижении вора, как отдельную сему которого можно рассматривать и скрытность, лукавость. А учитывая устойчивое повторение на всех уровнях русского языка связи 'красть' — 'обманывать', развивающейся в обоих направлениях, стоит предполагать в случае с моделью 'отклонение от правильного поведения' эксплицитное выделение ранее имплицитно присущего образованиям поля значения.

Выделенные 18 мотивационных моделей образуют некие универсалии [Ульман, с. 285], главной из которых следует признать вторичность значения 'красть', являющегося следствием постепенного «изживания метафор» [Арутюнова, 1979, с. 163]. Под метафорой в данном случае понимается «синестическая метафора», при которой языковые средства, описывающие одну сенсорную модальность, используются для описания другой сенсорной модальности [Ramachandran, Hubbard, p. 17]. Древнейшие лексемы поля не сохраняют своей близости со словами-предками, но, напротив, стремятся

обособиться от них не только семантически, но и формально: «передача <значения> осуществляется настолько регулярно, что говорящих покидает чувство сдвига» [Арутюнова, 1979, с. 163]. При этом, что было уже отмечено в первой главе, семантические модификации происходят чаще в направлении от вполне конкретного глагольного действия к 'воровать', тогда как обратный переход встречается гораздо реже первого. Стирание значения во втором переходе не происходит: носителями языка явно ощущается связь *воровать-вороватый*, но никак не связь *воровать-врать*. Второй тип преобразований всегда носит экспрессивный оттенок [Склярская, с. 109]. И если второй носит почти всегда метафорический оттенок, то в отношении перехода какого-либо первичного, пр.-сл. значения к русскому 'красть' стоит говорить о переходе значения, не смешивая его с метафоричностью и образностью [Виноградов, с. 12]. Это поддерживает тезис о так называемом «переносе снизу вверх» [Апресян, 1995, с. 124], [Day, p. 232]. Наименее метафоризированными моделями стоит признать модели, описывающие кражу по месту ее совершения или по ее объекту.

Особняком стоят модели 'получение прибыли' ввиду вхождения в нее исключительно заимствованной лексики и модель '(низкий) социальный статус жертвы' ввиду ее теснейшей связи с уголовной языковой картиной мира, которая также частично затронута в данной работе из-за обилия проникнувших в СРЛЯ арготизмов и жаргонизмов со значением 'красть'. Данные элементы не являются внесистемными или даже иносистемными, как считают некоторые исследователи, в СРЯ они — органическая составляющая русской языковой картины мира, т.к. «картина мира соотнесена всему миру и в принципе включает в себя все <...> Если описать коллектив, в котором отдельные представления не связываются в единую картину мира, то тогда следует говорить о докультурном или внекультурном ее состоянии» [Лотман, 2002, с. 114].

Помимо выделенных в данной главе 18 мотивационных моделей, являющихся первой ступенью обобщения на основе значений, давших основу для формирования семантики присвоения чужого, представляется возможным в качестве второго уровня обобщения выделить типы мотиваций, отражающие более принципы осмысления этносом явления в целом. Для данного ЛСП можно выделить следующие **типы мотивации** (при этом при каждом типе указаны мотивационные модели, его формирующие): 1) движение самого преступника или перемещение предмета хищения ('векторное перемещение предмета в пространстве', 'отдираание, отделение', 'хватание', 'быстрое, неожиданное совершение действия' (уподобление свисту, прыжку и под.), 'перемещение преступника' (ловкое, тихое, осторожное)); 2) сущность присвоения с точки зрения жертвы ('применение силы', 'причинение зла', 'исчезновение (заставлять исчезать)', 'отклонение от законного состояния'); 3) сущность присвоения с точки зрения преступника ('место промышления' (жилое помещения или неохраняемая местность), 'специализация по предмету кражи', 'собственно присвоение', 'накопление', 'извлечение', 'получение прибыли'); 4) характеристика преступника ('отклонение от нормы поведения (аморальное поведение)' (лукавое, низкое, подлое), 'уподобление другому лицу / животному' (врагу, животному)).

Интересным примером асимметричности связи между языком и сознанием представляется концептуализация агента в ЛСП 'присвоение чужого'. *Nomen agentis* занимают лишь третье место, уступая *verbum* и *nomen actionis*, среди образований всех гнезд. Асимметрия кроется в самом представлении о краже как о процессе, совершаемом кем-то. Древнейшая мотивационная модель 'перемещение преступника' формируется именно вокруг имплицитно присутствующей фигуры совершающего кражу, тогда как одной из периферийных и молодых мотивационных моделей является 'заставлять

исчезать' (см. подробнее в Гл. III), для которой восстановление агенса представляется крайне затруднительным или попросту невозможным (селигер. *прикратить*, волог. *потеря*), или отсылающим к несуществующему агенсу в виде потусторонней силы (жарг. *сволшебствовать*).

III глава. Хронологическое распределение мотивационных моделей и их лексического наполнения

Данная глава посвящена диахроническому анализу ЛСП 'присвоения чужого' в его синхронных срезах. Поуровневое рассмотрение диахронии представляется очень важной составляющей анализа семантического мутирования мотивационных моделей, т. к. «не существует диахронических изменений» [Lightfoot, p. 21], все изменения — формальные или семантические — суть следствия синхронных изменений конкретного языкового периода. «Язык стремится оставаться инертным во времени» [Longobardi, p. 71], [Keenan, p. 45], следовательно все происходящие изменения в синхронии кристаллизуются в диахронии, лишь с точки зрения диахронии язык не инертен.

Глава III посвящена хронологии мотивационных моделей и реализовавшим их лексемам: их появлению, развитию и возможному исчезновению; внешне не связанным мотивационным моделям как «этапам, звеньям единой эволюции» [Трубачев, с. 3], из чего вытекает сама способность этимологии к классификации и систематизации [Herbermann, s. 22—25]. Якобсон также указывал на важность именно синхронно-автономного рассмотрения уровней языка [Jakobson, 1931, p. 95]. Но подобное видение этимологии и синхронии верно, кажется, лишь отчасти, оно не позволяет увидеть функционирование диахронии в синхронии, поэтому следует согласиться с другими этимологами, видящими в этимологическом исследовании умение «установить степень мотивированности языкового знака в определенный момент» [Pfister, s. 37] и умение увидеть дифференциацию

внутри синонимического ряда как часть процесса хронологической перегруппировки, которыми, по сути, и отличаются разные исторические периоды друг от друга [Матијашевић, с. 120—121]. Подобных взглядов придерживаются в своих работах Трубачев: «Стройная организация и взаимосвязь наряду с глубокой древностью основного ядра делают возможным детализированное наблюдение и последовательное снятие напластований, а также заключение о первичном составе» [Трубачев, с. 6] и Варбот: «Актуальное представление о мире для определенного хронологического периода могут быть получены только в результате выявления и анализа неологизмов этого периода и соответствия их с унаследованным языковым фондом» [Варбот, 2003, с. 343]. Данная глава доказывает «необходимость детального анализа изменений мотивационных моделей для соотнесения языковой картины мира определенного хронологического уровня с восприятием мира в сознании этноса в этот период» [Варбот, 2003, с. 345]. Хронологическое описание типов мотиваций важно и тем, что дескриптивная мысль человека всегда синхронична и «потускневшие картины мира продолжают жить еще очень долго, иногда тысячелетия» [Roider, p. 109].

За основу берется каждая из выделенных в Главе II мотивационных моделей с анализом временных изменений в каждом из входящих в нее гнезд. Хронологическая характеристика опирается на первую фиксацию в письменных памятниках и наличие соответствий в других славянских языках. Данная хронология не преследует цели выяснения точного времени появления лексемы в рамках той или иной мотивационной модели, что представляется в корне невозможным, но нацелена на установление достаточно точной датировки момента невозможности для социума обойтись без вербализации того или иного понятия (=типа кражи). Именно явления вербализации представляется важным для данного исследования и восстановления изменений соответствующего фрагмента картины мира. Само по себе присутствие

словоформы в каком-либо памятнике не может служить достоверным доказательством ее появления во время создания памятника («информация, полученная из письменных источников, далеко не полна и часто субъективна, отражая, конечно, какую-то историческую реальность» [Милитарев, с. 97]), но отсутствие ее в других родственных языках позволяет опереться именно на время создания памятника.

1) Древнейшей мотивационной моделью исследуемого ЛСП можно признать '*перемещение преступника*', зарождение которой относится к индоевропейскому периоду. Первым и древнейшим гнездом, положившим начало ЛСП 'присвоение чужого', является гнездо имени **taty-*. На основе др.-исл. *taid* 'вор' [Фасмер т.4: 11] в первой главе было сделан вывод об индоевропейском происхождении не только именного образования пр.-сл. *taty* 'вор', но и тайного передвижения как основы для формирования концепта кражи (при происхождении из и.-е. гнезда **stai-*). Славянский ареал данного образования ограничивается восточными и южными славянскими языками. В древнерусском языке *тать* зафиксирован впервые в Изборнике 1076 г. и стабильно встречается во многих летописях и берестяных грамотах, а затем — и в первом художественном произведении на русском языке — «Хождениях за три моря» А. Никитина. Втянутость имени в юридическую терминологию отчасти способствовала обильному словообразованию в древнерусский период: *ТАТЬБА, ТАТЬБИНА, ТАТЬСТВО, ТАТЬБИТИ*, так же и сложному словообразованию: *ТАТЕКРАДСТВЕННЫЙ* (1431 г.), *СВЯТОТАТЕЦЬ* (1284 г.), *СВЯТОТАТСТВО* (XIV в.). В дальнейшем лексемы гнезда употребляются в русском языке лишь спорадически, что приводит к фактическому их исчезновению в СРЛЯ, за исключением самого имени *тать*, сохранившегося в некоторых устойчивых выражениях. Сложные лексемы *святотатец* и

святотатство выходят из ЛСП 'присвоение чужого' и становятся обозначением богохульства.

Одним из древнейших праславянских явлений исследуемого ЛСП можно считать формирование значения 'красть' в гнезде глагола **krasti*, развившемся на базе обозначения осторожного передвижения, сохранившегося до сих пор — ср. *красться*. В отличие от гнезда имени **taty*, новая семантика 'красть' возникает в данном гнезде в глагольных образованиях, являющихся основными для ЛСП 'присвоение чужого', о чем см. Главу I. Древнейшими образованиями гнезда являются: др.-рус. *красти, покрасти, окрасти; кража, покража, крадьба, крадын, неокраден, неокрадомый, (о)крадение*. К старорусскому периоду можно отнести: все вторичные имперфективы: *крадывати, окрадати, покрадати, покрадовати, окрадывати; окраденый, покражный, непокрадомый, непокрадомъ, перекрасти, крадва, крадежемъ, (свято)крадежество, святокрадение, святокрадство, крадежник, святокрадец, крадливый*. Языку XVIII в. принадлежит глагол *накрасться*. СРЛЯ фиксирует современные *украсть, выкрасть, обокрасть*. В русских диалектах зафиксированы: сибир. *скрадом скрадывать*, зап.-брянск. *обкрасть*, дон. *скрасть*, сибир. *скрадывать*, волог. *разокрасть*, ср.-приирт. *сделать покрадки*. Несмотря на обилие слов с диахронической точки зрения, с точки зрения синхронии СРЛЯ гнездо сохраняет мало словоформ, устраняя дублетные вторичные имперфективы, дублетные *nomen actionis* и все *nomen agentis*, в СРЛЯ сохранены: *красть, обокрасть, украсть, выкрасть; кража*. Диалектные образования в РЛЯ не проникают. Лексемы с компонентом *свято-* не исчезают из употребления, но покидают данное ЛСП.

Наиболее молодыми лексемами модели можно признать образования следующих этимологических гнезд, развивших значение присвоения чужого лишь в диалектах:

**bresti* : смолен. *посбрóдовать*,

**lězti* : яросл. *подзалáзить*,

**myzgati* : урал. *мызнуть*, сибир. *смызнуть*,

**nyriti* : урал. *проньрь*, офен. *унарить*.

Вербализацию значения присвоения чужого в рамках данной семантической модели можно представить в виде Таблицы № 2, в которой указаны количественные показатели производных того или иного исторического периода (v — *verbum*, n.ag. — *nomen agentis*, n.act. — *nomen actionis*, adj.— *adjectivum*). Пометы «+» и «-» будут обозначать увеличение или уменьшение общего числа словоформ относительно предыдущего периода, пустоты в графах обозначают отсутствие перемен на данном историческом этапе (как увеличения, так и уменьшения количественных показателей).

Таблица № 2

корень	и.-е.	пр.-сл.	др.-рус.	ст.-рус.	р.яз.XVIIIв.	СРЛЯ	Диалекты
* <i>tatъ</i>	(1n.ag.)	1 n.ag.	+4 n.act. +1 v. +1 adj. +1 n.ag.			-3 n.act. -1 v. -1 adj. -1 n.ag.	
* <i>krasti</i>		3 v. 4n.act.	+3adj.	+7 v. +5 adj. +6 n.act. +2n.ag.	+1 v.	+3 v. -7v.= 6 v. -8 adj. -8 n.act. -2 n.ag.	+5v. +1n.act.
* <i>bresti</i>							1v.
* <i>lězti</i>							1v.
* <i>myzgati</i>							2 v.
* <i>nyriti</i>							1 n.ag. 1 v.

Таким образом, модель активно развивается лишь в древнерусский и старорусский периоды и практически затухает к СРЛЯ, однако спорадически представлено в русских диалектах новыми образованиями. Соотношение сохранившихся древнерусских лексем в СРЛЯ и образований собственно этого

периода можно представить как 8 : 6 при обилии еще древнерусских образований в гнездах **taty* (*тать, татьба*) и **krasti* (*красть, обокрасть, обокраденный, кража*).

2) Праславянскому периоду в рамках модели '*векторное перемещение предмета в пространстве*' принадлежат производные пр.-сл. **grebti*, унаследованные различными славянскими языками (см. подробнее гл. I), в том числе и древнерусским языком: др.-рус. *грабити, ограбити - ограбляти, пограбити, разграбити, изграбити, грабежь, изграбежь, разграбежь, грабление, розграбление, пограбление, грабитель*. В среднерусский период гнездо пополняется новыми образованиями: *грабитися, грабля, грабительство, грабьць, грабежникъ, грабежныи, грабежное, грабежчикъ, грабильщикъ, грабежливыи, пограбленныи*. В переходный период XVIII в. зафиксированы: *награбить, грабительствовать, грабаздать*. В русских диалектах зафиксированы: новг. *сгрибчить*, сиб. *грабью грабить*, карел., перм. *грабастать*, яросл. *приграбастать, грабуздать*, волог. *награбостить*, урал. *гарабать, сгорамкать*, урал. *гарамчи*, арханг. *гробызнуть*, псков. *граб(ь)*, аржанг. *выграбить*, печор. *повыграбить*, сибир. *грабья*, перм. *грабодитель*, арханг. *грабёжник*, псов. *грабальщик, грабат*, урал. *грабастой, грабастень*, псков. *граблёное*, перм. *грабодитель*. СРЛЯ помимо пришедших из диалектов *грабастать, сграбастать, заграбастать* принадлежит и поздно зафиксированное *ограбление*. Данное гнездо идет по пути максимального сокращения входящих в него единиц: до современного русского литературного языка доходят лишь семантически и формально необходимые элементы: пропадают дублетные именные и глагольные образования, семантически специфические образования типа *грабитися*, число *nomen agentis* сокращается до одного — *грабитель*. Данное гнездо отличается обильным проникновением диалектной лексики в СРЛЯ, что

находит свое отражение в обилии форм с суффиксальными расширениями основы на *-стить, -здать*.

Начиная с древнерусского языка развивают семантику присвоения чужого по модели 'перемещение предмета в пространстве' производные следующих корней:

gъnati*: др.-рус. **ЗАГЪНАТИ, рус. *угнать, угонка, угонщик*; зап.-брян. *увагнуть*, урал. *УГОНИТЬ*.

тъknoti*: др.-рус. **ОУМЫКАТИ, ОУМЫКЫВАТИ, ОУМЪЧАТИ, ОУМЫКАНИЕ, урал. *умчать*.

В СРЛЯ семантика присвоения чужого в данном гнезде сохраняется лишь у глагола *умыкать*, который перестал обозначать способ заключения брака, но как и урал. *умчать* обозначает кражу вообще.

teḡati*: др.-рус. **ВЫТЯЗАТИ, ВЫТЯГАТИ, рус. *стянуть*, псков. *вытянуть*. В СРЛЯ происходит смещение семантического акцента в производящем глаголе с 'вытянуть' к 'быстро переместить', что находит свое отражение в замене префиксов.

velkti*: др.-рус. **СЪВОЛОЧИ, ст.-рус. **СВОЛОЧЬ**; рус. *уволочить, уволакивать*, печор. *волокчи, разволочить*. В истории русского литературного языка семантика присвоения чужого не удерживается в именных образованиях, она окончательно смещается к этимологически первичной — 'мусор, сброд', тогда как сохраняется в глагольных в полной мере.

vesti*: др.-рус. **ОУВЕСТИ, ОУВОДЪ; рус. (*из-под носа*) *увести*, жарг. *уводить*. Несмотря на слабость развития семантики присвоения чужого в гнезде, ее можно назвать стабильной у образований с приставкой *у-*. При этом семантически наибольшей свободой обладает диалектная лексема, при семантической связанности др.-рус. лексем с понятием брака и при контекстуальной лимитированности лексемы в СРЛЯ.

Начиная со старорусского периода семантика присвоения чужого развивается в следующих гнездах:

vezti*: ст.-рус. **свѣзти. Однако ни в диалектах, ни в СРЛЯ данная семантика в производных гнезда не зафиксирована.

К диалектным лексемам относятся производные пр.-сл. **tu/yriti*: новг. *ты́рнуть*, сибир. *стырить*, урал. *стурить*, офен. *стюрить*, сибир. *стыр́ок*, *тырка*. Глагольные образования с корневым *-ы-* проникли в СРЛЯ, где существенно увеличились в количестве за счет жаргонных образований: *тырить*, *тырбанить*, *стыривать*, *стыбзить*, *натырить*, *оттыривать*; *стырщик*, *тырбаж*, *тырбанка*, *тырбень*. Таким образом, преимущественно в разговорном русском языке данное гнездо представлено в исследуемом ЛСП всеми типами образований: глагол, *nomen agentis*, *nomen actionis*.

Далее, к диалектным или жаргонным относятся образования следующих гнезд:

**bag(ь)гь*: казацк. *сбагрить*.

**buriti*: урал. *убуровить*.

**dybati*: жарг. *дыбить*.

**grqziti*: псков. *выгрузить*.

**kydati*: жарг. *кинуть*, *кидалово*, *кидняк*, *кидок*. Ограниченное лишь глаголом и *nomina actionis* гнездо известно и разг. СРЛЯ.

**raxati*: новг. *опахать*, арханг. *выпахать*.

**perti*: перм. *упереть*, откуда затем рус. разг. *спереть*.

**pęti*: сибир. *спятить*, молод. сленг. *пятить*. СРЛЯ данный глагол известен, но в основном в значении 'сходить с ума', семантику же присвоения чужого стоит признать узкодиалектной.

**sędti*: арханг. *высадить*.

**stradati*: урал. *страдавать*.

**ševeliti*: псков. *вышевелить*.

**širiti*: карел. *расширабать*.

**viti*: карел. *свихнуть*.

Реализация модели в заимствованиях представлена: одесс. *оттасать* и шерстобит. *сбарчить*. Относительно первого заимствования можно, опираясь на источник — французский язык, ограничить предполагаемое время заимствования XVIII—XIX вв. Для второго определение временных границ затруднительно.

Вербализацию значения присвоения чужого в рамках данной семантической модели можно представить в виде Таблицы № 3:

Таблица № 3

корень	пр.-сл.	др.-рус.	ст.-рус.	р.яз.XVIII в.	СРЛЯ	диалекты	жаргон
*grebti	1 v. 2 n.act. 1 n.ag.	+5 v. +4 n.act.	+1 v. +4 n.act. +3 n.ag. +4 adj.	+3 v.	-3v.+3v.= 10v. -8n.act. +1=3n.act. -3n.ag.=1 -4adj.=0	11 v. 7 n.act.	
*gьnati		1 v.			-1v. +1v.=1v. 1 n.act. 1 n.ag.	2 v.	
тѣкнѣти		3 v. 1 n.act.			-2 v.=1 -1 n.act.=0	1 v.	
*tęgati		2 v.			-1v. +1v.=1v.	1 v.	
*velkti		1 v. 1 n.act.			-1v. +2v.=2v. -1n.act.=0	2 v.	
*vesti		1 v. 1 n.act.			1 v. -1 n.act.=0		1 v.

*vezti			1 v.		- 1v.=0v.		
*tyriti					6 v.	4 v. 2 n.act.	4 v. 2n.act. 2 n.ag.
*bag(ъ)гъ						1 v.	
*buriti						1 v.	
*dybati						1 v.	
*grqziti						1 v.	
*kydati					1 v. 1 n.act.		1 v. 1 n.act. 1 n.ag.
*paxati						2 v.	
*pъrati					1 v.	1v.	
*pęti						2 v.	
*sędti						1 v.	
*stradati						1 v.	
*ševeliti						1 v.	
*širiti						1 v.	
*viti						1 v.	

Таким образом, наиболее активным периодом для данной модели является период СРЛЯ, в котором происходят значительные изменения в образованиях по данной модели, главным образом сводящиеся к существенному сокращению словоформ, унаследованных из более ранних этапов. Достаточно активно втягиваются и диалекты и жаргон, последний из которых становится источником пополнения литературного языка. Соотношение сохранившихся древнерусских лексем в СРЛЯ и образований собственно этого периода можно представить как 6 : 29 при сохранении еще древнерусских образований в гнездах **grebti* (грабить, ограбить, разграбить, грабеж, грабитель, грабительство) и **тъкпѣти* (умыкать) и при обильном проникновении в СРЛЯ образований с корнем *-тыр-* и *-кид-*.

3) Для модели 'отдиране, отделение' древнейшими гнездами следует считать, начиная с древнерусского периода:

**biti*: др.-рус. *разбон, розбон, разбонникъ, розбонникъ, ра(о)збоннични, разбонниковъ*; далее: ст.-рус. *отбити*, ст.-рус.-цслав. *разбоннство*; рус. *разбойничать, разбойничество*, смолен. *выбой*, сибир. *разбойничиться*. Исторически гнездо достаточно стабильно, устраняются лишь дублетные южнославянские по происхождению формы.

**dъrati*: др.-рус. *одьрати*, ст.-рус. *одирати*, псков. *дёрнуть, ди/ерануть*, новг. *ободрать*, казак. *обдирать*, дон. *поддирать*, карел., арханг. *выдернуть*. Видимо, из диалектов пришло в СРЛЯ *ободрать как липку*. Относительно поздним является совр. жарг. ученич. *сдирать* как вид плагиата.

**lupiti*: др.-рус. *лоупити, полоупити, из(ъ)лоупити, лоупежь, лоупление*; ст.-рус. *лупитель*. Исторически гнездо оказалось слабым и не удержало ни формы, ни значение присвоение чужого, сохраняется только молод. сленг. *лупить*.

**tъrgati*: др.-рус. *отътъргноути, отторгати*. Образования гнезда не удерживаются в русском языке, семантика сужается до отчуждения земельных и под. владений, что выводит лексемы гнезда из исследуемого ЛСП.

Диалекты и жаргон развивают значение 'красть' по данной модели в следующих гнездах:

**carapati*: новг. *царапнуть*

**čistiti*: псков. *вычистить*, смолен. *обчищать*.

**drog/kъ*: волог. *сдрючить*. Как и в случае с рассмотренным ранее урал. *опалубить*, данное образование — пример вторичного развития глагольной семантики на базе именного корня, на этот раз при отсутствии глагольного образования в пр.-сл.

**žul-*: жарг. жулик. Появившаяся в русских диалектах лексема жулик заняла со временем достаточно прочное положение в СРЛЯ, поднимаясь постепенно выше и выше по стилистической лестнице.

**križati*: жарг. обчекрыжить.

**lizati*: смолен. облизанный, рус. слизнуть. Развившаяся, видимо, в диалектах семантическая трансформация, проникает постепенно в разг. СРЛЯ.

**luskati*: псков. вышелушить, воронеж. лаузить, жарг. отшелушить. Образования гнезда сохраняют свой узкодиалектный характер.

**porti*: одес. обпороть.

**гъвати*: казацк. урвать да удрать, псков. вырвать, урал. рвачливый. Из диалектов некоторые лексемы гнезда проникают и в городское просторечие: урвать, рвач.

**skrebtі*: дон. скропчить.

**stebati*: урал. стебануть, селигер. пристебренить.

**сьрсть*: сибир. обшерстить, новг. обшершить. В СРЛЯ лексемы гнезда не проникают.

**šaraxati*: разг. шарахать, шарахнуть.

**ščipati*: жарг. щипач(ить).

**ščelkati*: псков. выщелкать.

**taskati*: псков. вытащить, беломор. растаскать, яросл. растащилровка, растащиха. Видимо, в северных великорусских диалектах и стоит искать источник рус. разг. утащить, вытащить и растащить. Именные образования, кажется, еще слабо закрепились в разг. СРЛЯ.

**terbiti*: одесс. потрѣбить.

**(x)la/omъ*: печор. захламостить, сибир. прихламостить.

Вербализацию значения присвоения чужого в рамках данной семантической модели можно представить в виде Таблицы № 4:

Таким образом, данная модель представлена в основном диалектизмами, преимущественно северного ареала. В СРЛЯ затухают два гнезда, развивших значение присвоения чужого в древнерусский период, в то же время СРЛЯ активно принимает жаргонную и диалектную лексику со значением 'красть', которая стремится занять более высокую ступень стилистической шкалы русского литературного языка. Соотношение сохранившихся древнерусских лексем в СРЛЯ и образований собственно этого периода можно представить как 4 : 12 при сохранении еще древнерусских образований в гнездах **biti* (*разбой, разбойник, отбить*) и **dyrati* (*ободрать*) и при проникновении из диалектов образований с корнями *-жул-*, *-крыж-*, *-лиз-*, *шелуш-*, *-рв-*, *-таск-*.

4) Начиная с древнерусского периода, к мотивационной модели 'хватание' относятся образования следующих гнезд:

**xytiti*: др.-рус. *похыти(а)ти, похвати(а)ти, възхыти(а)ти, изхыти(а)ти, исхитити, расхитити, расхыщати, прехватати, похватати; хыщение, възхыщение, възхытание*. Начиная со старорусского периода: *захватить, похищать, похичать, похытать; захватъ, похыщение, расхититель, възхыщникъ, похищникъ, похитникъ*. В собственно русский период: *выхватить; похититель, хищничать, хищничество*. В диалектах и жаргоне представлены: смолен. *спохитеть*, казац. *захитить*, карел. *ухитить, схитить*, казацк. *прихитить*; сибир. *хитство*, урал. *самохват*, диал. *похитка*, урал. *хитник* — *хитничать*, волог. *похитчик*.

**byrati*: др.-рус. *бьрати, бьрание*. Начиная со старорусского периода: *отбирать, обрати, обобрати, vybrати, забрати, прибирати*. В собственно русский период: *отбирание*. В диалектах и жаргоне представлены: поволж. *собирать*, псков. *берять*, сибир. *забарабать*, урал. *приубирать, приубрать*, перм. *убарабать*.

jēti*: имати, переяти, отяти, отъяти, отъимати, отънимати, отоймати, поотнимати, поотняти, зяяти, занимати, изъяти, изнимати, выимати, пояти, поимати; имѣние. Начиная со старорусского периода: **възяти, взимати, отняти, изотъяти; отънимание, отъятие, отятне, поятие, взимание, приятие. В собственно русский период: *вынуть*. В диалектах представлены: карел. *сняти*, псков. *выняти*.

Диалекты и жаргон развивают значение 'красть' по данной модели в следующих гнездах:

**bogъ*: карел. *забожить*,

**sapati*: прибайк. *зацапать*.

**klepati*: яросл. *вклепаться*.

**kolti*: уголовн. *наколоть*.

**libiti*: смолен. *подлибить*.

**loviti*: псков., твер. *ловить*, казацк. *обловить, обловщик*.

**lubъ*: урал. *опалубить*.

**rogъ*: карел. *рогнуть*.

**xoriti*: помор. *захапать*, псков. *дохопать*, сибир. *хамать*, перм. *захамить*, помор. *захапать*, сибир. *братъ хапом*, помор. *хápало*; разг. *хапуга, хапун*. Как глагольные, так и именные образования гнезда проникают в разг. СРЛЯ.

Среди заимствований: разг. *глиссануть*, урал. *сбулить, сбуланить, сбаулить, сбулефелить*, казацк. *чужить, чужбинник*, сибир. *ляпнуть*.

Вербализацию значения присвоения чужого в рамках данной мотивационной модели можно представить в виде Таблицы № 5:

Таблица № 5

корень	пр.-сл.	др.-рус.	ст.-рус.	р.яз.XVIII в.	СРЛЯ	Диалекты	Жаргон
*хѣтѣти		10 v. 3 n.act.	+4 v. +1 n.act. 4 n.ag.		-12v.=2v. -2n.act. +1=3n.act. -4n.ag. +1=1n.ag.	6 v. 1 n.act. 3 n.ag.	
*бѣрати		1 v. 1 n.act.	+6 v.		-4v.=3 v. 1 n.act.	6 v.	
*јѣти		16 v. 1 n.act.	+4 v. +5 n.act.		-18v. +1v.=3 v. 0 n.act.	2 v.	
*богъ						1 v.	
*сапати						1 v.	
*клепати						1 v.	
*колти							1 v.
*либити						1 v.	
*ловити						2 v. 1 n.ag.	
*луб-						1v.	
*рогъ						1 v.	
*хорити					2 v. 2n.ag.	6 v.	2 n.ag.

Несмотря на активное словообразование в древнерусскую эпоху в двух гнездах (**хѣтѣти*, **јѣти*), они практически полностью редуцируются в этом поле в СРЛЯ, в котором представлен лишь минимальный «набор» лексем. В дальнейшем модель представлена обильным диалектным материалом. Наблюдается слабое проникновение диалектизмов в литературный язык. Соотношение сохранившихся древнерусских лексем в СРЛЯ и образований собственно этого периода можно представить как 24 : 3 при сохранении еще древнерусских образований в гнездах **хутити* (*похитить*, *похищать*, *расхитить*, *расхищать*, *захватить*, *расхищение*, *хищение*), **бѣрати* (*отбирать*, *оборотъ*, *прибрать*), **јѣти* (*отнять*, *отнимать*, *отнимание*, *отнятие*).

5) Начиная с праславянского периода к модели 'применение силы' относятся образования следующих гнезд:

reľnъ* (на основе семантических соответствий в других славянских языках): др.-рус. **ПЛЕНЯТИ, ст.-рус. **ПОПЛЕНИТИ**, урал. **ПОЛОНИТЬ**. В дальнейшей истории русского языка гнездо теряет семантику поля.

Начиная с древнерусского периода к модели относятся образования следующих гнезд:

vojъ*: др.-рус. **ВОЕВАТИ, **ПОВОЕВАТИ**, **ПОВОЕВАНЫИ**, **ПОВОЕВАНИЕ**. В дальнейшей истории русского языка это гнездо в ЛСП 'присвоение чужого' не представлено.

Начиная со старорусского периода:

silа*: ст.-рус. **НАСИЛОВАТИ, **ПОНАСИЛОВАТИ**, **НАСИЛЬСТВО**. В дальнейшей истории русского языка гнездо теряет полевую семантику, смещаясь к компоненту, связанному с применением физической силы.

volděti*: ст.-рус.-цслав. **ОБОВЛАДѢТИ, **ОВЛАДѢТИ**, **ОВЛАДАТИ**, **ЗАВЛАДѢТИ**, **ЗАВЛАДАТИ**, **ЗАВЛАЖИВАТЬ**. Все перечисленные глагольные образования не развили семантику присвоения чужого в русском языке, она была заимствована вместе с формой из церковнославянского языка. В великорусских говорах зафиксировано лишь помор. *завладать*. В СРЛЯ значение 'красть' в гнезде не представлено.

Начиная с собственно русского периода:

**oritі*: рус. *разорить*, *разоритель*, *разорение*, сибир. *иззорить*.

Диалекты развивают значение 'красть' по данной модели в следующих гнездах:

**grotъ*: сибир. *отгромить*.

**digъ*: казацк. *дугач*, *дужить*, *задужить*.

Среди заимствований: разг. *ремонтировать*, *ремонтник*.

Вербализацию значения присвоения чужого в рамках данной мотивационной модели можно представить в виде Таблицы № 6:

Таблица № 6

корень	пр.-сл.	др.-рус.	ст.-рус.	р.яз.XVIII в.	СРЛЯ	диалекты	жаргон
* <i>peľnъ</i>	1v.	+1v.			0	1 v.	
* <i>vojъ</i>		2v. 1 n.act. 1 adj.			0 0 0		
* <i>sila</i>		2 v. 1 n.act.			0 0		
* <i>volděti</i>		6 v.			0	1 v.	
* <i>oriti</i>					1 v. 1 n.act. 1 n.ag.	1 v.	
* <i>gromъ</i>						1 v.	
* <i>dugъ</i>						2 v. 1 n.ag.	

Все древние гнезда, развившие значение присвоения чужого по данной модели в древнерусском языке, исчезают к СРЛЯ, когда появляется новое гнездо **oriti*. Диалекты слабо развивают семантику 'красть' по данной модели, жаргон совсем не развивает. Соотношение сохранившихся древнерусских лексем в СРЛЯ и образований собственно этого периода можно представить как 0 : 0 — на синхроническом уровне модель представлена только диалектизмами.

б) В древнерусском языке формируется модель 'причинение зла':

**rakostъ*: др.-рус. *пакость, пакостити*; сибир. *капость, покóсливый*, карел. *спакоститъ*. В СРЛЯ гнездо не сохраняет семантику присвоения чужого.

**tvoriti*: др.-рус. *възтворити*. В СРЛЯ сохраняется только значение-посредник, на котором исторически и сформировалось значение 'красть' у данного др.-рус. глагола — значение 'делать плохое'.

Диалекты развивают значение 'красть' по данной модели в следующих гнездах:

**duti*: яросл. *сдурить*.

**зълѣжь*: зап.-брян. *злѣдий*.

**kudo*: карел. *спрокудить*.

Среди заимствований: смолен. *пошкодить, пошкодовать*.

Вербализацию значения присвоения чужого в рамках данной семантической модели можно представить в виде Таблицы № 7:

Таблица № 7

корень	пр.-сл.	др.-рус.	ст.-рус.	р.яз.XVIII в.	СРЛЯ	диалекты	жаргон
* <i>pakostь</i>		1 v. 1 n.act.			0 0	2 v. 1 n.act.	
* <i>tvoriti</i>		1 v.			0		
* <i>duriti</i>						1 v.	
* <i>зълѣжь</i>						1 n.act.	
* <i>kuditi</i>						1 v.	

Для данной мотивационной модели двумя очагами вытягивания этимологических гнезд являются древнерусский с последующим затуханием в СРЛЯ и диалекты при отсутствии образований в жаргоне.

7) Начиная со старорусского периода развивается модель 'отклонение от нормального поведения (аморальное поведение)':

**vьrati*: ст.-рус. *вор, вориха, воровати, своровати, воровывати, изворовати, воровство*. В собственно русский период появляются: *ворюга, воришка, воровка, наворовать, обворовать, воровской*. В диалектах и жаргоне зафиксированы: арханг. *ворина, ворёнка, ворьина, ворьё, ворить, воровивати, воряивать, вороваться, воровой, воровитой*, печор. *ворище, ворко*, дон. *воряга*, прикам. *ворига*, поволж. *уворовать*, дон. *воровливый, воруций, псков. воровастый, воровой*. Образования, производные от *ворь*, создали новое этимологическое гнездо. Уже в старорусский период образуются многие лексемы, большая часть которых, правда, затем исчезли из русского языка, но в то же время их место заняли другие образования того же гнезда последующей эпохи. Это гнездо в СРЛЯ является наиболее полным с формальной точки зрения и занимает одно из центральных положений в самом поле. Сюда же как результат контаминации: дон. *воркаган, воркаганить, вуркуганить*.

Диалекты развивают значение 'красть' по данной модели в следующих гнездах:

**blazьpъ*: новг. *сблажить*.

**blesti*: казацк. *блудить*, новг. *блудничать*, урал. *сблудничать*, новг. *блудить*; новг. *блуд*, казацк. *блудний*, урал. *блудень, блудёна*, сев., новг. *блудня*, новг. *сблиндить*. Образования данного гнезда не проникают в СРЛЯ.

**gludъ*: сибир. *(с)хлюздить, сглыздить, сглызнуть*.

Среди заимствований: новг. *схимостить*, сибир. *штукарь*. Относительно данных лексем в русском языке представляется затруднительным указать момент заимствования, однако с большой долей уверенности можно предположить, что новг. *схимостить* как заимствование из субстратного для севернорусских земель финского языка пришло в русский язык раньше

заимствования из немецкого, видимо, времен петровских реформ. Соотношение сохранившихся древнерусских лексем в СРЛЯ и образований собственно этого периода можно представить как 4 : 6 при сохранении большинства старорусских лексем в гнезде **vbrati*.

Вербализацию значения присвоения чужого в рамках данной семантической модели можно представить в виде Таблицы № 8:

Таблица № 8

корень	пр.-сл.	др.-рус.	ст.-рус.	р.яз.XVIII в.	СРЛЯ	диалекты	жаргон
<i>*vbrati</i>			4 v. 2 n.ag. 1 n.act.		+1v.-2=3v. +3n.ag.- 1=4n.ag. 1n.act. 1 adj.	7 v. 10 n.ag. 5 adj.	
<i>*blazьnъ</i>						1 v.	
<i>*blęsti</i>						5 v. 4 n.ag. 1 adj.	
<i>*gludъ</i>						3 v.	

Зарождение данной мотивационной модели относится к старорусскому периоду, когда у производных корня **vor-* впервые зафиксировано значение 'воровать', сохранившееся у его производных и в СРЛЯ. В остальном модель представлена диалектизмами.

8) В старорусский период формируется мотивационная модель **'собственно присвоение'**:

**svojъ*: ст.-рус. *своити, присвояти, присвоивати, присвоятти, присвоитти; присвоение, просвоитель*. В СРЛЯ сохраняется только приставочный глагол

присвоить — *присваивать* и *nomen actionis присвоение*, *nomen agentis* не зафиксирован на более поздних этапах истории русского языка.

Данная модель активно втягивает заимствования: разг. *спиионерить*, *скоммуниздить*, *скомсомолить*, сформировавшиеся не ранее первой трети XX в. К заимствованием относятся и жарг. *отработать*, ирон. *приватизировать*, также принадлежащие к числу относительно недавних заимствований русского языка в данном значении. Соотношение сохранившихся древнерусских лексем в СРЛЯ и образований собственно этого периода можно представить как 3 : 0 при сохранении старорусских лексем *присвоить*, *присваивать*, *присвоение* в гнезде **svojь*.

9) В диалектах и жаргоне представлена мотивационная модель **'быстрое, неожиданное совершения действия'**:

* *duti*: перм. *дуть*, яросл. *сдурить*, жаргон. *воздушник*.

* *горь*: арханг. *гоп*, *гопник*, *гопница*, *гопничать*, *гопничество*.

* *žegti*: карел. *жогнуть*, помор. *жогать*, урал. *жоган*.

* *skočiti*: жаргон. *скак*, *скок*, *скокарь*, *скакунчик*, *скачок*, *скакун* *скакнуть*.

* *svistěti*: арханг. *высвистать*, рус. разг. *свистнуть*.

* *ščekati*: псков. *выщекотать*, смолен. *общекотать*.

Среди заимствований: разг. *бомбануть*, разг. *фитиль*.

Модель представлена спорадическими диалектными и жаргонными образованиями, слабо проникающими в СРЛЯ. Среди исключений — занявшее видное место в литературном языке образованиям с корнем *-гоп-*, распространенность которых в СРЛЯ, однако, обязана не значению присвоения чужого, а обозначению человека недалекого, необразованного, агрессивно

проявляющего такую свою природу в своем поведении. Заимствования можно отнести к сравнительно недавней эпохе (в значении 'красть').

10) Не ранее собственно русского периода сформировалась мотивационная модель 'уподобление другому лицу / животному по сходству в поведении', представленная диалектизмами и жаргонизмами:

* *kolěno*: угол. *преклонить колена*.

* *slina*: рус. разг., угол. *слюнтяй*.

* *vorgъ*: новг. *ворог*.

* *vorgъjъ*: *воробейник*.

Гайдар: жаргон. *нагайдарить, сгайдарить*.

Среди заимствований: помор. *ошкуй*, одесс. *фараонить*, разг. *замитьковать*, разг. *натараканить*, разг. *шакалить*.

Модель представлена спорадическими диалектными и жаргонными образованиями, большинство которых относятся к периоду не ранее чем великорусскому.

11) Не ранее собственно русского периода сформировалась модель 'место промышления', представленная диалектизмами и жаргонизмами:

* *domъ*: *домушник, домушничать*.

* *dъrgati*: *разбойник с большой дороги, урал. дорожник — дорожничать, подорожник — подорожничать, большедорожник — большедорожничать*.

* *gorđъ*: жаргон. *городушник*.

* *lěsъ*: урал. *лесовать*.

**sърати*: жаргон. сонник, сонник-темняк, сонник-светляк.

1 2) Не ранее собственно русского периода сформировалась модель 'специализация по предмету кражи':

**medvěď*: жаргон. медвежатник.

**мошна*: мошенник.

**uti*: жаргон. разувать, разувайло, обувь, псков., твер. разувай.

Среди заимствований:

- карманник, прикарманить, молод.сленг. карман, диал. карманничать.

- псков. баклажничать.

- казацк. каймашничать, каймашник.

- разг. слимонить.

Итак, модель представлена в ЛСП практически только жаргонизмами с небольшой долей диалектизмов на основе экзотизмов.

13) Не ранее собственно русского периода сформировалась модель 'исчезновение (заставлять исчезать)':

**gryzti*: молод.сленг. обгрызать.

**čersti*: селигер. прикратить.

**terjati*: волог. потеря.

**vъlsnŋti*: жарг. сволшебствовать.

Модель, кажется, можно рассматривать как позднюю из-за акцента на действия, лишённого агента, за исключением жарг. сволшебствовать.

14) Не ранее собственно русского периода сформировалась модель 'накопление':

**korъbъ*: прибаек. *схоробшѣть, схоромчѣть*.

Кроме данного диалектного образования, возможно, модель задействована при формировании значения глагола *сбусать*.

15) Не ранее собственно русского периода сформировалась модель '(низкий) социальный статус жертвы', представленная жарг. *скурвить* (**kuγy*), жарг. *опустить*, разг. *спиздить*, подмоск. *уцупизнуть*, новг. *сблиндить*, разг. *пациент*. Данная модель испытала сильное влияние со стороны представления о тюремной социальной иерархии.

16) Не ранее собственно русского периода сформировалась модель 'извлечение', представленная образованиями:

**dojiti*: жарг. *доить*.

**oda*: разг. *удило, удильщик*.

**γyba*: жарг. *срыбить, рыбаб, рыбачить*.

**těšiti*: яросл. *утешить*.

жарг. *потрогать за вымя*.

Модель поздняя и возникшая, кажется, в уголовной среде и, таким образом, семантически родственная мотивационной модели 'социальный статус жертвы', т. к. описывает кражу по представлению о подчиненном положении жертвы.

17) Исключительно заимствованиями представлена модель 'получение прибыли', что, возможно, объясняется отрицательным отношением общества ко всякого рода поборам:

- по м о р . *барышйть, барышничать, барышник*; а р г о т . *барыга*, жарг. *барышничать*.
- яроsl. *шабашка*.
- казацк. *позычить*.
- дон. *аманат, аманатка, аманатить, аманатничать, аманатчик*.
- уголовн. *кустарь*, подмоск. *кустарник*.

Лишь образования *аманат, кустарь* могут претендовать на достаточно старые заимствования русского языка, но из-за их диалектной локализованности точная датировка представляется затруднительной. Только *аманат* зафиксирован в русском языке XVIII в.

18) Не ранее собственно русского периода сформировалась модель 'отклонение от законного состояния', представленная образованиями:

- * *vortiti*: карел. *своротить*, перм. *ворочать*,
- и заимствованием жарг. *свинтить, свинчивать*.

19) Вне рассмотренных мотивационных моделей следует рассмотреть заимствования, имевшие значение присвоения чужого до момента их появления в русском языке. Самым ранним заимствованием такого типа является др.-рус.-цслав. *гробокopatель, гробокoпание*. С XVIII в. русскому языку известно слово *бандит*, ставшее родоначальником небольшого гнезда: псков. *бандист, бандурь*, рус. *бандюга*. Примерно к этому же времени следует отнести *пират, пиратство*,

пиратский, сместивших к XX в. акцент значения на 'незаконно копировать информацию'. К XIX—XX вв. можно отнести: *плагиат, плагиатор, плагиатить; компиляция, компилятор; клептомания, клептоман*.

Мотивационные модели, порою повторяющиеся на более поздних этапах развития русского языка, так или иначе образуют некую иерархию, а их темпоральность, выраженная временем их появления, является неотъемлемым фактом языковой истории.

* * *

Итак, в рамках древнейших мотивационных моделей поля ('перемещение преступника', 'перемещение предмета в пространстве'), зародившихся в пр.-сл. период (а первая еще ранее) наиболее активными периодами следует назвать др.-рус. и СРЛЯ для обеих моделей; диалектизмы и жаргонизмы занимают существенное место в рамках второй модели, тогда как практически полностью отсутствуют в первой.

Модели, появившиеся в др.-рус. период ('отдираание, отделение', 'хватание', 'применение силы', 'причинение зла'), характеризуются общей активностью в этот период и отсутствием в ст.-рус. период и в XVIII в. Для моделей 'отдираание, отделение', 'хватание', 'причинение зла' характерны обильные диалектные образования при слабом развитии жаргонизмов. Модель же 'применять силу' слабо представлена в диалектах и не развивается в жаргоне.

Модели, появившиеся в ст.-рус. период ('аморальное поведение', 'собственно присвоение'), характеризуются общей активностью в период зарождения (ст.-рус.) и в период СРЛЯ. Обе модели представлены обильными диалектизмами при отсутствии жаргонизмов.

Наконец, исключительно диалектизмами представлены следующие модели: 'уподобление другому лицу / животному', 'место промышления',

'специализация по предмете кражи', 'исчезновение (заставлять исчезать)', 'накопление', 'социальный статус жертвы', 'извлечение', 'получение прибыли', 'отклонение от законного состояния'. Все указанные мотивационные модели обнаруживают активное взаимопроникновения диалектизмов и жаргонизмов с дальнейшим их проникновением в СРЛЯ.

Наиболее устойчивыми в истории русского языка следует признать следующие модели: 'векторное перемещение предмета в пространстве', 'отдираание, отделение, 'хватание'. Их устойчивость проявляется в стабильном пополнении новыми образованиями в большинстве из выделенных в данной работе периодов. Среди весьма активных молодых мотивационных моделей можно отметить 'быстрое, неожиданное совершение действия', 'уподобление другому лицу / животному по сходству в поведении', которые характеризуются наиболее активным вовлечением новых корней для обозначения кражи на языковой периферии (жаргоне и диалектах) при стабильном высоком проникновении «наверх» в СРЛЯ.

Лексика русского языка с семантикой воровства преимущественно не индоевропейская – только один корень, **tatъ*, может быть надежно отнесен к этому периоду. Семантика присвоения начинает активно развиваться лишь с праславянского периода, после окончательного формирования родо-племенного общества и даже на стадии его разложения. Наиболее объемным, однако, по количеству образованных лексем является период древнерусского языка. Вторым по количеству слов является уровень диалектов. Период СРЛЯ характеризуется наиболее значительными изменениями: 1) отсутствуют новообразования со значением присвоения чужого и стирается соответствующая семантика в производных гнезд, в которых данное значение присутствовало в древнерусском языке: **lupiti*, **mьknoti*, **pakostъ*, **pelnъ*, **sila*, **tvoriti*, **tьrgati*, **vezti*, **vojъ*, **volděti*, — во всех продолжениях которых, кроме **tьrgati*, значение присвоения чужого продолжает существовать в русских

диалектах; 2) во всех гнездах исчезают все вторичные имперфективы и перфективы древнерусского языка, слабыми элементами системы оказывается *nomina agentis*, исторически свойственные практически всем гнездам. Как уже было указано в гл. II, это может быть косвенным свидетельством маркированной анонимности кражи, развившейся в СРЛЯ.

Активно лексемы со значением присвоения чужого формируются в русских диалектах, без которых анализ данного поля был бы неполным. В СРЛЯ наблюдается тенденция к активному проникновению в него диалектизмов, которые из-за частотного употребления стремятся занять более высокое положение на стилистической шкале (*тибрить*, *гопник* и др.)

Итак, зародившись с представления об осторожном, скрытном передвижении преступника, ЛСП 'присвоение чужого' на протяжении своей долгой истории меняло свою структуру, на которую оказывало влияние представление русского этноса о краже. Для древнего человека (и.-е. и пр.-сл. периоды) существенным оказывается компонент значения, описывающий передвижение преступника и смена местоположения предмета, для восточных славян в целом (др.-рус. период) главным компонентом кражи становится ее резкое, зачастую насильственное совершение с подчеркнутым «нежеланием» жертвы расставаться собственностью, что приводит к появлению мотивационной модели 'отдираание, отделение', которая свидетельствует уже о закреплённой за человеком по закону собственности. Именно из этого представления о нерушимой (по закону) связи человека и его имущества рождается модель 'причинение зла', описывающая кражу с точки зрения жертвы. Интересным новообразованием для великорусского языкового пространства, начиная со ст.-рус. периода, является раздвоение аксиологической характеристики кражи: с одной стороны, мотивации выражают позицию вора — оценку кражи как перехода предмета во владение другого

человека, своего рода прибыли, как при купле-продаже, о чем свидетельствуют модель РЛЯ 'собственно присвоение' и модели русских диалектов: 'накопление', 'получение прибыли', 'отклонение от законного состояния'; с другой стороны, важной составляющей концепта кражи в собственном русском языке становится представление о воре как о человеке низком, подлом, лукавом и увертовом (ср. модели 'аморальное поведение', 'уподобление другому лицу / животному', '(низкий) социальный статус жертвы'). Кроме того, для русского этноса является существенным «профессиональная» ориентация вора, проявляющаяся в специализации преступника по месту совершения кражи или ее предмету, о чем находим подтверждение в русских диалектах, лексемы которых уже проникают в СРЛЯ (*домушник, карманник*). Таким образом, русская языковая картина, впитав и на определенных исторических этапах развивав мотивационные модели своих языковых предшественников (и.-е., пр.-сл.), пережила в истории существенные изменения в отражении представлений о краже, сменив акцент с ее тайного совершения на насильственный и аморальный характер.

Заключение

Результаты работы могут быть выражены в следующих обобщениях.

- 1) Определен набор лексем (около 1000), входящих в лексико-семантическое поле 'присвоение чужого' в русском языке: в его диахронии и синхронии (в диалектах и в литературном просторечии (жаргоне)). Контактное русское этноса с другими народами привело к активному заимствованию первыми корней и слов из языков последних, которые являются существенной составляющей рассмотренного ЛСП. Среди заимствований обнаружены две подгруппы: заимствования РЛЯ, которые имели уже в языках-источниках семантику присвоения чужого (плагиат, клептомания, пиратство, бандитизм), и диалектные и жаргонные заимствования, развившие семантику поля уже на почве русского языка, при этом по моделям русского языка. Более многочисленна вторая группа.

- 2) Определен набор этимологических гнезд, порождающих лексику данного лексико-семантического поля, – в количестве 179 (включая заимствования и предполагаемые источники темных лексем). Семантика присвоения не всегда распространялась на все гнездо, зачастую она присутствует только в ряде лексем или даже в одной лексеме. Так, в таких гнездах, как **krasti*, **vʹrati*, **grabiti* и некоторых других первичная семантика была в значительной степени вытеснена новой - 'красть'. Однако для подавляющего большинства гнезд новая семантика осталась на периферии или является окказиональной, вычисляемой только из контекста. При погнездовом анализе отмечено преобладание глагольных

гнезд: новая семантика проникает в подавляющем количестве случаев через глагол или *nomina actionis*, укрепляется в них и образует далее много вторичных глаголов, т.е. пик языковой активности приходится именно на глагол; имен деятеля в этом поле сравнительно немного, прилагательных и наречий практически нет.

- 3) Словоформы данного поля подчиняются единым законам: типично развивают семантику, присоединяют одинаковые приставки, суффиксы, не имеют форм на *-ся*. Лексемы поля в целом обнаруживают структуры, неархаичные как по корневому вокализму, так и по морфемному составу, исключение составляет лишь небольшой набор именных образований с суффиксами ограниченного активного употребления в СРЛЯ или вообще встречающиеся в небольшом количестве лексем. др.-р. *кража*, *крадьба*, *крадѣа*; др.-рус. *грабежь*; др.-рус. *лоупежь*; псков. *грабат*, ст.-рус. *вориха*; др.-рус. *тать*, *татьба*. В ЛСП 'присвоение чужого' обнаружено большое количество глаголов с экспрессивными наращенными / расширениями основ: *грабаздать* / *грабастать*, урал. *гарабать*, арханг. *грабызнуть*; сиб. *хамать*, перм. *захамить*, помор. *захавать*; новг. *бзуздить*; селиг. *пристребрнить*; в о р о н . *лаузить*; к а р е л . *расширабать*; прибайк. *схоробшить* / *схоромчить*. В данное ЛСП попал и глагол *вынуть* — классический пример слова с нулевым корнем. При анализе обнаружены и уникальные единичные образования: др.-рус. *грабитися* 'грабить друг друга', др.-рус. *перекрасти* 'украсть краденое'.

- 4) Каждое гнездо стремится, во-первых, сформировать как минимум три основные номинации: действие (глагол и имя) и деятель, во-вторых, стремится к устранению дублетов. На исчезновение были обречены все вторичные имперфективы и перфективы древнерусского языка во всех

гнездах. Номинация деятеля оказывается слабым элементом системы лишь в СРЛЯ. Это может быть косвенным свидетельством маркированной анонимности кражи, существенной для литературного языка.

- 5) Группировка по этимологическим гнездам и выявление внутренней формы помогли выяснить, какой мотивационный признак положен в основу номинации кражи. Во второй главе эти признаки были обобщены в 18 мотивационных моделей: 'векторное перемещение предмета в пространстве', 'отдираание, отделение', 'хватание', 'применение силы', 'быстрое, неожиданное совершения действия' (на основе большого количества лексем и корней, развивших значение кражи по данным моделям, данные модели были признаны базовыми для данного ЛСП), 'перемещение преступника', 'отклонение от нормального поведения (аморальное поведение)', 'уподобление другому лицу по сходности в поведении', 'место промысла', 'специализация по предмету кражи', 'причинение зла', 'исчезновение (заставлять исчезать)', 'собственно присвоение', 'накопление', 'отклонение от законного состояния', '(низкий) социальный статус жертвы', 'извлечение', 'получение прибыли'. Мотивационные модели различаются по объему лексического наполнения, однако большинство из них представлены не единичными словами. Количество мотивационных моделей и значительность их лексического наполнения свидетельствуют об укорененности в сознании человека этого фрагмента картины мира. Помимо выделенных мотивационных моделей, являющихся первой ступенью обобщения, в качестве второго уровня обобщения выделены следующие типы мотиваций, отражающие принципы подхода русского этноса к явлению кражи: 1) движение самого преступника или перемещение предмета

хищения ('векторное перемещение предмета в пространстве', 'отдираание, отделение', 'хватание', 'быстрое, неожиданное совершение действия' (уподобление свисту, прыжку и под.), 'перемещение преступника' (ловкое, тихое, осторожное)); 2) сущность присвоения с точки зрения жертвы ('применение силы', 'причинение зла', 'исчезновение (заставлять исчезать)', 'отклонение от законного состояния'); 3) сущность присвоения с точки зрения преступника ('место промышления' (жилое помещения или неохраняемая местность), 'специализация по предмету кражи', 'собственно присвоение', 'накопление', 'извлечение', 'получение прибыли'); 4) характеристика преступника ('отклонение от нормы поведения (аморальное поведение)' (лукавое, низкое, подлое), 'уподобление другому лицу / животному' (врагу, животному).

- б) Хронологическое распределение (Глава III) лексического материала поля по периодам пр.-сл., др.-рус., ст.-рус., РЯ XVIII в., СРЛЯ, диалекты и жаргон дает основание считать наиболее активными периодами формирования поля др.-рус. и СРЛЯ. Исключительно диалектизмами представлены следующие модели: 'уподобление другому лицу / животному', 'место промышления', 'специализация по предмету кражи', 'исчезновение (заставлять исчезать)', 'накопление', '(низкий) социальный статус жертвы', 'извлечение', 'получение прибыли', 'отклонение от законного состояния', - которые обнаруживают активное взаимопроникновения диалектизмов и жаргонизмов с дальнейшим их проникновением в СРЛЯ. Наиболее устойчивыми в истории русского языка признаны следующие модели: 'векторное перемещение предмета в пространстве', 'отдираание, отделение', 'хватание'. Среди молодых мотивационных моделей были отмечены 'быстрое, неожиданное совершение действия', 'уподобление другому лицу / животному по

сходности поведения', которые характеризуются наиболее активным вовлечением новых корней для обозначения кражи исторически на языковой периферии (жаргоне и диалектах) при стабильном высоком проникновении «наверх» в СРЛЯ. Был сделан вывод, что русский язык, впитав и на определенных исторических этапах развивав мотивационные модели своих языковых предшественников (и.-е., пр.-сл.), сформировал несколько иное представление о краже, сменив акцент с ее тайного совершения вначале на достаточно насильственный, а затем на обманный. По данным хронологического распределения мотивационных моделей и их лексического наполнения можно сделать вывод об изменении языкового отражения явления кражи в истории русского языка от древнейшего, унаследованного от пр.-сл. акцентирования тайности явления, до преобладания характеристик по насильственности и аморальности действия. На примере этого поля можно проследить движение человеческой мысли от простой номинации предметов окружающего мира к абстрактным понятиям. Мотивационные модели свидетельствуют об изменениях, происходивших на протяжении истории языка в восприятии и осознании этносом соответствующих социальных явлений, то есть об изменениях в одном фрагменте языковой картины мира. Данное исследование, являющееся частью более крупного исследования языковой картины мира русского этноса, может быть продолжено путем привлечения соответствующей лексики из других славянских языков, что позволит восстановить данный фрагмент языковой картины мира Славии и подтвердит или опровергнет надежность предложенных этимологий темных слов.

7) В ходе исследования впервые были предложены этимологические толкования для следующих темных слов:

РЛЯ: разг. *тибрить*

жаргонизмы: жарг. *захобачить*, аргот. *лох*, угол. *мамура*, жарг. *пулять*, разг. *скеросинить*, жарг. *чиграш*, *чиграшить*, жарг. *шпана*, *шпанюк*,

диалектизмы: псков., костром., перм., сибир. *варнак*, сибир. *зашиморить*, диал. *карабча*, *карабчун*, сибир. *карамчить*, *карапчить*, н.-новг. *лямза*, *лямзить*, сибир. *обделать*, карел. *охахалить*, сибир. *поддедюлить*, урал. *подгундорить*, яросл. *прибаянить*, урал. *разбутыскать*, урал. *сбаклать*, волог. *сбачить*, урал. *сбентерить*, казацк. *сбуздать*, урал. *сбукчить*, волог. *сбусать*, новг. *сдебрить*, кашин. *слябзить*, новг., волог. *слямать*, перм. *слямзить*, волог., олон. *слямшить*, яросл. *слясить*, *сляшить*, *слящить*, казацк. *смамырить*, перм., вят. *спандерить*, *спандер*, поволж. *спорить*, новг., помор., печор. *спулить*, псков., офен. *стибасить*, твер., вят. *стигостить*, моск., казан., твер. *стигустить*, карел. *счалить*, офен. *тибас*, шерстобит. *убахтить*, офен. *усякрить*, *усяприть*, шерстоб. *юхтить*, *юхтельник*.

Алфавитный

абкрасть...54
 аманат...168
 аманатить...169
 аманатка...168
 аманатничать...169
 баклажничать...169
 бандеродец...162
 бандист...161
 бандит...161
 бандурь...162
 бандюга...161
 бандюк...161
 барыга...168
 барыш...168
 барышить...168
 барышник...168
 барышничать...168
 братья...84
 блуд...97
 блудёна...98
 блудень...98
БЛУДИТИ...97
 блудить...97
БЛУДЛИВЫИ...98
 блудный...98
БЛУДНИКЪ...98
 блудничать...97
 блудня...98
 блуздить...97

указатель лексем.

большедорожник...103
 большедорожничать...103
 бомбануть...176
 борыга...168
 братья...84
БЪРАНИКЪ...86
БЪРАТИ...83
 варнак...195
 варначка...195
ВЗИМАНИЕ...89
ВЗИМАТИ...87
 взять...87
 вклепаться...146
 воздушник...142
 волокчи...126
 вор...67-69
 ворёнок...69
 ворига...69
 ворина...69
 ворить...70
ВОРИХА...70
 воришка...69
 ворище...69
 воркаган...69
 воркаганить...72
 ворко...69
 воробейник...120
 воровастый...73
ВОРОВАТИ...70
 вороватый...72
 вороваться...71
 воровивать...71
 воровитый...73
 воровка...70
 воровливый...73
 воровой...72
 воровской...72
ВОРОВСТВО...72
ВОРОВЫВАТИ...71
 воровывать...71
 ворог...116
 вороп...196
 ворочать...137
 воручий...73
 ворьё...69
 ворьина...69
 ворюга...69
 воряга...69
 воряивать...71
 вуркаганить...72
ВЪЗТВОРИТИ...128
ВЪЗХЫТАНИКЪ...65
ВЪЗХЫТАТИ...63
ВЪЗХЫТИТИ...61
ВЪЗХЫЩАТИ...63
ВЪЗХЫЩЕНИЕ...65
ВЪЗХЫЩЬНИКЪ...66
ВЪЗДАТИ...87

- вЪздати**...89
 выбой...91
выбрати...85
 выграбить...80
 выгрузить...129
 выдернуть...103
выимати...88
 выкрадувать...55
 выкрасть...53
 вынуть...89
 вынять...89
 выпахать...113
 вырвать...110
 высадить...142
 высвистать...110
 вытащить...108
вытагати...128
вытазати...128
 вытянуть...128
 выхватить...61
 вычистить...130
 вышевелить...130
 вышелушить...130
 выщекотать...132
 выщелкать...132

 гарабать...79
 гарамчи...79
 глиссануть...166
 гоп...143
 гопник...143
 гопница...143
 гопничать...143
 гопничество...143
 гоп-стоп...143
 городушник...149
 грабаздать...78
 грабальщик...80
 грабастать...78
 грабастить...78
 грабастень...82
 грабастой...82
 грабат...82
грабежливый...82
грабежникъ...82
 грабёжник...81
 грабёжный...82
грабежное...82
грабежный...82
грабежчикъ...81
грабежь...80
грабезчикъ...82
 грабельщик...82
грабильщикъ...82
грабитель...81
грабительство...81
 грабительствовать...81
грабити...78
грабитися...78
 грабленое...83
грабленик...81
грабля...80
 грабнуть...79
 грабодитель...81
 грабуздать...78
 граб(ь)...79
грабьць...92
 грабью грабить...78
 грабья...81
гробокопаньк...161
гробокопатель...161
 гробызнуть...79
 гундерить...182

 де/ирануть...103
 дёрнуть...103
 доворовать...71
 доить...152
 домушник...133
 домушничать...133
 дорожник...103
 дорожничать...103
 дохопать...100
 дугач...147
 дужить...147
 дурничку драть...104
 дыбить...150

 жиган...115
 жогануть...115
 жогать...115
 жулик...133

 забарабать...85
 забожить...140
забрати...85

завладати ...109	изхытити ...61	крадва ...57
завладать...109	изъпати ...88	крадежемъ ...57
завладѣти ...109	имати ...86	крадежникъ ...58
завлаживати ...109	имѣние ...89	крадежство ...58
заграбастать...78	каймашник...172	краденик ...58
загънати ...75	каймашничать...172	крадемъ ...56
задужить...147	капость...126	крадомъ ...56
занмати ...88	карабча...167	крадъба ...57
замытарить...172	карабчун...167	крадъливыи ...58
замытрафырить...172	карамчило...167	крадывати ...53
захавать...101	карамчить...167	крадый ...58
захамить...100	карапчить...167	кража...56
захапать...100	карман...167	кражда ...56
захватити ...62	карманник...167	красть...52
захватъ ...64	карманничать...167	кустарник...174
захитить...62	кидала...156	кустарь...174
захламоить...134	кидалово...156	лазить...145
захобачить...191	кидальщик...156	лаузить...131
зацапать...147	кидать...155	лезть...145
зашиморить...193	кидняк...156	лесовать...116
зати ...88	кидок...156	ловить...144
злодий...149	кинуть...156	лох...194
изворовати ...68	клептоман...166	лохан...194
изграбежь ...80	клептомания...166	лохер...194
изграбити ...80	кобылятник...59	лохотрон...194
иззорить...135	колена преклонить...152	лоупежь ...118
из(ъ)лупити ...118	компилятор...165	лупитель ...118
изнимати ...88	компиляция...165	лоупити ...118
изотгъяти ...88	конокрад...59	лоупление ...118
изотымати ...88	конокрадство...59	лупить...118
изхытати ...63	коробчить...148	лямза...188

- лямзить...188
 ляпнуть...171

 мамура...190
 медвежатник...150
 мошенник...150
 мызнуть...122

 наворовать...71
 нагайдарить...151
 награбить...78
 награбостить...78
 наколоть...151
 накрасть(ся)...57
насиловати...123
насильство...123
 натараканить...176
неокраденъ...55
неокрадомыи...55
непокрадомъ...55

 обворовать...71
 обгрызать...156
 обделать...183
 обдирать...102
 обкарманить...167
овладати...108
 облизанный...146
 обловить...144
 обловщик...144
обобрати...84
 обобратить...84
- обовладѣти**...109
 ободрать...102
 обокрасть...54
 обпороть...149
обрати...84
 обрать...84
 обуть...153
 обчекрыжить...151
 обчищать...130
 обшерстить...113
 обшершить...113
 общекотать...132
 объюхтить...198
овладати...109
овладѣти...109
огравити...79
 ограбление...81
огравлѣти...79
 огудина...183
одирати...102
одьрати...101
окрадати...54
окраденник...58
окраденныи...55
окрадовати...55
окрасити...54
 опалубить...119
 опахать...113
 опустить...156
 отбирание...86
 отбирать...84
отбити...90
- отгромить...136
отняти...88
 отобрание...86
отоймати...88
 отработать...177
 отгасовать...175
отторгати...125
 оттыривать...105
 отшелушить...131
отъимати...87
отъниманик...89
отънимати...87
отътъргноути...125
отъгати...87
отъгатики...89
отдѣти...87
отдѣтиє...89
 охахалить...188
 ошкуй...174

пакостити...126
пакость...126
 пациент...177
перекрасити...56
перєгати...86
 пират...163
 пиратский...163
 пиратство...163
 плагиат...164
 плагиатить...165
 плагиатор...164
плєнь...112

- ПЛЕНАТИ**...112
 побрать...86
ПОВОЕВАНИЕ...125
ПОВОКВАНЫЙ...124
ПОВОКВАТИ...124
ПОВОРОВАТИ...71
 повыграбить...80
ПОГРАБИТИ...79
ПОГРАБЛЕНИЕ...81
ПОГРАБЛЕННЫЙ...83
 подгундорить...182
 поддеюлить...183
 подзалазить...145
 подлибить...147
 подорожничать...103
 позычить...173
ПОМАТИ...88
 покосливый...126
 покость...126
ПОКРАДАТИ...55
 покрадки...56
ПОКРАДОВАТИ...55
ПОКРАЖА...57
ПОКРАЖНЫЙ...55
ПОКРАСТИ...54
 полон...112
 полонить...112
ПОЛОУПИТИ...118
ПОНАСИЛОВАТИ...123
ПООТНИМАТИ...88
ПООТНЯТИ...88
 попленили...112
 поплелять...112
 поспродовать...147
 потеря...159
 потрогать за вымя...152
ПОХВАТАТИ...63
ПОХВАТИТИ...61
 похититель...66
 похитка...65
ПОХИТНИКЪ...66
 похитчик...66
ПОХИЧАТИ...63
ПОХИЩАТИ...63
ПОХИЩЕНИЕ...64
ПОХИЩНИКЪ...66
ПОХЫГАТИ...63
ПОХЫТИТИ...60
 пошкодить...173
 пошкодовать...173
ПОЯТИ...88
ПОЯТИК...88
ПРЕХВАТАТИ...63
 прибаянить...184
ПРИБРАТИ...85
 прибрать к рукам...86
 приватизировать...177
ПРИВЛЕЩИ...127
 приграбастать...78
 прикабрить...191
 прикарманить...167
 прикратить...158
ПРИСВОЕНИЕ...107
ПРИСВОИВАТИ...106
ПРИСВОИТЕЛЬ...107
ПРИСВОИТИ...106
ПРИСВОЯТИ...106
 пристебренить...117
 приубирать...85
 приубрать...85
 прихабрить...191
 прихитить...62
 прихламоститить...134
ПРИЯТИЕ...89
 пронырь...111
 пулять...186
 пятить...158

РАЗБОИ...91
 разбойник с большой
 дороги...103
РАЗБОЙНИКОВЪ...91
РАЗБОЙНИКЪ...91
 разбойничать...91
 разбойничество...91
РАЗБОЙНИЧНИ...91
РАЗБОЙНСТВО...91
 разбутыскать...184
 разволочить...127
РАЗГРАБЕЖЬ...80
РАЗГРАБИТИ...80
 разокрасть...55
 разувай...153
 разувайло...153
 разувать...153
 растащиловка...108

- сонник-светляк...155
сонник-темняк...155
спакостить...126
спандер...187
спандерить...187
спереть...141
спиздить...98
спионерить...176
спорить...197
спохитеть...61
спрокудить...140
спулить...186
спятить...159
срубить...190
срыбить...153
стебануть...117
стибасить...197
стибрить...197
стигостить...189
стигустить...189
стипать...160
стопорить...143
стопорка...143
страдовать...114
стурить...105
стыривать...105
стырить...105
стырок...105
стырщик...105
стюрить...105
стянуть...128
схарапчить...167
схимостить...169
схитить...62
схлюздить...137
счалить...182
сѣволочи...126
сѣухтить...198
татекрадьственны...95
тать...92-94
татья...95
татьявина...95
татьявити...96
татьявныи...95
татьяство...95
тибас...197
тибрить...197
тырбаж...105
тырбанить...105
тырбанка...105
тырбень...105
тырить...105
тырка...105
тырнуть...105
убахтить...185
убуровить...115
увагнуть...76
оүвести...109
увести из-под носа...109
уводить...109
оүводъ...109
уволакивать...127
уволочить...127
уворовать...71
угнать...76
угонить...76
угонка...76
угонщик...76
угонять...76
удило...158
удильщик...158
украсть...53
умчать...99
оүм(ъ)чати...99
оүмыканик...100
оүмыкати...99
умыкнуть...99
оүмыкывати...99
упереть...141
урвать...110
урка...69
уркаган...69
урок...69
усякрить...195
усяприть...195
утащить...108
утешить...145
ухитить...62
уцупизнуть...98
үщъкнүтъ...131
фараонить...175
фитиль...178

- хабить...191
хамать...100
хапало...101
хапом брать...101
хапуга...101
хапун...101
харапчить...167
хитить...60
хитник...66
хитничать...67
хитной...65
хитство...64
хищник...66
хищница...66
хищничать...67
хищнический...67
- хищничество...67
хищный...65
хлюздить...137
хытити...62
хыщеник...65
хыщъникъ...66
- царапнуть...120
- чеграш...191
чиграш...191
чиграшить...191
чужбинник...170
чужить...170
- шабашка...173
- шакал...179
шакалить...179
шарахать...157
шарахнуть...157
шпана...192
шпанюк...192
штопать...143
штукарь...171
шушара...192
шушера...192
- щипач(ить)...155
- юхтельник...199
юхтить...198

Библиография

Источники:

- Арханг. Архангельский областной словарь / под ред. Гецовой О.Г. Вып.1-14-. М.: Изд. МГУ, 1980-2012.
- Балдаев Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (Речевой и графический портрет советской тюрьмы) / сост. Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М. М.: Края Москвы, 1992. 526 с.
- Беломор. Мызников С.А. Русские говоры Беломорья (рабочие материалы). СПб.: Наука, 2010. 466 с.
- Брянщ. Расторгуев П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск: Наука и техника, 1973. 296 с.
- Волог. Словарь вологодских говоров / под ред. Паникаровской Т.Г. Т.1-9. Вологда, 1983-2002.
- Гринченко Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка. Т.І-IV. Киев, 1907-1913.
- Даль Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. М.: ОЛМА-Пресс, 2002 (=1955=1880-1882).
- Длуги Длуги Дж.А. Современный чешско-русский словарь. М.: АСТ, 2004. С. 192.
- Дон.казачк. Большой толковый словарь донского казачества / под ред. Дегтярева В.И., Кудряшовой Р.И., Проценко Б.Н., Сердюковой О.К. М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2003. 608 с.
- Дуров Дуров И.М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 453 с.
- Евгеньева Евгеньева А.П. Словарь русского языка. Т. I-IV. М.: Наука, 1981.
(материал дается без ссылок)
- Елистратов Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ-Пресс Книга, 2010. 672 с.
- Жаргон Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2001. 716 с.

- Зорина Вологодское словечко / отв. ред. Зорина Л.Ю. Вологда: ВГПУ, 2011. 343 с.
- Зотов Зотов Г.В. Словарь региональной лексики крайнего Севера-Востока России / под ред. Соколянского А.А. Магадан: СВГУ, 2010г. 539 с.
- Иванова Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. М.: Изд-во Моск. обл. пед. Ин-та, 1969. 597 с.
- Карел. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / под ред. Герд А.А. Т. 1-6. СПб.: Изд-во. Санкт-Петербургского ун-та, 1994-2005.
- Карпенко Словарь русских говоров одесщины / под ред. Карпенко Ю.А. Т. 1-2. Одесса: Астро-Принт, 2000-2001.
- Ковалев Ковалев В.Ф. Итальянско-русский и русско-итальянский словарь. М.: Филоматис, 2007. 672 с.
- Козловский Козловский В. Собрание русских воровских словарей в четырех томах. Нью-Йорк: Chalidze publications, 1983.
- Крысин Крысин Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2011. 864 с.
- Малеча Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1-4. Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 2002-2003.
- Мосеев Мосеев И.И. Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск: Правда Севера, 2005. 138 с.
- Мызников Мызников С.А. Русские говоры Среднего Поволжья (Чувашская Республика и Республика Марий Эл). СПб.: Наука, 2005. 640 с.
- Мясникова Мясникова О.А. Белорусско-русский, русско-белорусский словарь. Минск. Тетра Системс, 2006. 480 с.
- Никитина Никитина Т.Г. Молодежный сленг. М.: АСТ, 2003. 912 с.
- НОС Новгородский областной словарь / Под ред. проф. В.П. Строговой. Вып. 1-13. Новгород: Изд-во Новгор. гос. пед. ин-та, 1992-2000.
- Ожегов Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
- Онишкевич Онишкевич М.Й. Словарь бойковских говоров. Т. 1-2. Киев: Наукова думка, 1984-85.
- Перм. Словарь пермских говоров / под ред. Бажутиной Г.В., Борисовой А.Н.,

- Подюкова И.А.. Т. 1-2. Пермь: Книжный мир, 2000-2002.
- Печора Словарь русских говоров Низовой Печоры / под ред. Ивашко Л.А. Т. 1-2, СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003-2005.
- Поликарпов Поликарпов-Орлов Ф.П. Лексикон трехязычный, сиречь речений славянских, еллиногреческих и латинских сокровищ. М.: Печатный двор, 1704. 403 с.
- ПОС Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Ивашко Л.А., Лутвиновой И.С., Тарасовой М.А. Т. 1-22-. СПб. (Л.): Издательство Ленинградского университета, 1976-2011.
- Прибайк. Словарь русских говоров Прибайкалья / под ред. Кошевой Ю.И., Серышевой М.А., Соколова П.С. Т. 1-4. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1986-89.
- Приирт. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / под ред. Садрединовой Г.А.. Т. 1-3. Томск: Изд-во Томского университета, 1992-93.
- Прикамье Словарь русских говоров Южного Прикамья / под ред. Подюкова И.А. Вып. 1-3, Пермь: Перм. гос. пед. Ун-т, 2010-12.
- САР Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. Т. 6. СПб., 1789-1794.
- СГРС Словарь говоров Русского Севера / под ред. Матвеева А.К. Т. 1-5. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001-2011.
- Селигер Селигер. Материалы по русской диалектологии / под ред. Герд А.С. Т.1-5. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003-2007.
- СИС Новейший словарь иностранных слов и выражений / отв. за вып. Адамчик А.А.. Минск: Современ. Литератор, 2003. 975 с.
- СРГС Словарь русских говоров Сибири / под ред. Федорова А.И. Т. 1-5. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999-2006.
- СРДГ Словарь русских донских говоров / под ред. Волюсинской З.В., Диброва А.А. Т. 1-3. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1975-76.
- СДРЯ Словарь древнерусского языка XI-XIVвв. / под ред. Аванесова Р.И., Улуханова И.С., Крысько В.Б. Т.1-10. М.: Азбуковник, 1988-2012.

- Смолен. Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: Типография П.А.Силина, 1914. 1022 с.
- СРГСУ Словарь русских говоров Среднего Урала / под ред. Вовчок П.А., Матвеева А.К. Т. 1-7. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1964-1988.
- Срезневский Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. I-III. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893.
- СРНГ Словарь русских народных говоров / под редакцией Филина Ф.П., Сороколетова Ф.П. Вып.1-45-. Л.= СПб.: Изд-во СПбГУ, 1965-2012.
- СРЯ Словарь русского языка XI-XVII вв. / под ред. Бархударова С.Г., Шмелева Д.И., Крысько В.Б. Т. 1-28-. М.: Азбуковник, 1975-2008.
- СРЯ 18в. Словарь русского языка XVIII в. / под ред. Бархударова С.Г., Сорокина Ю.С. Т.1-17. М.: Наука, 1984-2010.
- Старославянский словарь Старославянский словарь / под ред. Цейтлин Р.М., Вечерки Р., Благовой Э. М.: Русский язык, 1999 (=1994). 842 с.
- Ушаков Толковый словарь русского языка / под ред. Ушакова Д.Н. Т. I-IV. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-40.
- Шведова Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Шведовой Н.Ю. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.
- Яросл. Ярославский областной словарь / под ред. Мельниченко Г.Г. Вып. 1-10. Ярославль: Прогресс, 1981-1991.
- Bogusławski Bogusławski A. Ilustrowany słownik rosyjsko-polski, polsko-rosyjski. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1978. 1179 p.
- Devoto-Oli Devoto G., Oli G.C. Il Devoto-Oli. Vocabolario della lingua italiana / a cura di Serianni L., Trifone M. Milano: Mondadori Education S.p.A., 2013. 3227 p.
- Ramstendt Ramstendt G.J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935. 560 S.

Литература:

- Абаев Абаев В.И. О принципах этимологического исследования // Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. М., 1956. С. 286-307.
- Абаев 1968 Абаев В.И. Из истории слов // Этимология 1966. М.: Наука, 1968. С. 243-254.
- Абаев 1971 Абаев В.И. Несколько замечаний к славянским этимологиям // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. статей к 70-летию В.И. Борковского. М., 1971. С. 127-135.
- Ан.Зализняк Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания № 2. М.: Наука, 2013. С. 32-51.
- Алексеев Гражданское право: учебник / под ред. Алексеева С.С. М.: Проспект, 2011. 528 с..
- Алтай Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая: в 3 т./ под ред. Шелеповой Л.И. Барнаул: Изд. Алт. Уни-та, 2007-2009.
- Аникин Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.: Наука, 2000. 768 с.
- Аникин 2003 Аникин А.Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск: Наука, 2003. 255 с.
- Апресян Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания, № 1. М.: Наука, 1995. С. 37-67.
- Апресян 1995 Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
- Арутюнова Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Арутюнова Н.Д. Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. 168 с.
- Афанасьев Афанасьев А.Н. Происхождение мифа. М.: Наука, 1996. 310 с.
- Балли Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. Лит-ры, 1961. 394 с.
- Бартминский Бартминский Е. Этноцентризм стереотипа: результаты исследования немецких (Бохум) и польских (Люблин) студентов в 1993-1994 гг. //

Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Тезисы конференции. М.: Наука, 1995. С. 7-9.

- Бахтин Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худ. Лит., 1990. 543 с.
- Беккария Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 464 с.
- Белогриц-Котляровский Белогриц-Котляровский Л.С. Учебник русского уголовного права. Киев: Южно-рус. кн-во Ф.А. Иогансона, 1903. 626 с.
- Бенвенист Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
- Бернштейн Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М.: Наука, 1974. 378 с.
- Блейхер Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов: в 2 т. Т. 2. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 640 с.
- Бойцов Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 755 с.
- Бойцов II Бойцов А.И. Преступления международного характера // Уголовное право. Особенная часть: учебник: в 2 ч. Ч.1. / под ред. Беяева Н.А., Водяникова Д.П., Орехова В.В. СПб.: Изд. СПб. Ун-та, 1995. 204 с.
- Бондалетов Бондалетов В.Д. В.И. Даль и тайные языки в России. М.: Флинта: Наука, 2004. 525 с.
- Бондалетов II Бондалетов В.Д. Греческие элементы в условных языках русских торговцев и ремесленников // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 7. М., 1972. С. 20-25.
- Бондалетов III Бондалетов В.Д. Греческие заимствования в русских, украинских, белорусских и польских аргос // Этимология 1980. М.: Наука, 1982. С. 64-79.
- Варбот 1963 Варбот Ж.Ж. О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях // Этимология. М.: Наука, 1963. С. 194-212.
- Варбот 1969 Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словоизменение. М.: Наука, 1969. 230 с.
- Варбот 1972 Варбот Ж.Ж. Некоторые случаи морфологического переразложения в славянских глаголах и отглагольных именах и этимологический анализ

// Slawische Wortstudien. Slawische Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes. Leipzig, 1972. S. 148–162.

- Варбот 1973 Варбот Ж.Ж. О возможностях диахронического истолкования морфонологической вариантности в славянских отглагольных именах // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973. С. 91-117.
- Варбот 1976 Варбот Ж.Ж. К реконструкции и этимологии некоторых пр.-сл. отглагольных имен (**vьrati* и **varati* и др.) // Этимология 1974. М.: Наука, 1976. С. 32-43.
- Варбот 1984 Варбот Ж.Ж. Праславянская морфология, словообразование и этимология. М.: Наука, 1984. 110 с.
- Варбот 1986 Варбот Ж.Ж. О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях // Этимология 1984. М.: Наука, 1986. С. 33-40.
- Варбот 1987 Варбот Ж.Ж. Об одном балто-славянском соответствии (словац. *toskat’i* -лит. *taškýti* – слав. **taskati?*) // Балто-славянские исследования 1985. М.: Наука, 1987. С. 147-149.
- Варбот 1988 Варбот Ж.Ж. О семантике и этимологии звукоподражательных глаголов в праславянском языке // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1988. С. 66-78.
- Варбот 2001 Варбот Ж.Ж. Из семантического опыта этимологии // Белорусский и другие славянские языки: семантика и прагматика. Материалы Международной научной конференции «Вторые Супруновские чтения». Минск, 28-29 сентября 2001. Минск: БГУ, 2002. С.14-22.
- Варбот 2002 Варбот Ж.Ж. Диахронический аспект проблемы языковой картины мира // Русистика на пороге XXIв.: Проблемы и перспективы: Мат-лы Междунар. конф. 8-10 июня 2002г. М.: Наука, 2003. С. 343-347.
- Варбот 2003 Варбот Ж.Ж. Народная этимология в истории языка и в научной этимологии // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003. Доклады российской делегации. М.: Индрик,

2003. С. 49-62.

- Варбот 2008 Варбот Ж.Ж. Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в диахронии и синхронии // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. Охрид, сентябрь 2008. М., 2008. С. 84-95.
- Варбот 2012 Варбот Ж.Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. М.- СПб.: Нестор-История, 2012. 645 с.
- Венедиктов Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 839 с.
- Винер Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1958. 200 с.
- Виноградов Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания № 5. М., 1953. С. 3—30.
- Винокур Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. 492 с.
- Владимирский-Буданов Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 640 с.
- Высоцкий Высоцкий С.С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в сев.-рус. говорах (по материалам экспериментально-фонетического исследования) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М.: Наука, 1967. С. 5—82.
- Гак Гак В.Г. Этимолого-семантические поля в лексике // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В.Виноградова) / отв. ред. Ляпон М.В. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 1995. С. 107-117.
- Гаухман Гаухман Л.Д. Уголовная ответственность за вымогательство. М.: ЮрИнфоР, 1996. 290 с.
- Гегель Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
- Глистин Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1979. 120 с.
- Горяев Горяев Н.В. Этимологический словарь русского языка. Тифлис: Типография канц. Главнач. гр. ч. на Кавказе, 1896. 558 с.

- Горяев Доп. Горяев Н.В. Этимологические объяснения наиболее трудных и загадочных слов в русском языке. К сравнительному этимологическому словарю русского языка. Новые дополнения и поправки. Тифлис: Типография канц. Главнач. гр. ч. на Кавказе, 1905. 450 с.
- Грачев Грачев М.А., Мокиенко В.М. Русский жаргон. Историко-этимологический словарь. М.: АСТ-Пресс Книга, 2009. 336 с.
- Гумбольдт 1985 Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
- Гумилев Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990. 327 с.
- Дмитриев Дмитриев Н.К. Турецкие элементы в русском аргю // Язык и литература. Т.6. Л., 1931. С. 113-130.
- Дождев Дождев Д.В. Римское частное право. М.: Норма, 2002. 784 с.
- Докучаев Докучаев В.В. Овраги и их значение // Докучаев В.В. Сочинения: в 2 т. Т.1. М.-Л.: Географгиз, 1949. С. 103 - 111.
- Долгих Долгих Н.Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии // Филологические науки, 1973, №1. С. 89-98.
- Дубинин Дубинин Н.П. Что такое человек. М.: Мысль, 1983. 334 с.
- Дюмезиль Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука, 1986. 234 с.
- Елистратов II Елистратов В.С. «Сниженный» язык и «национальный характер» // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 55-64.
- ЕСУМ Етимологічний словник української мови: в 6 т. / под ред. О.С.Мельничука. Т.1-6. Киев: Наук. Думка, 1982-2012. 632 с.
- Зеленин Зеленин Д. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. VIII. Л., 1929-1930. С. 56- 57.
- Калашников Калашников А.А. Структурно-семантический анализ славянских синонимичных словообразовательно-этимологических гнезд (гнезда глаголов с исходным значением 'вязать, плести'). Автореф.диссер. ... канд.филолог. наук. М., 1993.
- Касевич I Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Центр Петербургское Востоковедение, 1996. 288 с.
- Касевич Касевич В.Б. Культурно-обусловленные различия в структурах языка и

дискурса // XVI Congries International des Linguistes. Paris, 1997. С. 56-62.

- Клепицкий Клепицкий И.А. Недвижимость как предмет хищения и вымогательства // Государство и право., М., 2000, № 12. С. 11-19.
- Клименко, Мельник Клименко В.А., Мельник В.И. Проблема предмета вымогательства личного имущества граждан в новых социальных условиях // Актуальные проблемы уголовного права в правоприменительной деятельности органов внутренних дел в новых социально-политических условиях. М., 1992. С. 148 - 154.
- Козлов Козлов В. Гопники. М.: Ad marginem, 2002. 288 с.
- Коротеев Коротеев А.А. Сверхмногозначные грубопросторечные глаголы в современном русском языке // Учен. зап. Дальневост. гос. ун-та. Владивосток, 1968. С. 88 - 91
- Костомаров Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999. 246 с.
- Козаченко Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. Козаченко И.Я., Незнамова З.А., Новоселов Г.П. М.: Норма, 1997. 720 с.
- Колесов Колесов В.В. Язык города. М.: Высшая школа, 1991. 192 с.
- Криминология Шнайдер Г.Й. Криминология. М.: Прогресс-Универс, 1994. 502 с.
- Курилович Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Иностранная литература, 1962. 456 с.
- Куркина Куркина Л.В. Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. М.: Азбуковник. 2011. 366 с.
- Куц Куц В.Н. О непосредственном объекте вымогательства // Проблемы социалистической законности. Харьков, 1985. С. 115-117.
- Ларин Ларин Б.А. Западно-европейские элементы воровского аргю // Язык и литература. Л., 1931. Т. 7. С. 113-130.
- Ларин II Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание (избранные работы). М.: Просвещение. С. 175-189.
- Леонтьев Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник МГУ. Сер. № 14 Психология. № 2, М., 1979. С. 65-79.
- Лихачев Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление: сборник статей. М., Л., 1935. Т. 3-4. С. 47-100.

- Лосев Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию. М.: МГУ, 1982. 480 с.
- Лотман Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т.1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. 478 с.
- Лотман 1993 Более всего опасна победа: Последнее интервью Юрия Лотмана. Интервью взяла Л.Глушковская // Известия. 1993. 1 дек. № 230.
- Лотман 2002 Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 543 с.
- ЛЭС Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. Ярцева В.Н. М.: Большая рос. энцикл., 2002. 709 с.
- Малахов Малахов Л.К. Ответственность за вымогательство: квалификация и наказание по российскому и зарубежному праву. Учебное пособие. Н.Новгород: Минос, 1995. 136 с.
- Маркс Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. 619 с.
- Маслова Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2010. 208 с.
- Мельничук Мельничук А.С. Об одном из важных видов этимологических исследований // Этимология 1967. М.: Наука, 1969. С. 57 - 67.
- Меркулова Меркулова В. А. О некоторых принципах этимологии названий растений // Этимология. М.: Наука, 1964. С. 72-87.
- Милитарев Милитарев А.Ю. О возможности пролить свет на интеллектуальную культуру доисторического человека (на примере праафразийских терминов, связанных с музыкой, пением и танцем) // Исследования по лингвистике и семиотике. Сборник статей к юбилею Вяч.Вс.Иванова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 97-107.
- Мокиенко 1999 Мокиенко В.М. Образы русской речи. Историко-этимологические очерки русской фразеологии. СПб.: Фолио-Пресс, 1999. 747 с.
- Мюллер Мюллер М. Наука о языке. Вып. 1-2. Воронеж: Филол. зап., 1868-1870. 502 с.
- Наг-Хаммади Трофимов М.К. Из рукописей Наг-Хаммади // Античность и современность: к 80-летию Ф.А.Петровского. М.: Наука, 1972. С. 369–380.
- Никонов Никонов В.А. Русское словообразование // Этимология 1967. М.: Наука,

1969. С. 98–109.

- Никифоров Никифоров Б.С. Уголовно-правовая охрана собственности в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 156 с.
- Откупщиков 1969 Откупщиков Ю.В. Словообразовательные модели и этимология // Этимология 1967. М.: Наука, 1969. С. 80-87.
- Платон Платон. Сочинения. Т.1. М.: Мысль, 1968. 623 с.
- Потебня Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. 480 с.
- Преображенский Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. 1-2. М.: Типография Г. Лиснера, Д. Совко, 1910-1914.
- Приёмышева Приёмышева М.Н. Тайные и условные языки в России XIX в. Ч.1. СПб.: Нестор-История, 2009. 455 с.
- Пятаева Пятаева Н.В. Опыт динамического описания синонимичных этимологических гнезд **em-* и **ber-* ‘брат, взять’ в истории русского языка// Этимология 1994-1996. М.: Наука, 1997. С 140-147.
- РФВ Русский филологический вестник в 78 тт. Варшава, 1879-1918. Т. 25.
- Рыбаков Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.
- Сафин Сафин Ф.Ю. К вопросу о соотношении предметов вымогательства и хищения // Социально-правовые и психологические основы деятельности органов внутренних дел и внутренних войск МВД России: проблемы теории и практики. Материалы международной научно-практической конференции в С.-Петербурге 20-21 марта 1997. Ч. 3. СПб., 1997. С. 67-69.
- Серебренников Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983. 320 с.
- Скляровская Скляровская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: СПбГУ, 2004. 166 с.
- Славянские древности Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н.И.Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. 697 с.
- Сорокин Сорокин Ю.А. Речевые маркеры этнических и институциональных портретов и автопортретов // Вопросы языкознания № 6, М., 1995. С. 43-53.

- Соссюр Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
- Супрун Супрун А.Е. Алгоритмическое и неалгоритмическое в этимологическом поиске // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. Москва, 21-26 мая 1984.: Тез. Докл. М., 1984. С. 41-44.
- Телия Телия В.Н. О методологических основаниях лингвокультурологии // XI Международная конференция «Логика, методология, философия наук». М., Обнинск, 1995. С. 102-106.
- Телия II Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический, культурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 284 с.
- Тихонов Тихонов А.Н. Границы и структура лексико-семантического поля // Теория поля в современном языкознании. Уфа, 1994. Ч. 3. С. 3-6.
- Толстая Толстая С.М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении, №1 (3). М.: Языки славянских культур, 2002. С. 112-127.
- Толстой Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
- Топоров 1994 Топоров В.Н. Из индоевропейской этимологии // Этимология 1991-1993. М.: Наука, 1994. С. 126 – 154.
- Топоров 1995 Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.1. Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис; Языки русской культуры 1995. 870 с.
- Топоров 1997 Топоров В.Н. К этимологии др.-инд. **kram-* ‘шагать, ступать’ // Этимология 1994-1996. М.: Наука, 1997. С. 150 - 161.
- Топоров 2000 Топоров В.Н. К реконструкции балто-славянского мифологического образа земли-матери **Zemia & Mātē (Mati)* // Балто-славянские исследования 1998-1999. М.: Наука, 2000. С. 239-371.
- Трайнин Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М.: Госюриздат, 1957. 363 с.
- Трахтенберг Трахтенберг В.В. Блатная музыка. Жаргон тюрьмы. СПб., 1908. 24 с.
- Трубачев Трубачев О.Н. К вопросу о реконструкции различных семантических

систем лексики // Лексикографический сборник АН СССР. Вып. VI. М., 1963. С. 3 -17.

- Трубачев 1966 Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М.: Наука, 1966. 345 с.
- Трубачев 1972 Трубачев О.Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология 1970. М.: Наука, 1972. С. 3-20.
- Трубачев 1980 Трубачев Н.О. Рец. на кн.: Рецензия на Pfister M. Einführung in die romanische Etymologie. Darmstadt, 1980. // Этимология. 1981. М.: Наука, 1983. С. 168-170.
- Трубачев 1988 Трубачев О.Н. Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988. С. 197-222.
- Трубачев 1991 Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования. М.: Наука, 1991. 272 с.
- Тынянов Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.
- Уорф Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 1. М.: Прогресс, 1960. С. 58-91.
- Фасмер Фасмер М. Этимологический словарь русского языка (Перевод с немецкого и дополнения академика РАН О.Н.Трубачева): в 4 т. Т. I-IV. М.: Астрель; АСТ, 2004.
- Федоров Федоров А.Ф. Последняя зима. М.: Советский писатель, 1981. 368 с.
- Фирек Фирек В. Лингвистический атлас Европы и его вклад в европейскую историю культуры: результаты исследований в рамках проекта Atlas linguarum europaе // Вопросы языкознания № 5, М.: Наука, 2003. С. 3-39.
- Фрейденберг Фрейденберг О.М. Происхождение эпического сравнения (на материале «Илиады») // Труды юбилейной научной сессии 1819-1944. Л., 1946. С. 111-113.
- Фойницкий Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Курс особенный. Петроград: Юрид. о-во при Петрогр. Ун-те, 1916. 443 с.
- Фойницкий II Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. СПб.: Тов-во

«Общественная польза», 1871. 546 с.

- Фрумкина Фрумкина Р.М. Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии // Известия Академии наук. Сер. «Литература и язык» т. 58, № 1, М., 1999. С. 3-10.
- Церетели Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М.: Госюриздат, 1963. 382 с.
- Чалидзе Чалидзе В. Уголовная Россия: очерки. М.: Терра, 1990. 395 с.
- Червоницкий Червоницкий Д.А. Мошенничество по уголовному уложению. Юрьев: Типография К. Матиссена, 1906. 156 с.
- Черных Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. I-II. М.: Медиа, 2002.
- Чичерин Чичерин Б. Н. Собственность и государство. СПб.: Изд-во Русской Христианской Гуманитарной Академии, 2005. 824 с.
- Шанский Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 256 с.
- Шайкевич Шайкевич А.Я. Русская языковая картина мира в ряду других картинок // Московский лингвистический журнал т. 8, № 2. М., 2005, С. 5-22.
- Шухардт Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М.: Изд. иностр. Лит., 1950. 305 с.
- Щур Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. С. 256.
- ЭССЯ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н.Трубачева, А.Ф.Журавлева. Вып. 1-39-. М.: Наука, 1974-2014.
- Якобсон Якобсон Р. Ущекоталь скача // *Lingua viget. Commentationes slavicae in honorem V. Kiparski.* Helsinki, 1965. С. 83-89.

* * *

- Belardi Belardi W. Di alcuni fondamenti teoretici dell'etimologia // *Fare etimologia. Passato, presente e futuro nella etimologia. Atti del Convegno. Università per stranieri di Siena. 2-3 ottobre 1998.* Roma: Il Calamo, 2001. P. 7-57.
- Benjamin Benjamin W. Sulla lingua in generale e sulla lingua dell'uomo // *Angelus*

Novus. Saggi e frammenti a cura di R. Solmi. Torino : Einaudi, 1995.
P. 65-67.

- Benveniste Benveniste É. Le Vocabulaire des institutions indo-européennes. V. 1. Paris: Les Éditions de Minuit, 1969. 376 p.
- Buck Buck C.D. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. A contribution to the history to ideas. Chicago: The University of Chigaco Press., 1971. 416 p.
- Chomsky Chomsky N. The Minimalist Program. Cambridge: MIT Press, 1995. 420 p.
- Cipriano Cipriano P. Il ruolo delle etimologie iraniche nell'indoeuropeo preistorico // Fare etimologia. Passato, presente e futuro nella etimologia. Atti del Convegno. Università per stranieri di Siena. 2-3 ottobre 1998. Roma, 2001. 107-123 p.
- Coseriu Coseriu E. Die Geschichte der Sprachphilosophie von der Antike bis zum Gegenwart. Eine Übersicht, Teil II: Von Leibnitz bis Rousseau. Tübingen: Gunter Narr, 1972. 250 S.
- Day Day S.A. Synaesthesia and synaesthetic metaphors // Psyche. V. 2. № 32, 1996. P. 8-27.
- Donini Donini A. Lineamenti di storia delle religioni. Roma: Editori riuniti, 1984. 352 p.
- Evans Evans N. Semantic typology // J.J.Song (ed.). The Oxford handbook of typology. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 504-533.
- Giannini Giannini S. Poetiche etimologiche // Fare etimologia. Passato, presente e futuro nella etimologia. Atti del Convegno. Università per stranieri di Siena. 2-3 ottobre 1998. Roma: Il Calamo , 2001. P. 435-475.
- Grundbegriffe Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches lexikon zur politisch-sozialen Sprachen in Deutschland / herausgegeben von Brunner O., Conze W., Koselleck R. Stuttgart: Klett-Cotta, 1975. Band 2. 948 S.
- Guiraud Guiraud P. Les champs morpho-sémantiques (Critères externes et critères internes en étymologie) // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. T. 52. 1956. P. 265 - 288.
- Havers Havers W. Neuere Literatur zum Sprachtabu. Wien: Sb. Akad. Wiss. Wien, phil.- hist. Kl., 1946. 223 S.

- Herbermann Herbermann C.-P. *Moderne und antike Etymologie* // KZ. 1981. Bd. 95. H. 1.
- Heidegger Heidegger M. *Unterwegs zur Sprache*. Stuttgart: Klett-Cotta, 2007. 271 S.
- Herman Herman J. The history of language and the history of society. On some theoretical issues and their implications in historical linguistics // *Acta linguistica Academiae scientiarum Hungaricae*, XXXIII, 1-4, 1983. P. 182-220.
- Hjelmslev Hjelmslev L. *Résumé of a Theory of Language*. Madison: University of Wisconsin Press, 1975. 312 p.
- Jakobson 1929 Jakobson R. *Remarque sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves*. Prague: TCLP, 1929. 118 p.
- Jakobson 1931 Jakobson R. *Prinzipien der historischen Phonologie* // *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*. V. 4. Prague, 1931. P. 247–267.
- Jakubowicz Jakubowicz M. *Indogermanischen Etymologien in einem Wörterbuch der semantischen Parallelen* // *Studia stymologica Brunensia* / red. I. Janyňková i H. Karlíková. Praha, 2000. S. 209-216
- Keenan Keenan E. *Creating Anaphors. An historical Study of the English Reflexive Pronouns*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 235 p.
- Kiparsky 1959 Kiparsky V. *Über etymologische Wörterbücher* // *Neuphilologische Mitteilungen*. B. 60. 1959. P. 209-230.
- Kiparsky 1966 Kiparsky V. *Etymologie gestern und heute* // *Kratylos*. B. 11, H. 1/2. 1966. S. 68-78.
- Knobloch Knobloch J. *Nomina post res* // *Festschrift für Hugo Moser*. Düsseldorf, 1969. P. 20-39.
- Kohler Kohler K. *Etymologie und strukturelle Sprachbetrachtung* // *Indogermanischen Forschungen. Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft*. Bund. 75. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1970. S. 16-31.
- Kopečný Kopečný F. *Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena*. Sv. 1, 2. Praha: Academia, 1973.
- Kuryłowicz Kuryłowicz J. *Indogermanische Grammatik*. Heidelberg: Winter, 1968. 371 S.
- Kuryłowicz 1965 Kuryłowicz J. *On the laws of isomorphism* // *BPTJ*. 1965. Zesz. 23.
- Lakoff Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What categories reveal*

about the mind. Chicago: The University of Chicago Press, 1987. 614 p.

- Lakoff-Johnson Lakoff J. Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 256 p.
- Lightfoot Lightfoot D. The Development of Language: acquisition, change and evolution. Oxford: Wiley-Blackwell, 1999. 300 p.
- Liszt Liszt-Schmidt F. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. Berlin, 1927. 322 S.
- Locke Locke J. Two treatises of Government / Ed. Peter Laslett. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 464 p.
- Longobardi Longobardi G. Sintassi formale ed etimologia: la storia del francese *chez* // Fare etimologia. Passato, presente e futuro nella etimologia. Atti del Convegno. Università per stranieri di Siena. 2-3 ottobre 1998. Roma: Il Calamo, 2001. P. 69-107.
- Machek 1971 Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1971. 866 S.
- Malkiel Malkiel J. Etymology and the structure of word families // Word: Linguistics today: Columbia University. 1954. V. 10. № 2-3. P. 265-274.
- Malkiel 1962 Malkiel J. Etymology and General Linguistics. Indianapolis: Indianapolis, Ind.: Bobbs-Merrill 1962. 219 p.
- Mancini Mancini M. "Ex ipsis vocabulorum originibus": Vico e l'etimologia dei filosofi // Fare etimologia. Passato, presente e futuro nella etimologia. Atti del Convegno. Università per stranieri di Siena. 2-3 ottobre 1998. Roma: Il Calamo, 2001. P. 213-233.
- Marvan Marvan J. Informační bulletin pro otázky jazykovědne. Praha: Univerzita Karlova v Praze Filozofická fakulta, 1964. 210 p.
- Maslow Maslow A.H. Toward a psychology of Being. New York: D. Van Nostrand Company, 1968. 240 p.
- Mayrhofer Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg: Carl Winter, Universitätsverlag, 1953-76. B. II. 457 S.
- Meyer Meyer R.M. Bedeutungssysteme//Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Göttingen, 1910, Bd.43, H.3-4. S. 352-368.
- Mikkola Mikkola J. Berührungen zwischen den westfinnischen und den slavischen

Sprachen. Helsingfors: Druck der finnischen Litteraturgesellschaft, 1894.
193 p.

- Miklosich Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slaxischen Sprachen. Wien: Braumüller, 1886. 547 S.
- Ortolan Ortolan J.-L.-E. Éléments de droit pénal : pénalité, juridiction, procédure... V.1-2. Paris: H. Plon, 1863.
- Panagl Panagl O. Zur Problematik semantischer Reconstruction in der Etymologie // Lautgeschichte und Etymologie. Akten der 6. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Wien, 24-29. September 1978, hrsg. v. M.Mayrhofer, M.Peters, O.E. Pfeiffer. Wiesbaden, 1980.
- Persson Persson P. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Uppsala-Leipzig: Akademiska bokhandeln, 1912. 1111 S.
- Pfister Pfister M. Einführung in die romanische Etymologie. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1980. 567 S.
- Pokorny Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd.1-2. Bern: Francke Verl. Bern und München., 1949-1959.
- Pokorny (int.) Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch (по сайту www.indo-european.nl)
- Polomé Polomé E.C. The study of religion in the context of language and culture: a prospect for coming decades, with focus on Germanic and Indo-European // The Mankind Quarterly № 26. Washington, 1985. P. 5-18.
- Ramachadran, Hubbard Ramachadran V.S., Hubbard E.M. Synaesthesia – a window into perception, thought and language // Journal of consciousness studies, № 8. 2001. P. 3-34.
- Rejzek Rejzek J. Český etymologický slovník. Praha: Leda, 2001. 890 s.
- Roider Roider Ulrike. Griech. thumos 'Mut' - ai. dhumah 'Rauch' // KZ. 1981. Bd. 95.
- Rowlett Rowlett R.M. Archaeological evidence for early Indo-European chieftains // The Journal of Indo-European studies. v. 12, 1984. P. 193–233.
- Sani Sani S. Etimologie indiane e etimologie degli indiani // Fare etimologia. Passato, presente e futuro nella etimologia. Atti del Convegno. Università per stranieri di Siena. 2-3 ottobre 1998. Roma: Il Calamo, 2001. P. 57-69.
- Setälä Setälä E. Yhteissuomalainen äänehistoria. I ja II. vihko (Sivv. 1–446).

Helsinki, 1890. 368 p.

Sławski

Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. V. 1-3. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1974-1979.

Sławski II

Sławski F. Słowotwórstwo, słownictwo i etymologia słowiańska. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2011. 670 s.

Szemerényi

Szemerényi O. Studies in the kinship terminology of the Indo-European languages (=Acta Iranica. Textes et mémoires). Liège: Bibliothèque Pahlav, 1977. 240 p.

Traugott

Traugott E.C. On the rise of Epistemic Meanings in English: an Example of Subjectification in Semantic Change // Language. V. 65, 1989, N 1. P. 31-55.

Vico

Vico G. Principi di scienza nuova. Firenze: Poligrafica italiana, 1847. P. 328.

Vico 1712

Vico G. [Seconda] risposta di G. Vico all'articolo X del tomo VIII del "Giornale de' letterati d'Italia" 1712 / G. Vico "Opere", a cura di F. Nicolini. Milano-Napoli: Bompiani, 1953. P. 140-156.

Vico 1744

Vico G. La scienza nuova giusta l'edizione del 1744. Roma-Bari: Laterza, 1978. 634 p.

Vico 1977

Vico G. Autobiografia, seguite da una scelta di lettere, orazioni e rime. Torino: Einaudi, 1977. 226 p.

Walde

Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. neubearbeitete Auflage von J.B.Hofmann. B.1. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1938. 872 S.

Weisgerber

Weisgerber J.L. Muttersprache und Geistesbildung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1929. 170 S.